КТО ОПЛАТИТ КОСМИЧЕСКУЮ ЭКСПАНСИЮ?

Фантастика и футурология

№ 1 (230)
Март–апрель 2015

ЕСЛИ

ESLI.RU

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

12+

ПРОГНОЗ

Следующие пятнадцать лет в космосе, 2015–2030

ESLI.RU

СТАРКОН

17-Й ЕЖЕГОДНЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ФАНТАСТИКИ, КИНО И НАУКИ

8–10 ИЮЛЯ

КВЦ Экспофорум
Петербургское ш., 64

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МИРЫ
ВИДЕОИГРЫ
КОСМОНАВТИКА
КОМИКСЫ
ЛЮБИМЫЕ ГЕРОИ
КОСПЛЕЙ
КИНО

WWW.STARCON.PRO
VK.COM/STARCON

ОРГАНИЗАТОР:

Рокетбанк GEEKERS

Журнал «Если»
№ 01 (239) 2015

ISBN 978-5-7921-0872-1
Главный редактор проекта
Николай Ютанов
Главный редактор литературного сектора
Дмитрий Байкалов
Главный редактор футурологического сектора
Артем Желтов
Директор по развитию
Василий Буров
Ответственный секретарь
Светлана Абовская
Редакционная коллегия
Дмитрий Байкалов
Василий Буров
Артем Желтов
Евгений Кузнецов
Артем Шадрин
Творческий совет
Эдуард Геворкян
Александр Громов
Олег Дивов
Марина и Сергей Дяченко
Сергей Лукьяненко
Андрей Столяров
Александр Шалганов
Верстка и оформление
Ирина Бреус
Концепция футурологического проекта:
Исследовательская группа «Конструирование будущего»
Издатель:
ЗАО «Корвус», фонд «Энциклопедия»
Директор проекта
Александр Кривцов
Корректорская группа
Елена Шестакова
Нинель Краюшкина
Маркетинговая поддержка и подписка
ООО «Рекламная группа „Пропаганда“»
Отпечатано в типографии «МДМ-принт»
Тираж: 10 000 экз.

© ЗАО «Корвус», 2015
© Glenn Clovis, иллюстрация на обложке, 2015
© Д. Кузьмичев, иллюстрация, 2015
Иллюстративный материал: Shutterstock.com, flickr.com, pixabay.com, NASA, Bill Ingalls, Ирина Андронати

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ДЕЖУРНЫЙ ПО ВЕЧНОСТИ

Николай Ютанов
Возвращение: утро, XXI век 3

прошлое

Артем Желтов
Прошлое будущее космоса 8

Артур Ч. Кларк, Вернер фон Браун
Следующие десять лет в космосе, 1959–1969 11

Антон Первушин
Колыбель разума 16

Олег Дивов
Занимательная логистика 30

настоящее

КОСМОС КОНТЕКСТ 58

Антон Первушин, Александра Ольховик
Хозяева вселенной / Частный космос: деньги есть! 62

ИНТЕРВЬЮ
Следующие пятнадцать лет в космосе, 2015–2030 68

Адрес редакции: 190121, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр. 1/44, лит. «Б»
E-mail: future.esli@gmail.com
www.esli.ru

ИНТЕРВЬЮ
Сергей Буркатовский: Либо мы будем летать к Луне и Марсу, либо будем воевать 78
КУРСОР 84
Мастер образа Яна Ашмарина 86
Сергей Лукьяненко
Маленькое космическое путешествие 92
Александр Громов
Пудреница 102
Далия Трускиновская
Четыре куста прекрасной лилии 136
ВИДЕОДРОМ 164
КРУПНЫЙ ПЛАН
Классический роман в неклассическом антураже 180
РЕЦЕНЗИИ 182

будущее

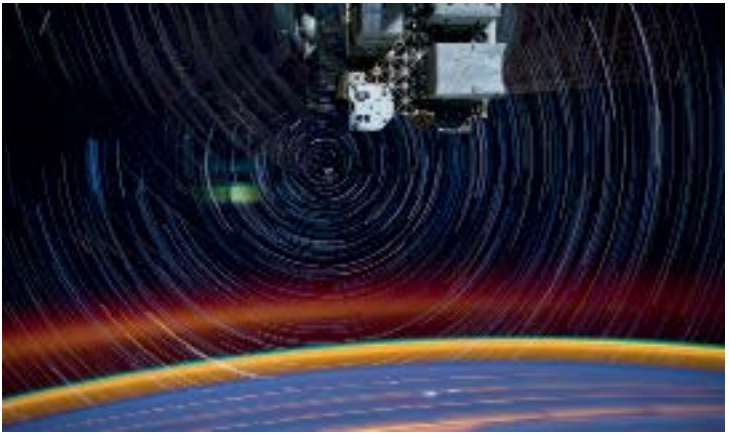
Артем Желтов
Космический пузырь или космическая война? 188
Олег Валуев
Этика космоса: будущее над бездной 198
Юлия Зонис, Игорь Авильченко
Удильщик 208
Алексей Молокин
Мурашки последней мировой 236

Николай ЮТАНОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ: УТРО, XXI ВЕК

/экспертное мнение

/космические полеты

Прошло полвека, а мы по-прежнему стоим на пороге своей колыбельки. Государственный космос проложил первую дорогу на орбиту. Сейчас мы говорим о «второй волне» коммерческого космоса: о средствах доставки и полноценном освоении (частные носители и частные космопорты, проектируются коммерческие космические станции).

За прошедшие годы частный бизнес освоил ближний космос технологиями навигации, связи и мониторинга. Новая волна интереса к космосу (дальнему, среднему) становится основой интереснейшего пространства сценарных возможностей и предполагает развитие в том числе и «коммерческого космоса»:

4

«И вот все приготовления завершены. Заправка ракеты горючим кончилась, и люди побежали от нее в разные стороны, будто муравьи, улепетывающие от металлического идола. И Мечта ожила, и взревела, и метнулась в небо. И вот уже скрылась вместе с утробным воем, и остался от нее только жаркий звон в воздухе, который через землю передался нашим ногам и вверх по ногам дошел до самого сердца».

Рэй Брэдбери «Р — значит ракета» (1962)

«Поток электронов высокой энергии пересекался с несущим энергию лучом, направленным к Земле, и вспыхивал мельчайшими искорками яркого света. В терявшемся вдали луче как будто плясали сверкающие пылинки. Луч казался устойчивым. Но оба знали, что этому впечатлению нельзя доверять.

Отклонения на стотысячную долю угловой секунды, неощутимого для человеческого глаза, было достаточно, чтобы расфокусировать луч и превратить сотни километров земной поверхности в пылающие развалины».

Айзек Азимов «Логика» (1941)

- Новый этап движения человечества в космос требует создания нового поколения недорогих и эффективных многоразовых носителей.
- Требуется перспективный непосредственный доступ в космос для небольших компаний и частных лиц к местам проживания — космическим городам.
- Новый шаг человечества в космос потребует новых технологических решений. Например, идеи орбитальной энергетики, описанной и проблематизированной А. Азимовым. Орбитальную солнечную электростанцию на 1 ГВт японской корпорации Mitsubishi Heavy Industries намерены запустить в эксплуатацию в 2040-м, при условии, что к 2017 году будет изобретена ключевая технология передачи энергии по лучу на Землю.
- Кто оплатит частный космос? Понятно, что романтические индустриальные представления об освоении космоса (добыча ресурсов, вынос производств) здесь не помогут. Уильям Гибсон ставит орбитальный город в позицию оффшорной зоны, превращает в территорию, где сняты ограничения земных законов. И дает возможность классическому капиталу порезвиться в орбитальном пространстве.

Ожидания человечества по поводу освоения космического пространства сформи-

ровались чрезвычайно давно — в первой половине XX века. Складывается впечатление, что человечество, стоя на берегу Звездного Океана, хочет повторить эпоху Великих географических открытий. Мы не ведаем лоции обитаемых планет земного типа в глубинах Галактики, не имеем никаких осмысленных плавсредств для преодоления межзвездной бездны, но абсолютно уверены, что там, за кромкой атмосферы, хранятся несметные сокровища и невероятные чудеса, способные нас удивить и обогатить. В своих мечтах и фантазиях мы вместе с Рэем Брэдбери заселяем руины марсианской цивилизации, вместе с Робертом Хайнлайном отправляем к звездам космический ковчег, вместе с Иваном Ефремовым и братьями Стругацкими несем в мироздание идеи счастья, равенства, дружбы и прогресса.

Мы не можем подобно королеве Изабелле Кастильской четко и ясно сказать, что «не можем спать, зная, что там за океаном есть люди, не имеющие спасения души». Но за последнее столетие благодаря фантастике смогли отыграть варианты сотен сложных миров, эхо которых может лечь на бескрайнюю и страшную пустоту космоса.

Мир изменился, и фантастика вместе с футурологией должны описать и мотивировать следующие космические шаги как человечества в целом, так и личные инициативы человеческих сообществ.

«Фрисайд. Фрисайд многогранен, и далеко не все его грани видны туристам, снующим вверх-вниз по гравитационному колодцу. Фрисайд — это бордель и банковский центр, дворец наслаждений и свободный порт, город пионеров и роскошный курорт. Фрисайд — это Лас-Вегас и Висячие сады Семирамиды, орбитальная Женева и фамильное гнездо чистокровного (на манер призовых кошек и собак), опутанного густой сетью близких внутрисемейных браков, промышленного клана Тессье и Эшпулов».

Уильям Гибсон «Нейромант» (1984)

Прошлое

«Приблизившись, они увидели перед собой огромный город, висевший в воздухе и как бы покрытый колпаком из прозрачного вещества: будто кто построил на блюде игрушечный город и прикрыл его колпаком в форме колокола… Тут не было ни механических роллеров, ни автоматических повозок. <…> Ничто не нарушало ясной тишины города».

Хьюго Гернсбек «Ральф 124C41+» (1911)

Настоящее

Будущее

Николай ЮТАНОВ

Журнал «Если» вернулся!

Спасибо Вам, дорогие читатели! Все, кто принимал участие в восстановлении, все, кто делал его в прежние годы, все, кто мечтал о нем, — мы все читатели журнала, основой которого всегда была и будет фантастика.

Фантастика для меня — любимое литературное пространство и важнейший инструмент исследования будущего. Видение реальности и предупреждение, представление нового и отказ от него, требования к будущему и веселая умная насмешка над ним — это фантастика и футурология как единый сплав нашего ожидания грядущего.

Давайте повнимательнее рассмотрим миры, которые нас ожидают!

Артем ЖЕЛТОВ

Научная фантастика сейчас рассматривается как один из методов долгосрочного прогнозирования. Собственно, каждый профессиональный писатель-фантаст — стихийный прогнозист. Обратное тоже верно: внутри каждого профессионального прогнозиста скрывается писатель-фантаст. Новый «Если» описывает неопределенное прошлое, неизбежное настоящее и многовариантное будущее в смыслах и научной фантастики, и научной футурологии. В каждом номере мы будем заглядывать за горизонт краткосрочных банальных прогнозов и искать ответ на вопрос, что может ожидать нас в будущем. В возможном, вероятном и желаемом будущем, в котором хватит места и футурологам, и фантастам.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

В долгой, более чем двадцатилетней истории журнала было много сложных моментов, когда он оказывался на грани закрытия. Но всегда получалось удержаться. Дефолты, кризисы, много месяцев работы без зарплаты…

Но 2012 год все сломал. Создатель и главный редактор «Если» Александр Шалганов после закрытия журнала решил отдохнуть от фантастики. И предложил вашему покорному слуге заняться перезапуском. Год прошел в поисках и переговорах — но все изменилось лишь в конце 2013-го. Весь конгресс фантастов «Странник» был посвящен теме — как возродить «Если». Мы искали новые формы. Результатом стало… возвращение к корням.

И вот — новый «Если». Он возрождается сам и возрождает свои старые традиции в новых, современных формах, сочетая фантастику и футурологию, посвящая каждый номер определенной теме и рассматривая ее с разных сторон — с художественной и научной. Тема первого номера — космос.

Поехали?

Василий БУРОВ

Итак, свершилось!

Появился на свет новый журнал футурологии и фантастики «Если».

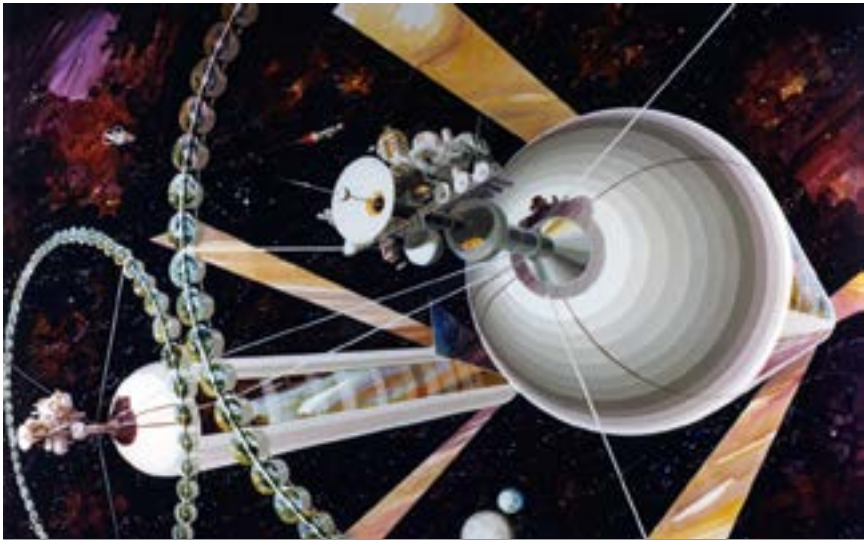
На страницах журнала, посвящая каждый номер какой-либо тематической области, мы постараемся сформировать понимание ландшафта будущего: возможные перепады социальных высот и долин делового успеха. Возможно, это подвигнет одних стать конструкторами будущего, других — внести свой вклад в реализацию планов воплощения, став сотрудниками инновационных компаний. Третьих — поддержать строителей будущего на уровне эмоций.

Добро пожаловать в мир нового «Если»!

ПРОШЛОЕ БУДУЩЕЕ КОСМОСА

Артем ЖЕЛТОВ

/экспертное мнение /космические полеты /околоземное пространство

Кризис, поразивший американский истеблишмент после успешного запуска Советским Союзом первого в мире искусственного спутника Земли, был не только управленческим и технологическим, но и интеллектуальным. Американцы, любящие везде и во всем быть лидерами, не могли поверить, что проиграли СССР первый и ключевой этап космической гонки. Оказалось, что для успешного прорывного развития

нужны не только деньги, но и интеллектуальные усилия для постановки адекватных целей, в том числе — прогнозирование. Особенно долгосрочное.

Реакция Соединенных Штатов на «спутниковый кризис» была быстрой: уже в 1959 году был опубликован первый публичный долгосрочный прогноз перспектив освоения космоса под названием «Следующие десять лет в космосе, 1959–1969». Прогноз предназначался непосредственно для Конгресса США, в его подготовке участвовали крупнейшие американские и западные ученые, так или иначе связанные с проблематикой освоения космоса. Отчет по результатам прогноза был опубликован большим тиражом и на некоторое время почти сравнялся по популярности с комиксами про инопланетных пришельцев.

Это была первая публичная попытка спрогнозировать перспективы освоения космоса, описать необходимые шаги, требуемые технологии, последствия развития. Американское общество с удивлением обнаружило, что американская прогностика всерьез отстает от американской же фантастики, которая уже не один десяток лет обсуждала и ближний и дальний космос. В отличие от многих других документов отчет отвечал на вопросы о перспективах развития на значительном временном горизонте, что давало американскому правительству и экономике конкретные долгосрочные задачи.

Конечно, современному читателю данный отчет покажется во многом наивным. С одной стороны, десятилетний горизонт прогнозирования оказался одновременно и избыточным и недостаточным. Но, с другой стороны, он давал лицам, принимающим решения, ход на понятные и конкретные управленческие задачи, которые необходимо решать «прямо сейчас», а не «когда-то потом», в этом смысле свою задачу управления развитием выполнил полностью.

10

The next ten years in space, 1959–1969: staff report of the Select Committee on Aeronautics and Space Exploration. Washington, D.C. : U.S. Govt. Print. Off., 1959.

Прогноз детально рассматривал проблематику освоения околоземного пространства, в том числе военную и коммерческую (правда, не дальше Марса и Венеры, путешествия к которым, кажется, даже самими авторами прогнозов всерьез не рассматриваются), но ничего не говорил про средний и дальний космос. Впрочем, этого вполне хватило, чтобы долететь до Луны. В современной ситуации, в аналогичной по смыслу работе, прогнозистам придется обдумывать как минимум освоение пояса астероидов и Сатурна.

Методика подготовки отчета представляла собой широкий экспертный опрос: специалистов, так или иначе связанных с формирующейся космической отраслью, попросили письменно ответить на ряд вопросов, связанных с будущим освоением космоса. В рамках профессионального юмора прогнозистов можно сказать, что результаты подобного подхода стали серьезным стимулом для технологизации работы с экспертным мнением. Речь идет, в первую очередь, о практическом применении работ американских ученых О. Хелмера и Н. Решера над методикой прогнозирования «Дельфи».

Работа «Следующие десять лет в космосе, 1959–1969» является знаковой для мировой экспертной мысли. По сути, в ней был задан облик коммерческого освоения космоса в том виде, в котором он сложился к 1990-м годам. В рамках нашего журнала мы отобрали из всей массы материалов, вошедших в отчет, статьи двух экспертов: британского ученого и писателя-фантаста Артура Кларка и ученого-ракетостроителя Вернера фон Брауна.

Артур Ч. КЛАРК, Вернер фон БРАУН

Следующие десять лет в космосе, 1959–1969

/экспертное мнение /космические полеты
/околоземное пространство

Артур Ч. КЛАРК

писатель и редактор, астроном-любитель, математик, физик, лектор по астронавтике, член Королевского астрономического общества, бывший председатель Британского межпланетного общества, член Британской астрономической ассоциации, Коломбо, Цейлон.

В следующем десятилетии, с 1960-го по 1970 год, как мне кажется, мы можем с большой долей вероятности, если не сказать наверняка, ожидать следующие события:

- Запуск автоматических зондов на Луну, Марс и Венеру.
- Установка метеорологических спутников и спутников связи, возможно управляемых человеком, но, без сомнений, регулярно посещаемых бригадами техников.
- Пилотируемые беспосадочные полеты вокруг Луны.
- Высадка роботов на Луне.
- Летные испытания ядерных ракетных двигателей.

Следующие события менее вероятны в 1960–1970 годах:

- Запуск зондов на Меркурий, пояс астероидов, внешнюю солнечную корону.

- Пилотируемые беспосадочные полеты вокруг Марса и Венеры, за исключением спутников Марса. Посадка пилотируемого космического корабля на Луну.

Наступление последних событий до 1970 года мне кажется менее вероятным ввиду ограниченного количества технических кадров и необходимости освоения результатов первого периода исследований в области астронавтики. Было бы неправильным стараться опередить естественный ход развития и прилагать слишком много усилий в слишком краткий отрезок времени.

Из всех сфер применения достижений астронавтики в течение грядущего десятилетия, я полагаю, наибольшую важность представляют собой спутники связи. Идею использовать спутники для теле- и радиотрансляций, насколько я помню, я сам предложил еще в 1945 году в британском журнале «Беспроводной мир», и сейчас она завоевывает мировое признание как единственный способ обеспечить настоящее глобальное телевещание. Политический, коммерческий и культурный аспекты этой идеи, однако, оценены еще не в полной мере.

Живя на Востоке, я постоянно вижу вокруг себя напоминания о борьбе западного мира и СССР за не принадлежащие никому азиатские миллионы. Печатное слово играет лишь малую роль в этой битве за умы по большей части неграмотного населении, и даже радиопередачи ограничены зоной охвата. Но когда станет возможным транслировать телевизионные передачи прямо со спутников над головой, эффект пропаганды будет куда более внушительным, особенное если это будет сопряжено с призывом производить простые и дешевые приемники на батарейках. И тогда лишь малая часть сообществ не сможет позволить себе приобрести такой приемник (на Цейлоне в каждой деревне слышны десятки радиоприемников), и если мы можем оценить влияние телевидения

на нашу якобы образованную публику, влияние на жителей Азии и Африки может оказаться беспрецедентным. И это позволит определить, какой язык — русский или английский — станет основным языком в будущем.

Телевизионный спутник куда могущественнее, чем межконтинентальная баллистическая ракета, и именно на этот факт мне хотелось бы обратить внимание вашего комитета.

Доктор Вернер фон БРАУН

директор, Отдел развития, Агентство
по баллистическим ракетам армии США,
Редстоунский арсенал, Хантсвилль, штат Алабама.

Совершит ли человек полет на Луну? На другие планеты? Станет ли прогнозирование погоды точной наукой? Какие новые типы двигателей будут разработаны?

Далее я предпринял попытку дать исчерпывающие ответы на перечисленные выше вопросы.

Я считаю, что пилотируемый полет вокруг Луны представляется возможным уже в течение ближайших 8–10 лет, а полет на Луну и обратно, включая посадку, произойдет еще через несколько лет. Этому будет предшествовать запуск пилотируемых кораблей на орбиту Земли, чего мы можем ожидать в ближайшие 3–4 года. Маловероятно, что в ближайшие 10 лет технологии Советского Союза или Соединенных Штатов выйдут на уровень, который позволит достичь планет, однако отправка беспилотных зондов на ближайшие планеты (Марс или Венера) произойдет наверняка.

3 спутника связи, находящиеся на высоте около 22 000 миль, разнесенные на 120° и расположенные на одной двадцатичетырехчасовой орбите, обеспечат глобальную систему телефонной, телеграфной, телевизионной, радио- и факсимильной передачи, способную справляться с достаточной рабочей нагрузкой и осуществлять коммуникационный охват всей Земли. Доходы от этой общемировой службы пойдут на финансирование будущих проектов освоения далекого космоса.

Метеорологические спутники, снабженные телевизионными камерами, находящиеся на высоте всего сотни миль на околополярной орбите, будут предоставлять в постоянном режиме данные о перемещении облачных масс в каждой точке Земли. Такие данные не только углубят наши знания об общем количестве солнечной энергии, поглощаемой Землей (и не отражаемой облаками), но и сообщат информацию о грядущих изменениях погодных условий, угрозах ураганов и т.д. Можно ожидать, что суммы, которые удастся сэкономить сельскому хозяйству и туристической индустрии благодаря более точным прогнозам погоды, будут исчисляться сотнями миллионов.

Ракетные корабли, само собой, станут основной задачей космической эры. Если мы стремимся расширить свои возможности по освоению космоса, мы должны запустить национальную комплексную программу по ракетным и космическим транспортным средствам, которая задействует все существующие команды специалистов и технические средства. Такая программа обеспечит разработку пяти поколений семейств космических кораблей в течение следующих 10 лет. Первое поколение, существующее на данный момент, использует в качестве ракеты-носителя баллистические ракеты малой дальности, такие как «Редстоун», и продемонстрировало орбитальную полезную нагрузку выше 33 фунтов. Второе и третье поколения будут использовать в качестве

ракеты-носителя баллистические ракеты средней дальности и межконтинентальные баллистические ракеты, так что полезная нагрузка вырастет до 3000 и 10 000 фунтов соответственно. Четвертое и пятое поколения космических кораблей потребуют разработки ракеты-носителя с тягой от 1 до нескольких миллионов фунтов и будут иметь полезную нагрузку порядка 25 000–100 000 фунтов.

В рамках национальной комплексной космической программы следует разработать системы космической навигации и наведения, разработать инженерное оборудование и технику для экипажей, новые доработанные испытательные и стартовые комплексы, а также обеспечить улучшенную полезную нагрузку ступеней спутников и космических кораблей, чтобы иметь возможность совершать космические исследовательские миссии.

Достижения Соединенных Штатов в следующем десятилетии космической эры будут зависеть от подобной продуманной национальной программы. Советский Союз, принимая во внимание его традиционные пятилетние планы, очевидно, уже работает по такой долгосрочной космической программе. Поэтому нам чрезвычайно важно распределить наши ресурсы в соответствии со схожей долгосрочной комплексной национальной программой и придерживаться ее, даже если интерес общественности к ней временно угаснет. Ведь если общественное мнение снова впадет в летаргический сон, то, разумеется, свершения Советского Союза пробудят его вновь. Однако продвижение вперед с постоянными остановками, ориентированное на общественное мнение, едва ли можно назвать экономически выгодным и успешным.

Надеюсь, вы не подумаете, что я уклоняюсь от ответа на вопрос, куда мы направляемся, задавая встречный вопрос: сколько мы хотим заплатить?

Антон Первушин

Колыбель разума

Александр Леонидович Чижевский совсем запыхался от долгого бега и перед спуском к реке, на Загородносадской, остановился. Перевел дух, отряхнулся и только после этого степенно направился вниз по крутой Коровинской — к ветхому дому почти на самом берегу Оки.

В начале июня здесь было относительно сухо и очень зелено, но все равно приходилось внимательно смотреть под ноги — скотина, птица и прочая живность по-прежнему свободно гуляла по улице, а хозяйки по-прежнему выплескивали нечистоты в вырытые вдоль дороги канавы. У дома № 79 Александр Леонидович нетерпеливо постучал каблуками о камень, приваленный вместо ступени, сбивая налипшую на ботинки грязь, после чего дернул за свисающую проволоку звонка. Наверху раздался резковатый дребезг колокольчика. Как часто бывало, дверь гостю открыла Варвара Евграфовна — глянула хмуро, но пригласила войти и проводила до лестницы, ведущей на второй этаж, в «светелку».

Своего старшего ученого товарища Александр Леонидович застал за работой в мастерской. Константин Эдуардович Циолковский, в длинной холщовой рубашке, подвязанной тонким ремешком, в черных домашних штанах, с яростным нажимом водил рубанком по деревянному бруску, закрепленному в тисках столярного верстака. На полу белела, завиваясь, свежая стружка. Остро пахло сосновой смолой.

— Константин Эдуардович, дорогой! — громко воскликнул Чижевский, пренебрегая правилами вежливости. — Я к вам с важнейшей вестью! Произошло невероятное, можно сказать, фантастическое событие!

Циолковский отложил рубанок, величаво повернулся и смерил Чижевского колючим взглядом.

— Вы слишком горячитесь, юноша, — осадил он гостя. — И что вы здесь делаете? Я вас сегодня не приглашал.

Александр Леонидович нисколько не ожидал такого поворота. Кровь бросилась ему в лицо, он даже вспотел и задохнулся от обиды. Ведь никогда прежде Константин Эдуардович не позволял себе столь грубого обращения, и особенно в отношениях с учениками, которые проявляли живейший интерес к его идеям и прожектам. Наверное, молодой человек обязан был оскорбиться и в тот же момент ретироваться, оставив старого тугоухого дуралея в неведении, но он сумел подавить темные чувства, потому что дело было и впрямь из числа чрезвычайных.

— Утром под Ромоданово упал аэролит! — выпалил он, взмахнув руками. — Очень большой. Колоссальный! Обывателей правобережья, говорят, тряхнуло преизрядно. И вспышка была в полнеба, — Чижевский зачастил, чтобы успеть выложить как можно больше, вопреки дурному настроению старика. — Нам срочно надо туда, Константин Эдуардович! Кто как не вы сможет составить достоверное и подробное описание ударной ямы? Если мы упустим время, то местные крестьяне доберутся до аэролита. Они из невежества могут затоптать все вокруг или даже похитить его.

Тут Чижевский остановился, в тревоге заметив, как страшно исказилось лицо Циолковского. Кожа ученого посерела, морщины и пигментные пятна обозначились явственнее обычного, губы задергались. Константин Эдуардович отступил, прикрылся ладонями и, словно бы обессилев, рухнул на стоявшую около стены лавку.

— Я видел вспышку и слышал раскаты, — сообщил Циолковский с глухой интонацией обреченного на смертную казнь. — Однако это не аэролит, Александр Леонидович, это знаниевый снаряд марситов.

Чижевский онемел от удивления. Не сошел ли старик с ума? Или с ним сыграла дурную шутку его неугасимая страсть к различным приключенческим историям в духе английского романиста Уэллса?

— Но как? Откуда? Почему вы? Почему именно мы? — вопросы теснились, и молодой человек не знал, как сформулировать самый точный.

Циолковский оторвал руки от лица, положил их ладонями на сведенные колени, но при том смотрел в сторону от собеседника, что выглядело непривычным.

— Вы прекрасно осведомлены, Александр Леонидович, как я увлечен Марсом,— тусклым голосом отозвался ученый.— Я часто наблюдаю его в телескоп, выписал по почте все книги Фламмариона и Ловелла. Я изучал историю знаниевых снарядов. И вот однажды я задумался о том, почему они каждый раз прибывают в другие страны. Почему подталкивают прогресс Германии, Франции, Великобритании и даже Северной Америки, а Россия всегда в стороне. Ведь империя наша огромна, она занимает почти целый континент — она должна быть хорошо видна с Марса. Трудно промахнуться по такой цели. Признаюсь, я недолго размышлял на эту тему. Ответ пришел сам собой. Наш враг — это как раз наши необъятные пространства. Если сравнивать, то легко увидеть, что европейцы и североамериканские колонисты живут скученно, города и порты их возведены близко, обрабатываемые поля примыкают к городам. Совсем иное дело — у нас. Российские просторы должны казаться марситам необъятной ледяной пустыней. Кто будет ждать и искать знаниевые снаряды здесь?..

Чижевский слушал с жадным интересом. Идея, излагаемая старшим товарищем, моментально захватила его, сердце учащенно билось. Он словно бы и сам стал персонажем приключенческого романа, который вот прямо сейчас узнает великую тайну, способную изменить будущее человечества. Но отчего Циолковский так трагичен? Где его привычный энтузиазм? Константин Эдуардович между тем продолжил:

— В ту пору я был много моложе, чем нынче. И быстро увлекался. Я решил, что нужно сообщить марситам о нашем

существовании. Их никто никогда не просил помогать жителям Земли своими передовыми знаниями. Они никогда ничего не требовали взамен. Вероятно, они действуют из чистого альтруизма. А если прямо попросить их? Если попытаться установить междупланетную связь?.. Я знал, Александр Леонидович, что московские профессора вряд ли захотят прислушаться к провинциальному дилетанту, как частенько меня называют. Я написал фельетон в «Калужский вестник», в котором изложил свой план сигнализации. Предложил установить на весенней пахоте ряд белых щитов площадью с квадратную версту. С Марса они казались бы одной блестящей точкой. Если одновременно перевернуть эти щиты черной стороной, можно послать один оптический сигнал. Еще один переворот — еще сигнал. Так можно было бы сначала привлечь внимание марситов, а потом составлять более сложные сообщения. Цифровой ряд, операции сложения, вычитания, извлечения корня. Потом для доказательности разумности — астрономические данные наших планет. Рядами чисел можно передавать даже сложные изображения!

Чижевский заметил, что воспоминания молодости оживили Циолковского. Старик даже порозовел, начал отмахивать рукой, словно бы выступал перед невидимой аудиторией. Потом опять поник.

— Я и не мечтал, что кто-то поддержит мой план,— признался он,— а личных средств не хватило бы даже на изготовление щитов. Но вдруг к весне меня навестил господин Гончаров, писательский племянник. Он тогда владел богатым поместьем в Ромоданово. Идея его увлекла, он захотел сделаться моим меценатом. И я, конечно же, согласился. Не знаю до сих пор, какие выгоды рассчитывал получить господин Гончаров, однако ж мы все изготовили и сделали именно так, как я описывал в фельетоне…

Циолковский внезапно замолчал. И сидел, созерцая стружки, усыпавшие пол.

— Что? Что получилось? — нетерпеливо спросил Чижевский.

— Ничего не получилось. Точнее будет сказать, мой меценат решил, что ничего не получилось. Марситы не ответили. Да они и не могли ответить так рано… С Гончаровым мы скверно расстались. Он назвал меня аферистом. И другими ущемительными словами. И мне, Александр Леонидович, нечего было ему возразить…

— Получается, вы были правы! — с восторгом воскликнул Чижевский. — Ваш план блестяще удался! Гениальная идея! Гениальное воплощение! Я поздравляю вас, Константин Эдуардович. Теперь никто не посмеет сомневаться в ваших замыслах. Позвольте, я пожму вашу руку!

Молодой человек шагнул было к Циолковскому, но тот покачал головой, совсем не разделяя радости ученика.

— Будет война, Александр Леонидович, большая война. И я, дуралей, ее причина. Нельзя было мне высовываться с этой идеей. Не готова Россия…

— По какой причине война? — озадачился Чижевский. — Знаниевые снаряды всегда давали новый сильный толчок науке и технике. Они несут чудеса будущего, а не смерть.

— Смерть они тоже несут. Вспомните хотя бы…

Циолковский не успел договорить. Через открытые окна мастерской собеседники услышали громкое тарахтение мотора и противный звук автомобильного клаксона. Потом мотор стих, хлопнула дверца и прозвенел дверной колокольчик.

— Зря вы пришли, Александр Леонидович, — тихо и обреченно сказал Циолковский. — Меня теперь наверняка заберут в охрану. Могут и вас прихватить… По случайности…

— Я не боюсь! — гордо заявил Чижевский. — И за вас выступлю, Константин Эдуардович. Они не посмеют!..

Вдруг с надрывом запричитала Варвара Евграфовна. На лестнице забухали тяжелые шаги. В мастерскую ворвался грузный потеющий человек в белом двубортном кителе, черных брюках-шароварах и стоптанных штиблетах, которого преотлично знал любой половозрелый калужанин. Городской полицмейстер Трояновский! На поясе полицмейстера, на кожаном ремне, как и полагается, висел револьвер смит-вессон в лакированной кобуре. Обыватели давно приметили, что, когда Трояновский чем-то очень недоволен или даже разъярен, он держит правую руку на кобуре, словно бы собирается немедленно применить револьвер по назначению. Вот и сейчас полицмейстер поступил именно таким образом, возложив толстые пальцы на оружие.

— Господин Циолковский! — скорее заявил, чем вопросил грозный начальник всей калужской полиции, притопнув. — Константин Эдуардович! Что ж вы себе позволяете, милостивый государь, а?

— И вам доброго здравия, Евгений Иванович. — Циолковский нехотя поднялся с лавки. — Что же вы сами-то явились? Зачем такие хлопоты? Могли бы прислать городового…

Полицмейстер не ответил, потому что за ним незаметно проник немолодой щеголь — высокий, худощавый и седой, одетый в летний костюм из кремовой чесучи модного покроя.

— З-здравия желаю, господа, — произнес щеголь; легкий акцент выдал в нем человека, долгое время проживавшего за границей. — Мое имя — Эраст Петрович. А вы, очевидно, Константин Эдуардович? А вы?.. — он посмотрел на Чижевского.

— Александр… Александр Леонидович, — растерянно представился молодой человек; он совершенно перестал понимать, что происходит у него на глазах.

— Очень-очень п-приятно, — подытожил знакомство щеголь; он бегло осмотрелся в мастерской. — Я читал некоторые

ваши работы, Константин Эдуардович. Идея металлического дирижабля, без сомнения, хороша, но мне кажется, что сплавы, которые сегодня применяются в империи, не слишком-то хороши для реализации вашего project plan. Необходимо искать новые материалы.

Заметно удивился и Циолковский. По всей видимости, он не мог ожидать подобного поведения от гостей, явившихся по его душу.

— В иной с-ситуации,— продолжал ворковать Эраст Петрович,— мы с вами, уверен, улучили бы минутку, чтобы побеседовать о будущности воздухоплавания и аэронавтики. Но, к сожалению, у нас есть к вам неотложное дело, которое нужно разрешить как можно скорее, поэтому предлагаю отложить разговор о них до лучших времен.

— Да, и о деле! — напомнил о себе полицмейстер, который слушал набычившись тираду своего спутника.— Не соизволите ли вы, милостивый государь,— он снова вперил тяжелый взгляд в Циолковского,— объяснить нам, какого беса на нас сегодня свалился марситский аэролит? И не смейте отпираться! Мещанин Гончаров признался, что это ваша и только ваша затея!

— Я признаю свою вину,— сказал Циолковский, выпрямившись с достоинством.— Однако вся моя вина лишь в том, что я желал установления связи с нашими внеземными доброжелателями. И если я прав, то они прислали нам сокровище. Может быть, мы найдем в знаниевом снаряде материалы, которые сгодятся для изготовления цельнометаллического дирижабля или сверхлегких аэропланов. И тогда воздухоплавание в России станет самым передовым делом — мы обгоним американцев и французов на десятки лет. Может быть, мы найдем чертежи и технические таблицы. Может быть, марситы раскроют нам тайны икс-лучей, радиевой энергии или атомных ядер. Может быть, они прислали идею такого аппарата,

который поможет нам установить прямую радиосвязь с Марсом и получать чудесные знания сразу же, по первому запросу. Вы только представьте, Евгений Иванович, какое могущество обретет в этом случае наша держава! И я, и вы, и мы все впишем свои имена в историю золотыми буквами. Разве ж моя затея и весь риск предприятия не окупятся в таком случае?

Полицмейстер снял пальцы с кобуры, поправил жесткий воротничок, потер затылок под фуражкой — прежняя свирепость выходила из него, как воздух из приземлившегося монгольфьера.

— Ну… если золотыми буквами…

В беседу снова вмешался Эраст Петрович:

— Мы должны немедленно отправиться к снаряду, в к-кратер. К вечеру здесь будут войска, всё оцепят, и без письменного разрешения московского градоначальника в Ромоданово будет не попасть. Кстати, чтобы вы знали, Константин Эдуардович и Александр Леонидович, я появился здесь по его личному поручению. Александр Александрович снабдил меня самыми широкими полномочиями и в ближайшие часы ждет моей депеши.

— Едем! — в сильнейшем эмоциональном возбуждении Циолковский воздел руки. — Мы должны первыми распечатать знаниевый снаряд.

Пока ученый спешно переодевался в дорожное, остальные вышли на улицу. У дома стоял большой роскошный автомобиль-торпедо «Лион-Пежо» с открытым верхом — подобные даже на улицах Москвы выглядели диковиной. К образцу современной техники уже подкрадывалась местная детвора, но при появлении грозного полицмейстера все немедленно попрятались.

— Вы, Александр Леонидович, очевидно, ученик Константина Эдуардовича? — поинтересовался Эраст Петрович, прежде чем забраться на место автомобилиста. — Вас тоже

интересуют вопросы в-воздухоплавания и межпланетной связи?

Чижевский не захотел вдаваться в подробности, но предположение посланца московского градоначальника подтвердил.

— Тогда вы должны понимать,— строго сказал Эраст Петрович,— что сведения о знаниевом с-снаряде нужно сохранять в тайне как можно дольше. Даже от ваших близких. Со временем все узнают, но сейчас лучше будет держать рот на замке.

— Отчего же? — попытался возразить Чижевский.— Знания должны принадлежать всему человечеству. На это ведь и надеются марситы. Иначе зачем столетие за столетием присылают свои снаряды?

— Так-то оно так,— Эраст Петрович согласно кивнул,— но ведь и ваш учитель очень правильно говорит, что любое г-государство, заполучив знаниевый снаряд, немедленно обретет значительное преимущество перед соседями. А в империи сейчас неспокойно. Революционеры, бомбисты, иностранные агенты, пахнет войной. Вы полагаете, Александр Леонидович, кайзер будет ангельским голубком взирать на то, как поднимается Россия? Есть обоснованные опасения, что он объявит в-войну еще до конца лета!

— Немчура поганая! — подтвердил полицмейстер, потея и утираясь.

— Достаточно вспомнить историю знаниевых снарядов. Что стало причиной Пунических войн? Первого крестового похода? Войны североамериканских колоний с Великобританией? Европейского похода Наполеона? Все они были п-продиктованы желанием захватить знаниевый снаряд, упавший на чужой земле, и, с другой стороны, удержать его при себе. Если придется, Александр Леонидович, то и мы будем сражаться за достоянье м-марситов.

— Еще как повоюем! — полицмейстер погрозил ярко-синему небу огромным кулаком.

Наконец появился и Циолковский, обретший в выходной одежде самый независимый вид. Все удобно разместились в автомобиле. Эраст Петрович нажал на клаксон, распугивая кур и подростков, машина поехала. До Воробьевской улицы пассажиры молчали — слишком шумел мотор, да и трясло на калужских рытвинах нещадно. У плашкоутного моста через Оку толпился пестрый люд — видимо, весть о падении аэролита разошлась по городу и многие праздные обыватели желали попасть на правобережье, чтобы воочию убедиться в достоверности внеземного чуда. Однако хитроумный Трояновский выставил перед мостом оцепление из городовых и надзирателей под присмотром участкового пристава, и те умело сдерживали любопытствующих. Через толпу надо было как-то пробраться. Эраст Петрович притормозил, а полицмейстер поднялся во весь свой рост, вытащил револьвер и пальнул в воздух:

— А ну-ка посторонись! Очистить дорогу!.. Куда прешь, гнида? В участок захотел?..

К машине побежали городовые, быстро составившие живой коридор, и через несколько минут «Лион-Пежо» въезжал на мост.

— Теперь к-куда? — деловито спросил Эраст Петрович, лихо управлявшийся с рулем и трехступенчатой коробкой передач.

— Впереди дорога на Перемышль,— отозвался полицмейстер, пряча револьвер в кобуру.— Въедем в Ромоданово. Там и остановимся. Придется пешком, господа. Через буераки. Снаряд упал у самой Можайки...

Они действительно нашли снаряд, прилетевший с Марса, у пересыхающего ручья Можайки, на пологом склоне старого холма, поросшего диким кустарником и пьяным лесом. Тускло отсвечивающий, гладкий, высоченный конус стоял на широко

расставленных опорах, между которыми торчали вниз загадочные трубы с раструбами типа духовых. Растительность вокруг снаряда сгорела дотла, кое-где еще тлели угли. Хотя известняк, из которого слагалась здесь порода, успел остыть, черная плешь отпугивала охранявших место падения городовых. Они выглядели пришибленными, переговаривались шепотом, но при появлении полицмейстера немедленно повеселели, изображая бравость. Подбежал с рапортом старший помощник пристава. Трояновский отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь кликами редких птиц и жужжанием насекомых, новоприбывшие приблизились к снаряду. Чижевский, пожиравший глазами внеземной прибор, поначалу даже не заметил озадаченность, которую проявлял Циолковский. Старый ученый двинулся в обход снаряда, неодобрительно качая головой, задирая бороду и что-то бормоча под нос. Его разочаровывало то, что он видел.

Всеобщее молчание прервал Эраст Петрович.

— Нет к-кратера! — заявил он. — Почему нет кратера? Это раз. Конус, а не цилиндр. Это два. Выжженная почва. Это три. Константин Эдуардович, вы когда-нибудь встречали в описаниях подобный знаниевый снаряд?

Циолковский остановился.

— Нет, — отозвался он. — Всегда цилиндры. Всегда. Одинаковые. Иногда в ударной яме находили остатки сгоревшего щита, он предназначен марситами для торможения в воздухе. Сзади цилиндра всегда отвинчивающаяся крышка, а внутри — цилиндры поменьше, в мягком смолистом веществе, его называют марситским каучуком. Этот снаряд никогда еще не прилетал на Землю.

— Что вы скажете, Евгений Иванович? — обратился Эраст Петрович к полицмейстеру. — Как штабс-капитан артиллерии в з-запасе?

— Одно скажу,— ответил раздумчиво Трояновский.— Не снаряд это, точно. Не ядро. Не стреляют таким из пушек... Ракета Конгрева — вот на что похоже! Но сколько ж ей пороха надо, чтобы с Марса долететь? Там внутри, стало быть, ничего, кроме пороха, и не влезет. Да и того не хватило бы...

— Ракета... ракета... ракета...— посланник московского градоначальника повторял слово на разные лады, словно бы прислушиваясь к тому, как оно звучит.— Почему марситы отправили ракету?

— Эврика! — вдруг заявил Циолковский.

Все обернулись к нему.

— Говорите скорее, Константин Эдуардович,— попросил Эраст Петрович.— Утешьте меня.

— Ракета — это и есть знание! — торжествующе произнес Циолковский.— Марситы говорят нам, что между планетами можно летать на ракетах, а не только внутри пушечного снаряда. По аналогии с этой ракетой мы сами можем построить небесный корабль и отправиться к иным мирам!

— И какая в этом практическая польза?

— В этом и есть главная польза! Посредством небесных кораблей человек расселится в эфире и сохранится, когда Солнце исчерпает свое горение.

Эраст Петрович сразу поскучнел.

— До того еще дожить надо, Константин Эдуардович, а в Москву мне надо т-телеграфировать прямо сейчас...

— Вы не правы,— заступился за старшего товарища Чижевский.— Марситы никогда не говорят нам, для чего то или иное знание. Может быть, именно сейчас самое важное для нас — это небесные корабли.

— Тема для фельетона,— заявил Эраст Петрович непреклонно.— И не более того. Что ж, господа, б-благодарю вас за участие в этой экспедиции. Я развезу по домам. Вы, Евгений

Иванович, прошу, усильте оцепление — его явно недостаточно. Будем разбираться с этой… ракетой.

Циолковский вернулся на Коровинскую к обеду, но от кушанья, предложенного Варварой Евграфовной, отказался, а сразу отправился в рабочий кабинет, чтобы изложить распирающие его идеи на бумаге.

Константин Эдуардович писал фельетон быстро, а завершил его, когда на небе высыпали первые яркие звезды. Он встал, разминая затекшие члены, подошел к открытому окну, полюбовался на багровую крупинку Марса, сияющую низко над крышами соседних домов, глубоко вздохнул, потом вернулся к столу и добавил еще одну, заключительную, фразу: *«Марс — колыбель разума. Однако мы не можем вечно ждать милости от колыбели, взять их у нее — наша задача».*

ПЕРВУШИН Антон Иванович

(род. в 1970 г., Иваново).

Выпускник Политехнического университета г. Ленинграда. В 1993 г. принят в семинар Б.Н. Стругацкого. Дебют в НФ — рассказ «Иванушка и автомат» (1990). Опубликовал фантастические и детективные романы: «Операция «Герострат» (1997), «Война по понедельникам» (2005), тетралогию «Пираты XXI века» (2000–2001) и др. Наибольшую популярность ему принесли документальные книги, посвященные малоизвестным страницам истории космонавтики: «Битва за звезды» (2003–2004), «Оккультные войны НКВД и СС» (2003), «Астронавты Гитлера» (2004), «Завоевание Марса» (2006), «108 минут, изменившие мир» (2011), «Тайная миссия Третьего рейха» (2012) и др. Автор сценариев научно-популярных фильмов о космосе. Активно выступает в печати как историк отечественной НФ-литературы. В 2007 г. за цикл очерков стал дипломантом журнала «Если». Среди других его наград — премии «Еврокон», им. А. Беляева и др.

Олег Дивов

Занимательная логистика

Когда в одном из контейнеров что-то взорвалось, буксир-толкач бортовой номер сто пять был ровно на полпути от орбитального лифта к стоянке дальнобоев. Обычный рейс, все системы в норме, самочувствие экипажа сытое и удовлетворенное. Капитан глубоко задумался, это с ним бывает после обеда; механики колдуют над схемой энергосбережения, хобби у них — улучшать все хорошее и доламывать все плохое; операторы простонародно режутся в нарды; и никто не пристегнут, естественно.

Ладно, ладно, пилот застегнулся. Хоть один нормальный космонавт, даром что ведет машину «без рук» и смотрит куда-то внутрь себя: у него там в голове крутится фантастический сериал про киборгов, шестнадцатый сезон, никто уже не надеется, что эти идиоты поженятся.

А штурман вообще черт знает где.

Привычная рабочая обстановка.

Капитан открывает глаза, ворочает затекшей шеей, оглядывается и говорит:

— А чаю мне сегодня дадут?

Тут оно и взорвалось.

«Шарахнуло так, что я почувствовал, как у меня волосы дыбом встали!» — рассказывал потом второй механик.

Он вообще-то лысый.

Шарахнуло и правда крепко: буксир словно прожгло насквозь, прямо косточки свои увидишь, отчего дыбом встало у всех что могло и не могло. С перепугу заглох реактор на всякий случай.

Темнота, красота — с потолка зачем-то искры сыплются, видимость ноль, тяги нет, связи нет, жизнеобеспечения нет, короче, ничего нет, все пропало, и все начинают взлетать над креслами.

Поди в такой обстановке поборись за живучесть корабля. Спасибо хоть не орет никто благим матом, люди только шипят

сквозь зубы. Потому что в зубах у экипажа ремни безопасности, а то совсем улетишь.

Электромагнитный импульс, убийца техники. В сто раз хуже обычного взрыва. Так бы просто разворотило пакет контейнеров к чертям, да и плевать, страховая заплатит, бросай пакет, лети домой. А тут — смертушка твоя из-за угла выглянула да подмигнула. Аварийный маяк должен был уцелеть, но пока спасатели отыщут буксир, реальный шанс загнуться, да ты еще докричись тех спасателей.

— Доложить о повреждениях! — рявкает капитан.

Этим он крепко озадачивает механиков: те пока ничего доложить не могут, у них все еще ремни во рту, оба торопливо пристегиваются.

Включается аварийка, загорается свет, идет телеметрия, капитан охватывает ее одним взглядом, чертыхается и, не дожидаясь подробного отчета, снова рявкает:

— Доложить о потерях!

Чем окончательно запугивает экипаж, поскольку на коммерческих судах так не командуют. Это по-боевому. Нет, ну про капитана разное подозревают, но сейчас люди просто не готовы быстро реагировать. Для начала всех в невесомости тошнит после сытного обеда, и все стараются лишний раз не открывать рот. Операторы вдобавок решили, что раз нештатная ситуация, надо бы занять места согласно протоколу, а не где попало, так что они уже отстегнулись, полезли в свой «пузырь» и на входе застряли.

И штурман пропал, но его тоже сейчас тошнит, если живой.

Капитана совсем не тошнит, он рычит невнятное, не обещающее ничего хорошего никому, но тут очень вовремя пилот казенным голосом произносит:

— Перекличка личного состава. Второй пилот — норма. Ходовая?..

У пилота много голосов, сейчас он выбрал такой действительно казенный, словно робот бубнит. Экипаж сразу как-то собирается, и обстановка более-менее начинает смахивать на рабочую.

Только нарды эти дурацкие летают повсюду. Но уже пошел воздух, их потихоньку отгонит к стене и прижмет к решеткам вентиляции, ничего страшного. Нарды — не проблема. Корабль по большей части сдох, вот проблема. Того и гляди сам вместе с ним сдохнешь.

— Главный механик — норма.

— Второй — норма.

— Грузовая?

— Оператор зацепа… Ой!.. Норма.

— Оператор маневра — норма.

— Штурман!

Тишина.

— Повторяю, штурман!

Никакой реакции.

— Штурман, я рубка, отзовитесь.

Глухо.

— Сидеть! — командует операторам капитан, а то эти два брата-акробата уже лезут из «пузыря» обратно, штурмана выручать.— Вы мне здесь нужны.

— Сопровождающий!

— Я! — сдавленный писк в ответ.

На буксире нынче пассажир — сопровождает груз. Такое нечасто, но бывает.

— Повторяю, сопровождающий!

— Норма, норма…

— Значит, так,— говорит капитан механикам.— Михал Иваныч, что там у тебя горит наверху? Устранить.

— Вовик! — коротко и емко бросает главный механик.

Второй механик отстегивается, взлетает под потолок, откидывает панель, из-под которой еще полегоньку искрит и тянет

дымом. Заглядывает туда, морщит нос, сует под панель отвертку; раздается громкий сухой треск, и вылетает черное облачко.

— Устранил! — сообщает Вовик и широко улыбается. Простая душа, все ему весело.

— Устранил, — докладывает главный механик.

— Добро. Теперь будь любезен, Михал Иваныч, дай мне, во-первых, связь, а во-вторых, тягу. И радары, а то мы как слепые котята совсем. Действуй. Владимир, вам поручаю сначала найти штурмана и доложить, а потом идти на помощь главному механику. Выполняйте.

Механики гуськом вылетают из рубки.

— Пилот, аварийный маяк согласно протоколу.

— Включаю. Включил…

— Ну?! — спрашивает капитан несколько резче, чем стоило бы.

— Есть сигнал.

— Понял. Грузовая! Что там у нас с пакетом, хочу картинку…

Пакет контейнеров на месте, это уже хорошо, буксир не сносит с курса, значит, ничего там не дырявое и оттуда не сифонит. А то везли коллеги на сто восьмом какую-то цистерну, оказалось — жидкий воздух, прорвало у них, шибануло струей наружу, да с таким упором, что закрутило всю махину тяжеленную сразу в двух плоскостях, и маневровых двигателей не хватило, чтобы компенсировать закрут. Ну, говоря по чести, там два сопла оказались просто отключены по износу, и выпускать сто восьмой на линию было вообще нельзя, но механики талантливо имитировали внезапный отказ, о чем все знают и все молчат — а как вы хотели, работа у нас такая… Полчаса сто восьмой кувыркался геройски, ожидая, пока струя ослабнет, потом капитан увидел, что люди с ума сходить начинают, а это уже обстоятельство непреодолимой силы — и сбросил пакет к чертям собачьим. Написали им страховой случай, конечно,

но нервишки порченые — никакая страховка не компенсирует. И что многое объясняет в грузоперевозках: по документам сто восьмой починили, а реально они все еще работают с шестью маневровыми соплами вместо восьми, потихоньку ремонтируясь на ходу. Нет времени стоять — грузопоток растет, будь он неладен. Занимательная наука логистика. Начальство сидит, а денежки ему в карман идут…

— Есть картинка.

Операторы прогнали камеру вдоль пакета — вот он, злосчастный контейнер. Раздутый, деформированный, не контейнер, а блин комом, чудом не разлетелся на куски. Растопырился в своей ячейке внутри транспортной фермы, и заклинило его там, похоже, насмерть. Вот и хорошо, зато не вывалится. Лишь бы пакет влез в ячейку на борту дальнобоя. Вроде ничего не торчит, за габарит запихнем.

Капитан поворачивается вместе с креслом к сопровождающему, глядит на него ласково-ласково и спрашивает:

— Что за дрянь везешь, служивый?

А «служивый» тот, серенький незаметный дядечка в сереньком деловом костюмчике, обеими руками зажимает рот и глотает сытный обед, рвущийся наружу. Вместо ответа только булькает.

— Я ж тебя, падла, за борт выкину,— обещает капитан ласково-ласково.— Вместе с твоим пакетом выкину. С твоим взрывпакетом, хе-хе… Отправлю, так сказать, в свободное плавание по безбрежным просторам Вселенной. У меня вариантов, как это сделать и чтобы мне за это ничего не было,— штук пять навскидку. Веришь, нет?

И тишина. И весь наличный экипаж разворачивается к сопровождающему, и лица у всех тоже добрые-предобрые.

Только в кресле штурмана сидит, надежно пристегнутый, и ослепительно улыбается громадный плюшевый медведь — его вчера штурману на день рождения подарили.

***

Капитан Безумов, два года до пенсии, тощий, костлявый, желчный, лицом, по собственному признанию, вылитая смерть (когда его спрашивают чья, отвечает — да твоя, дорогой, твоя), говорит так: космос это грузоперевозка в химически чистом виде, сферическая логистика в вакууме. Ничего, кроме логистики, в космосе нет. Первый спутник Земли был первым космическим чемоданом, и Гагарин тоже был чемоданом, и положение с тех пор не изменилось: я чемодан, ты чемодан, пакет контейнеров, который мы толкаем к точке входа, тот же чемодан, и даже наше бравое суденышко бортовой номер сто пять — самоходный чемодан.

Все проблемы в космосе это проблемы логистики, говорит капитан. Сама по себе логистика не виновата, как не виновата психология, что люди идиоты, и не виновата офтальмология, что они слепцы. У логистики своя загвоздка — груз. Логистика бьется с грузом так и эдак и ничего поделать не может. Выход один: устранить груз как принцип, вычеркнуть его напрочь, тогда проблема испарится и настанет в космосе счастье, летай — не хочу.

В общем, все беды от чемоданов.

Но если ты в безвоздушном пространстве по умолчанию чемодан, выходит, ты сам себе и беда, и проблема.

Капитан Безумов видит в этом философскую коллизию, не поддающуюся решению, и форменную трагедию, не поддающуюся описанию, зато он знает, как снизить риски.

Если не можешь устранить из логистики груз, постарайся хотя бы так извернуться, чтобы отвечать за него по минимуму. В идеале — как будто груза нет.

Капитан Безумов не ждет от груза ничего хорошего. Он ходил на дальнобое и имел такие проблемы с грузом, что проклял все на свете; потом командовал пассажирским транспортом, и это оказался, по его словам, окончательный кошмар. Хуже живого груза вообще представить ничего нельзя. У тебя

полный корабль народу, ты летишь и за людей трясешься, а им заняться нечем, и они тебе задачки подбрасывают: то нажрутся, то подерутся, то заболеют, то вообще родят на борту.

Не будь капитан Безумов, по его словам, амбициозным дурачком, которому больше всех надо, — остался бы вечным вторым пилотом и ни за что не отвечал (ну, с точки зрения капитана, пилот ни за что не отвечает; у пилота есть альтернативное мнение на этот счет). Но Безумову оказалось больше всех надо, и он со своей гиперответственностью выучился на командира, а дальше было поздно сдавать назад, амбиции помешали. И ведь знал, во что лезет, опытный уже был, работу командира понимал как нельзя лучше.

Капитан Безумов может разглагольствовать на эту тему бесконечно — сидит и нудит. Буксир-толкач бортовой номер сто пять занимается логистикой, а капитан занудствует. Экипаж давно привык. Шутки шутками, а действительно капитан за все в ответе, и не дай бог чего случится, ему выдумывать, как всех спасать и что потом врать аварийной комиссии. Случается на коммерческом флоте обычно какая-то муть, спасаются от нее как попало, и грамотно отбрехаться после — отдельное искусство, чисто капитанское.

Капитан Безумов немножко параноик, конечно. Но его опыт подсказывает, что легонькая паранойя — слабость простительная, а долгая спокойная жизнь — хорошая штука.

Поэтому капитан Безумов дохаживает до пенсии именно на толкаче: он так минимизирует риски.

Он нашел свою золотую середину: вроде командир, но хотя бы с ответственностью за груз, близкой к нулевой.

Поздно догадался, что это мое место в жизни, сокрушается капитан. Если б не дурацкие амбиции, проболтался бы всю карьеру именно на буксире по короткому плечу от лифта до точки входа и обратно. Работа честная, машина — зверь, шесть человек в подчинении, туда-сюда — неделя.

Главное, чего везешь — знать не знаешь и не интересуешься. Пока оно не взорвется, конечно.

Опломбированные контейнеры забрасываются на орбиту лифтом, из контейнеров собирается пакет, буксир утыкается в него носом и бодает до точки входа, где стоят дальнобои. У дальнобоев такие пространственные фермы, решетки трехмерные, в ячейки которых упихиваются пакеты. Та же штука, которую толкает буксир, только во много раз больше. Сам дальнобой выглядит как полый цилиндр, надетый на ферму. Он ходит на сверхсвете по специально пробитому коридору, маневрировать в солнечной системе ему крайне нежелательно и вообще запрещается, а то воткнулся уже один такой куда не надо, потом Эйфелеву башню заново отстраивали — короче, вот зачем нужны буксиры.

У контейнеров есть номера, у пакета тоже есть номер, общий, допустим x165ев. «X» означает лишь то, что это следующая буква после «W», а как расшифровать «ев», черт знает, и никого не волнует. Чего в контейнерах, понятия не имеешь, тебя это не касается, и тебе это отдельно все равно. Ты расписался за пакет в целом, дальше твое дело — дотолкать пакет до места, воткнуть его в ячейку, доложить, что груз сдан, получить «квитанцию», подлететь к груженому дальнобою, выдернуть из него другой пакет и оттащить к лифту, не столкнувшись с другим буксиром по дороге и не уронив груз. Ты космический извозчик, самоходный чемодан, и тебе на-пле-вать. На что хочешь, на то и наплевать. Тебя до сих пор не заменили автоматом только ради нештатных ситуаций, в которых автоматы пасуют: не пропишешь им алгоритм, как спасать корабль, если непонятно, от чего его спасать. Роботы, даже самые самообучающиеся, такой постановки вопроса не понимают. Им уже вдолбили, как делать выводы на основе недостаточных данных, но поди объясни роботу, из чего делать выводы, когда данных ноль — поскольку электричеству вдруг случился капут.

То, что электричество обычно ломают механики, из самых лучших побуждений колдуя над схемой энергосбережения, оставим за скобками. Они сломали, они и починят. А если робот сломает — чего он делать будет? Маму звать? Так у него даже мамы нет.

Поэтому на буксире — живой экипаж, с четко прописанными функциональными обязанностями. Например, капитан Безумов согласно протоколу отвечает за все. Главный механик Михал Иваныч Калинин, старый, опытный, седой и скупой на слова, отвечает за все по ходовой части. Второй механик Вовик Малашенко, маленький, круглолицый, неприлично для космонавта пузатенький и всегда жизнерадостный, делает то, за что Михал Иваныч отвечает. Капитан нудит, главмех молчит, второй смеется — эти два космических волка на него глядят и тоже криво ухмыляются, отличная совместимость экипажа.

«Грузовая часть» буксира — оператор зацепа и оператор маневра. Они ювелирно цепляют пакеты и ювелирным же образом втыкают их куда надо. На погрузке-разгрузке пилот говорит оператору маневра: «Отдал!», а тот отвечает: «Взял!» — берет управление и временно становится тут самым главным и самым значимым, ну, после капитана, разумеется. Рабочее место операторов в задней части рубки, там стоит «пузырь», это такой сферический монитор, в центре которого подвешены их кресла. На сто пятом буксире кресла занимают братья Амбаловы, два веселых абрека без страха и упрека, надежные парни, им совершенно неинтересно хватать звезды с неба, лишь бы резаться в нарды и зашибать деньгу. Они близнецы, только Русик стрижется под машинку и носит шкиперскую бородку, а Бесик чисто выбрит, зато с лохмами до плеч — иначе братья сами друг друга путают; говорят, однажды выпили лишнего и разошлись по бабам, а наутро встретились и час не могли разобраться, кто из них кто, напугались основательно.

В такой колоритный экипаж психологи должны были воткнуть хотя бы одного нормального по умолчанию человека, и этот человек на буксире есть, он второй пилот, или просто «пилот» — для краткости, Джордж Майкл Эвери. Он высок, могуч, светловолос, лицом приятен, очень нравится девушкам и зрелым дамам, у него постоянно что-то где-то болит и от всего, чего ни съест, легкая изжога как минимум, а бывает и запор. Передвигается Эвери немного скованно, ногу ставит на всю стопу. При ходьбе едва заметно поскрипывает. Ничего у него там скрипеть не может, все суставы на тефлоне, просто Эвери нарочно издает такой звук через внешний динамик, говорит, его это забавляет и вызывает сострадание у окружающих. Эвери любит, когда его жалеют, особенно девушки и зрелые дамы. Он был пилотом на крейсере, и у них там стряслось летное происшествие вдребезги и в клочья, а какое именно, нельзя рассказывать еще двадцать пять лет — военная тайна. Короче говоря, Эвери теперь в общем и целом киборг. Военный флот ему закрыт, для грузопассажирского «длинного плеча» он, бедняга, тоже не годен — раз в месяц должен прилечь на диагностику в земной клинике, а вот мотаться на буксире самое милое дело. Корабль он водит без рук, связываясь напрямую с ходовым процессором. Сидит неподвижно — и вовсю рулит, и все, что ему надо, видит прямо внутри головы. Параллельно с вождением буксира он там, внутри головы, еще кино себе крутит, музыку сочиняет, рисует очень милые графические новеллы и пишет сценарий к очередному сезону эпической видеодрамы про киборгов, которые никак не поженятся.

Братья Амбаловы завидуют ему лютой и неконтролируемой белой завистью. Они готовы носить Эвери на руках, благо оба здоровы, как племенные быки. Они считают Эвери будущим пилотируемой космонавтики, наступившим прямо сегодня. Им глубоко чихать на сочинение музыки и сценариев внутри головы, зато водить корабль усилием мысли, а не

педалями и джойстиками, это для братьев весьма актуальный соблазн, особенно при их тонкой работе.

Чтобы братьям жизнь киборга не казалась медом, Эвери регулярно им сообщает, как у него там и сям болит. Он не кокетничает и не преувеличивает: медицина только еще учится сращивать человека с механизмами. Братья переносят страдания Эвери стоически. Им кажется, что ради таких преимуществ, как управление кораблем без рук, можно и пострадать. Тем более, выглядит Эвери прекрасно, мужскую силу не утратил, а пенсия по инвалидности у него такая — мог бы вовсе не работать.

Если бы не капитан Безумов, черта с два эти трое шикарных самцов, уверенных в собственной неотразимости, назначили бы штурмана своей общей младшей сестренкой. Да они бы ей проходу не давали и в итоге наверняка из-за штурмана подрались.

Штурман на буксире в значительной степени анахронизм и выполняет функции, скорее, контрольные, не столько прокладывая курсы, сколько отслеживая, ровно ли судно идет. Еще это мальчик или девочка для битья, если буксир по нелепой случайности залетит не туда. В основном, это мальчик или девочка на побегушках. На буксирах ходят штурманами либо старперы, либо стажеры. Никакого дельного опыта по профессии молодые штурманы на коротком плече не освоят, скорее наоборот, и придется их потом здорово подтягивать, но берут ребят с буксиров на серьезные корабли охотно. Потому что опыт прокладки курса дело наживное, а вот если ты пару лет проболтался на крошечной блохе, где повернуться нельзя, не задев плечом сварливого профессионала, и после этого зубы у тебя все свои, глаза на месте и уши не оборваны, значит, характер легкий и ты способен прекрасно вжиться в самый озверелый коллектив.

Не подумайте, что на коммерческом флоте прямо так кому ни попадя бьют морды. Рукоприкладство карается

жестоко, вплоть до пожизненной дисквалификации. Но морды бьются — только в путь.

На буксире штурман зачастую превращается в кока — все равно его постоянно гоняют за кофе, почему бы не освоить вторую специальность. Экипажи буксиров поэтому сытые, гладкие и привередливые в еде. Сто пятый экипаж так просто лоснится, потому что Аня Безумова увлеклась кулинарией всерьез. Капитан даже начал поддевать дочку: а может, ну его, этот космос. Все равно тут куда ни плюнь сплошная логистика, развернуться не дает человеку. И космонавтов как собак нерезаных, а хороший кулинар нынче на вес золота. А если очень хочется летать, можно пойти на лайнер, папа уж поспособствует. Деньги будешь грести лопатой, да еще запросто подцепишь симпатичного миллионера.

При упоминании симпатичного миллионера экипаж дружно морщится и принимается ревновать, даже суровый главный механик, которому вроде бы все на свете до лампочки, а в космосе до лампочки два раза.

Аня на отца неуловимо похожа — не лицом, а мимикой и жестами в основном. И, к счастью, совсем не зануда. Тоже высокая, но капитан-то костлявый, вероятно от личной вредности, а девушка пока еще не особо пухленькая, но с явной, как бы сказать, тенденцией. Экипаж дружно объяснил себе, что ей так даже лучше; а потом, чего вы хотите от штурмана, который прекрасно готовит и свою стряпню вынужденно пробует. Нахватается по чуть-чуть там и сям, вот и лишний килограмм. Экипаж к Ане относится некритично, понимает это и счастлив продолжать в том же духе.

Аня и не думала идти к отцу на корабль. Во-первых, не хотела на буксир, во-вторых, опасалась, что папаша ее зашпыняет. Но Безумов сказал пару слов начальнику училища, тот провел с девушкой воспитательную беседу — и пришла как миленькая. Глаза у нее были на мокром месте, выражение

лица самое решительное, и, представившись по форме, она отозвала капитана в каюту, где тоже провела с ним воспитательную беседу. Капитан потом некоторое время нервно хихикал и как-то странно качал головой, будто говоря себе: «Ну совсем обнаглела молодежь!» Так или иначе, новоиспеченного члена экипажа он вовсе не шпынял, напротив, был с ним ровен и проводил регулярные тренинги по штурманскому делу, чем обычно капитаны буксиров откровенно манкируют. Что не мешало капитану спрашивать как бы в пространство, ни к кому прямо не обращаясь: «А чаю мне сегодня дадут?» или вполне прицельно гонять штурмана на камбуз за бутербродами, но это уж традиция, ничего не поделаешь, никто и не обижается. Ну и бутерброды вскоре сменились вкуснейшими пирожками.

И жизнь на буксире-толкаче бортовой номер сто пять наладилась просто лучше некуда — пока в одном из контейнеров что-то не взорвалось.

* * *

— Ну так что везешь, служивый? — повторяет капитан ласково-ласково. — Мистер Джонс, или как тебя на самом деле?..

Сопровождающий перестает наконец булькать, отнимает руки от лица и бормочет:

— Ничего не понимаю…

Капитан тоскливо вздыхает. Он глядит на Джонса, как на обидное и досадное недоразумение, с которым можно справиться одной левой, да вроде жалко человека.

— Там стандартный набор для колонистов — посевной материал, пищевые концентраты, медикаменты… Могу показать накладную…

— Ага, медикаменты. И еще шикарная клизма — электромагнитная бомба направленного взрыва. Я слепой, по-твоему?

Или тупой? Весь импульс прямо в нас пошел. Ничего себе, все людям.

Джонс глупо хлопает глазами. Очень искренне и убедительно.

— Что там у тебя еще?

— Да говорю же…

— Капитан, дайте его мне! Сэйчас ми тэбя пытать будем, дарагой,— сообщает Русик Амбалов, неумело имитируя условно-кавказский акцент.

— Разговорчики! — прикрикивает капитан.

Джонс лезет за пазуху, достает карточку накладной и несмело толкает ее в сторону капитана. Тот карточку ловит, втыкает ее себе куда-то под рукав и косится на монитор.

— Ну допустим,— говорит он.— Тоже неплохо. Колонии в пятьдесят тысяч рыл этого хватит на год, если я правильно считаю.

Джонс молча разводит руками.

— Огромные деньги,— говорит капитан.— Ну и?..

Джонс пожимает плечами. Он не знает, что говорить.

— Ты совершенно неправильно себя ведешь,— произносит капитан неспешно, в растяжечку, приторно-сладко, и серенький человечек каменеет лицом в ответ.— Ты не предлагаешь нам войти в долю, не обещаешь ничего, ты никак не пытаешься нас заинтересовать. Это плохо, мистер. Так не ведут дела с коммерческим флотом.

— Я ничего не понимаю! — взрывается Джонс.— О чем вы?! Как заинтересовать?!

— Это ми тэбя трахат будэм, дарагой! — объясняет Русик.

— Руслан, заткнитесь, будьте любезны!

— Ес, сэр!

Джонс затравленно оглядывается на оператора, но мешает высокий подголовник кресла.

— Второй механик — капитану,— раздается под потолком.

— Что за бардак? — удивляется капитан. — Почему обращаетесь по громкой?..

— У штурмана гарнитура утонула.

— Где?!

— Да в борще, твою мать! — доносится звонкий девчоночий голосок.

Экипаж дружно выдыхает. Штурман здоров и даже весел, значит, все хорошо.

— Я в темноте об шкаф стукнулась, у меня наушник соскочил, и когда «жизнь» снова включилась, его вместе с борщом в раковину засосало…

— Ты-то как сама? — спрашивает капитан, и сейчас у него голос ласковый по-настоящему. Такой голос здесь редко слышат.

— По уши в долбаном борще, мать его…

— Штурман, я понимаю, что вы нервничаете, но будьте любезны докладывать согласно протоколу.

— Штурман — норма.

— Приводите себя в порядок, я вас не тороплю. Владимир, спасибо, продолжайте выполнять задачу.

Капитан снова поворачивается к Джонсу и бросает ему сухо:

— Теряем время.

— Да чего вы от меня хотите?!

— Правды, всего лишь.

— Какая еще правда вам нужна?

Капитан Безумов негромко стонет и кривится, будто у него зуб прихватило.

— Ну не надо так, — просит он. — Ну давай по-хорошему. Я ведь действительно все могу. Пытать мы тебя не станем, трахать тем более — с дерьмом не трахаются… Мы вообще добрые. Мы не занимаемся войнами, мы занимаемся логистикой. Но если ты нас достанешь, мы тебя просто зажарим. Ты же слыхал про капитана Пастериуса. Ага, по глазам вижу, слыхал…

Джонс глаза прячет. Точно, слыхал. Еще бы, кто не знает капитана Пастериуса. Он убил террориста, которого случайно взяли при попытке взорвать систему жизнеобеспечения. Скрутили, запихали в каюту, вроде обезвредили. Но Пастериус шел на лайнере, битком набитом людьми, и идти ему предстояло еще неделю, а террорист вел себя как совершенный псих. Будь он поспокойнее, обошлось бы, а тут Пастериус испугался. Вернее, террорист его запугал. Мало ли чего этот сумасшедший учудит, пусть и запертый в каюте… Поэтому капитан подумал-подумал, а потом взял одеяло, поджег его, бросил в каюту вместе с зажигалкой и снова дверь заблокировал. То есть на словах он ничего такого не делал, но все, кто хоть немного в теме, сразу поняли, как оно было. По версии следствия, террорист решил вырваться из каюты, спровоцировав пожарную тревогу, при которой по умолчанию снимается блокировка дверей. Но огонь разгорелся мгновенно, и с такой силой, что вслед за тревожным сигналом буквально через секунду врубилась система локального пожаротушения. Она, естественно, дверь запирает, чтобы огонь гарантированно задушить, а если пассажир тоже задохнется — лучше пожертвовать одним, чем спалить весь лайнер. Это космос, ребята, тут законы примерно как на подводной лодке, только еще хуже. «Меньше народу — больше кислороду» — здесь вам не шуточка, а скучный аспект борьбы за живучесть корабля.

Уж следствие наверняка знало, как было дело. Пастериуса на год отстранили, а теперь опять летает, правда, не на лайнере, на грузовике.

И это, наверное, правильно. Хотя как посмотреть. Хладнокровное и жестокое убийство во имя спасения людей от гипотетической опасности…

Вот почему далеко не все рвутся в капитаны. Очень редко, но случается такое, когда командир звездного судна решает, кому жить, а кому нет. И ты должен быть внутренне готов к такому решению постоянно с момента, как получишь ка-

питанскую лицензию. И ответить за решение — тоже готов. На корабле ты — закон. Но ты не над законом. Вот и думай.

— Может, договоримся? — спрашивает капитан Безумов почти умоляющим тоном. — А? Ну неохота мне помирать из-за того, что вы подкармливаете какую-то террористическую группировку, чтобы врагам Федерации жить было веселее.

— Что за бред?! — шипит Джонс.

— И портить свое резюме тоже не хочется… — нудит капитан. — Я через час пакет сброшу, это уже само по себе чрезвычайное происшествие…

Тут Джонс меняется в лице, устает играть.

Как это «пакет сброшу»? У тебя не работает ничего.

У тебя манипуляторы не шевелятся.

Ты еще скажи, что вот-вот тяга будет.

— Вопрос в чем, — продолжает капитан. — Я могу сбросить груз вместе с тобой. Наденешь скафандр, подпишешь заявление, что пошел осматривать контейнеры, — и гуляй на здоровье. Кораблик у меня неисправный снизу доверху по твоей милости, пакет сорвется, подцепить назад мы его не сумеем, улетит он быстро и далеко, а спасать тебя нам просто нечем — шлюпку мы еще в том году… Доломали. Ну и сиди на своем товаре, а мы отвалим. Воздуха в скафандре на три часа, твои приятели как раз успеют. Можем дать запасной баллон, чтобы ты не боялся. Но вот за все это, драгоценный ты мой, я должен что-то существенное получить от твоего ведомства. А то сам факт выхода в рейс с неисправной спасательной шлюпкой… Ну, ты понял. Меня же просто с работы выгонят. Если не попрут из профессии…

Джонс отчетливо скрипит зубами. Он недоволен. Похоже, его удерживает только отсутствие тяги. А то бы сейчас отстегнулся и полез тут всех убивать. Драка в невесомости — отдельный вид боевых искусств, и связываться с четырьмя противниками, тренированными на невесомость по умолчанию,

серенькому дядечке неохота. Оружия у него точно нет, максимум что-нибудь острое в ботинке спрятано. А у этих отвертки и пассатижи. У каждого, вон, в кармашке на голени.

— Другой вариант,— говорит капитан.— Это если ты сам по себе и просто решил уйти с товаром на сторону. Тогда я должен тебя арестовать. А ты должен назвать сумму, за которую я тебя не арестую. И вот я себе задаю вопрос: чего ты молчишь и прикидываешься невинной овечкой? Чего ты такой неправильный? И сам отвечаю: ты нас уже похоронил. Ага? Нас просто убьют. Потому что мы тебя видели.

— Вы бредите,— произносит Джонс устало.

— Я сброшу пакет через час,— напоминает капитан и мило улыбается.

С этой улыбкой он действительно похож на смерть, похож как никогда.

Братья Амбаловы потихоньку выбрались из «пузыря» и висят у Джонса за спиной. Эвери безучастно сидит и глядит, как мигает на пульте лампочка аварийного маяка.

Положение в целом отвратительное. Те, кто придут за пакетом, будут здесь часа через три-четыре, они не могут ждать поблизости от трассы, их засекут и спросят: вы чего тут? Если сигнал маяка принят, спасатели догонят буксир где-то через сутки. Впереди еще несколько буксиров — сто пятый шел в колонне замыкающим,— но чтобы погасить скорость, развернуться и прийти на помощь, надо часов восемь при самом удачном раскладе. Никто этим заниматься не будет: если корабль погиб, значит, погиб, а если он не функционален, но экипаж жив, людям положено сидеть в шлюпке и жевать аварийный запас. Шлюпка, кстати, на сто пятом не совсем доломанная, жить в ней можно, она просто не летает.

Расклад, озвученный капитаном, весьма убедителен, и на борту — опасный человек. Очень, очень нехорошее положение.

Основной вопрос: капитан блефует насчет тяги — или как?

Но в любом случае, надо его слушаться. Что скажет, то и делай. И быстро.

— Что там? — капитан слегка наклоняет голову и слушает ответ. С механиками общается. — Понял. Этого достаточно. Жду.

И снова глядит на Джонса, пристально, колюче.

— Одного не понимаю, — говорит капитан. — Почему выбрали именно нас? Все остальное в общем ясно. А вот почему мы — это для меня загадка. Ты же не дурак. Ты должен был «пробить» мое досье. Тебе это раз плюнуть.

— За кого вы меня принимаете?!

— За того, кто ты есть. За офицера государственной безопасности.

— У-у… — Джонс в сердцах резко мотает головой.

Издает булькающий звук и зажимает рот обеими руками.

— Дайте ему мешок уже!

Бесик Амбалов подлетает ближе, достает из подлокотника кресла гигиенический мешочек и сует его Джонсу. После чего на всякий случай отлетает назад.

Джонса шумно рвет.

По счастью, у космонавтов мешки в карманах: через несколько секунд рвать начинает в рубке всех, кроме, естественно, капитана Безумова. Он просто сидит и буравит Джонса взглядом.

— Я вас много видел, — говорит капитан. — А еще у меня бывают всякие предчувствия. И как только ты зашел на борт, я понял: дело плохо. Ну вот рожа мне твоя не понравилась, извини… Я прикинул, где именно нас должны грабить, и принял меры. Ты заметил, да, механиков первые сутки полета не было в рубке? Это я им приказал сделать кое-что. Ну да, я параноик, наверное. Зато у нас будет тяга. Пятьдесят с чем-то процентов, но будет. Ты хотел выжечь нам главный ствол управления. Механики вместо него бросили шунт, и ствол мы обесточили насколько возможно. Летели буквально на честном слове, зато

ствол почти не пострадал. Но пакет нам все равно придется бросить, иначе с половинной тягой мы не успеем вовремя к точке входа. У нас, видишь ли, есть там дела поважнее, чем этот драный пакет, хоть он и стоит больших денег… Чтобы ты мне до конца поверил, объясняю: мы везем спецпочту. Она у меня в сейфе, я отдам ее командиру дальнобоя. Наверное, еще поэтому я напрягся, увидев тебя: не кладет твое ведомство два яйца в одну корзину, нельзя так, запрещено. Я же знаю. Что, впрочем, не отменяет моей паранойи, хе-хе… А теперь в последний раз спрашиваю: поторговаться не хочешь? Не готов? Есть, что предложить?

Джонс запечатывает мешок, оглядывается, прячет его обратно в подлокотник. Утирается рукавом серенького костюмчика. Сам Джонс теперь окончательно серенький и очень, очень несчастный. Ему тут не нравится. Он на взводе, он злой, держится из последних сил и поэтому грустен. Что-то у него пошло не так. Совсем не так, как надо.

— Я буду жаловаться! — шипит Джонс.

— Куда? В «Джамаат Свободного Космоса»?

Джонс тяжело вздыхает и отворачивается, выражая крайнее недоумение.

Получается у него уже совсем неубедительно.

— Ладно, сиди, думай, — разрешает капитан. — Время еще есть. Но его все меньше с каждой минутой. Ты пойми, дубина, мы — коммерческий флот, деловые люди. Мы не страдаем ерундой, мы занимаемся логистикой. Поэтому с нами всегда можно договориться. А вот убивать нас неправильно, мы этого очень не любим и жестоко мстим. Ты задумал нас ухлопать, и уже за саму эту мысль тебе стоило бы заплатить нам. Мы сердимся, если у кого-то возникают такие мысли. Уразумел, нет? Вижу, что нет… Ты жадный, что ли? Или глупый?

— Погодите, я понял, — Джонс расправляет плечи. — Вы пережили стресс. Вы уже немолоды, вам сейчас очень трудно, и вы ищете виноватого. Знаете, я согласен. Назначьте меня виноватым. Арестуйте. Не проблема. Заприте в каюте, я готов.

Капитан пару раз моргает, что-то прикидывая.

— Ну зачем же в каюте, — говорит он наконец. — В каюте это несерьезно. Мало ли чего ты там припрятал на черный день. Не-ет, дорогой… В ремонтном шлюзе мы тебя закроем. И при малейшей опасности случайно откроем внешний люк. У меня, понимаешь, расширенные полномочия при доставке спецпочты. Я обязан всего бояться. Сейчас я боюсь тебя. Честное слово, ты меня напугал очень сильно. Операторы, выполняйте. В шлюз его.

Братья Амбаловы подлетают к Джонсу и начинают его отстегивать.

Тут в рубку влетает девушка. Она одета в новенькую, с иголочки, парадную штурманскую форму, влажные черные волосы гладко зачесаны назад и собраны в хвост. Сейчас у всех от невесомости лица опухшие и круглые, у девушки совсем

кругленькое, но все равно видно, что штурман — симпатяга. Хотя и несколько склонна к полноте.

— А можно я ему по морде дам?! — заявляет симпатяга.

На нее все оглядываются, и тут мистер Джонс преображается из серенького дядечки в опасную тварь, способную запугать даже капитана Безумова. Резкими короткими ударами он начинает бить братьев Амбаловых, стараясь попасть в уязвимые места — пах, глаза, горло. Братья кряхтят, но держатся, хотя и с трудом. Надолго их не хватит. Они стараются зафиксировать руки и ноги Джонса, сплетаются с ним в тесный клубок и так летают по рубке, ударяясь обо все, что подвернется.

— Пилот! — рявкает капитан и едва успевает поймать за пояс штурмана, рванувшегося к Амбаловым на выручку.

Эвери уже без команды отстегнулся. Он подлетает к драке, просовывает в нее руку, шарит там внутри и берет Джонса за шею. Некоторое время сплетение тел еще шевелится, а потом братья, отдуваясь, разлетаются в стороны. Обмякший Джонс, растопырив конечности, висит на руке Эвери, словно кукла.

Рядом летает отвертка, которую Джонс успел выдернуть у кого-то из кармана. Эвери пережал ему артерию очень вовремя, еще пара секунд — и был бы труп на борту, а то и два. А при известной удаче всех поубивал бы скромный и незаметный мистер Джонс.

— Ты совсем-то его не задави,— говорит капитан.— Нам этого красавца сдать желательно.

— Я хорошо разбираюсь в физиологии человека,— отвечает Эвери механическим голосом.

Свободной рукой он ловит отвертку и протягивает ее Бесику. Тот сконфуженно благодарит.

— Извините, мальчики...— говорит штурман помятым и побитым операторам.— Как-то я не вовремя... Ой, Русик, что у тебя с глазом? Сейчас я аптечку...

— Потом,— отмахивается Русик, держась за глаз.— Сначала мы его упакуем, да, капитан?

— В шлюз. Действуйте.

Братья выталкивают Джонса в коридор. Слышно, как тело бьется о стены.

— Извини, пап,— говорит штурман.— Я повела себя как дура и подставила вас. Больше не повторится, кэп.

— Да ладно, ты не виновата. К таким ситуациям трудно быть готовым смолоду. Теперь будешь готова, хе-хе… Анечка, солнышко, отбуксируй ты свой подарок ко мне в каюту, пускай там посидит до конца рейса. Кончились праздники, начинается борьба за живучесть и прочая рутина.

Штурман глядит на огромного игрушечного медведя. Заметно, что девушка не отказалась бы спать с ним в обнимку, но на буксире только у капитана нормальная каюта, остальным положены крошечные жилые отсеки, там медведь займет едва не половину свободного места, с ним не развернешься, да и техника безопасности категорически против медведей такого размера в ограниченном пространстве. Уж что-что, а техника безопасности у штурмана забита не просто в мозг, а в подкорку. Как у всех здесь.

— Слушаюсь, кэп,— говорит штурман, хватает медведя в охапку и улетает.

— Потом окажешь медицинскую помощь операторам! — кричит ей вслед капитан.

— Есть, кэп! — доносится из коридора.

Эвери усаживается на свое место.

— Четко сработано, пилот,— говорит капитан.— Благодарю.

— Служу Федерации,— отзывается тот.

— Да нужны мы ей больно… Ладно, ладно, это она нам нужна. Эх, тягу мне скорее, тягу… И связь.

— И радары,— говорит пилот.— Разрешите вопрос? Вы почему меня не предупредили насчет шунта? А я понять не мог,

что не так с кораблем. Вроде бы управляется штатно, но какая-то разница.

— Хорошо сделал Михал Иваныч, а? Старый мастер показал класс. Самые обычные силовые кабели.

— Калинин — это половина корабля! — говорит Эвери.

И оба дружно смеются, вспомнив что-то. Им есть чего вспомнить.

Они взрывались на крейсере втроем с Михал Иванычем, просто капитану и механику повезло больше, чем пилоту.

Капитан Безумов никогда не ходил на грузовозе и на гражданском лайнере тоже не ходил. Он водил сначала военный транспорт, потом большой десантник. Ну и крейсер под занавес. Да, он бессовестно врет насчет личного послужного списка, ему приказано врать, но что-что, а философию свою капитан не выдумал, он ее честно выстрадал. Глубокое недоверие к грузу, особенно живому, и проникновение в сокровенную суть логистики ты заработаешь на военном флоте куда быстрее, чем в коммерческом, и достанут тебя эти жизненно важные знания до самых печенок.

— Не хотел тебя попусту дергать,— говорит капитан.— И вся необходимая информация была до тебя доведена вовремя, разве нет?

— В следующий раз дергайте,— просит Эвери.— Я слишком много чувствую теперь. Меня все беспокоит. Нервный стал.

— Следующего раза не будет,— обещает капитан.— Знаешь, я прилягу на полчаса. Тоже нервный стал.

Он улетает к себе в каюту. По дороге капитан слышит, как на камбузе тонко взвизгивает и громко шипит Русик: ему оказывают медицинскую помощь. Да ничего там страшного с глазом, промахнулся мистер Джонс. Повезло.

В капитанской, но все равно тесноватой каюте Безумов пристегивается к койке и глядит на игрушечного медведя,

зафиксированного в кресле. Если все пойдет штатно, на стоянку дальнобоев у точки входа буксир прибудет ночью по бортовому времени, когда штурману положено спать. Капитан Безумов достанет из сейфа контейнер со спецпочтой, а медведя упакует в мешок для мусора. И никто не спросит, что у капитана в мешке: нельзя спрашивать.

Спецпочта это чертовски важно, да. Ради нее можно сбросить пакет контейнеров, какие бы деньги тот ни стоил, и пусть террористическая группировка «Джамаат Свободного Космоса», которую госбезопасность подкармливает врагам назло, подавится своей добычей.

Но если честно, капитану Безумову плевать на спецпочту. Она просто вовремя подвернулась, очень вовремя.

Капитан Безумов умирает — аукнулась ему военная служба,— осталось не больше года, медицина бессильна, опоздали с диагнозом, и даже киборгом не заделаешься, операция добьет больного. Если раньше капитан только делал вид, будто его не тошнит в невесомости, чисто для солидности держался, теперь и правда не тошнит. Организму все равно, он занят, готовится к отходу на вечную стоянку… Детей у капитана трое, Анечка старшая, очень хотелось бы обеспечить им и вдове не пенсию по потере кормильца, а оставить солидный траст, чтобы жили-поживали.

А на все остальное капитану на-пле-вать. На мораль, на нравственность, на Федерацию — и два раза плевать на закон. Он привык сам быть законом.

Поэтому в брюхе игрушечного медведя килограмм отборной дури.

Стоимостью почти как тот пакет контейнеров, который он сбросит, когда старый кудесник Михал Иваныч Калинин даст питание на манипуляторы зацепа.

А у капитана дальнобоя, который помирать не собирается, а просто очень любит деньги и вообще сволочь,— такой же

игрушечный медведь, тоже для дочки. Пару лет назад Безумов, получив от коллеги деловое предложение соответствующего толка, дал бы ему в морду и вызвал полицию.

Но сейчас это просто логистика.

Просто очередной чемодан в космосе.

Мистер Джонс очнулся в шлюзе и сидит там одиноким несчастным чемоданом. Два брата-чемодана сейчас, наверное, флиртуют с чемоданчиком-Анечкой, вполне невинно и с огромным удовольствием. Верный надежный чемодан по фамилии Эвери ждет, когда чемоданы-механики переподключат ствол управления. И на перехват буксира мчится огромный страшный бандитский чемоданище, который хочет нас убить, вот только шиш ему с маслом. Не на те чемоданы напал.

Капитан Безумов закрывает глаза и старается думать о чемоданах.

Чтобы не думать об игрушечных медведях.

Он убеждает себя: это только логистика.

Не получается.

ДИВОВ Олег Игоревич

(род. в 1968 г., Москва).

Учился на факультете журналистики МГУ, служил в армии. В 1997 г. вышел первый роман О. Дивова «Мастер собак». В том же году — еще два романа «Стальное сердце» и «Братья по разуму». Но подлинную популярность писателю принесли книги в жанре социально-приключенческой НФ: «Лучший экипаж Солнечной» (1998), «Закон фронтира» (1998), скандально известный роман «Выбраковка» (1999), «Саботажник» (2002), роман-манифест «Толкование сновидений» (2000), «Ночной смотрящий» (2004), «Храбр» (2006). «Консультант по дурацким вопросам» (2012), «Объекты в зеркале заднего вида» (2013), цикл «Профессия: Инквизитор» (2013–2015). Отмечен практически всеми НФ-наградами. В «Если» опубликовано более десяти его произведений.

инженерная защита

ОТРАСЛЕВОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОДПИСКА ОНЛАЙН:

190121, г. Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., 1/44 лит. «Б»
тел.+7-921-985-46-85,
факс +7-812-714-35-20
e-mail: territory.engineering@gmail.com

www.инженернаязащита.рф

КОСМОС КОНТЕКСТ

МАРСОХОД CURIOSITY ПРОБУРИЛ ПОДНОЖИЕ ГОРЫ

6 ноября пришли первые результаты исследования марсианского грунта инструментами марсохода Curiosity, полученные в рамках научной программы изучения кратера Гейла и горы Эолида (Шарпа). Самая важная находка — появление гематита. Это одна из форм оксида железа, которая образуется в воде. По одной из гипотез, отложения гематита формируются как результат жизнедеятельности хемолитотрофных бактерий. Это такие микроорганизмы, которые питаются не себе подобными, а заняты разложением минеральных соединений.

Марс в открытом доступе

3 марта 2015 года начался новый этап поисков советской станции «Марс-6». Запущенный в 1973 году космический аппарат исчез где-то среди рыжих марсианских песков. Что с ним стало — неизвестно, разгадать загадку ученые пытаются с помощью пользователей социальных сетей. Поиск стал возможен благодаря американскому спутнику MRO, который снимает поверхность Марса с детализацией до 26 см. Снимки имеются в открытом доступе, и сегодня каждый сможет исследовать свой кусочек Красной планеты.

Подготовил Виталий Егоров
Zelenyikot

Мягкая посадка

В начале 2015 года компания SpaceX осуществила две попытки посадки первой ступени многоразовой системы Falcon-9. При первой попытке, состоявшейся 10 января, снижающуюся тридцатиметровую ступень весом в пятнадцать тонн удалось вывести на посадочную спускаемую платформу, однако ракета разбилась и затонула. Основная цель запуска — выведение на орбиту и стыковка с МКС грузового корабля Dragon — осуществлена успешно. При второй попытке 12 февраля ступень смогла успешно погасить скорость и попасть в условную мишень в пределах 10 метров. Ракета снова затонула, но SpaceX твердо намерена продолжать испытания.

«Ангара» полетела

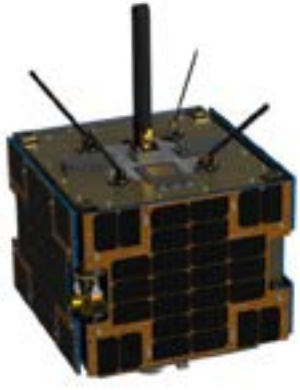
23 декабря 2014 года новая перспективная ракета-носитель «Ангара» успешно стартовала с космодрома Плесецк. К геостационарной орбите отправлен габаритно-массовый макет двухтонного спутника на разгонном блоке «Бриз-М».

Ракета «Ангара» использует в качестве топлива керосин, а не чрезвычайно токсичный гептил. Она может выводить на орбиту полезные грузы с космодромов, расположенных на территории России. Кроме того, у нее есть универсальные разгонные модули, количество которых можно менять.

Российский коммерческий космос

Индийская телекоммуникационная компания Aniara заказала два малых геостационарных спутника у российского подразделения международной частной космической компании Dauria Aerospace. Соглашение было заключено 15 июля.

В июне 2014 года в космос отправились первый российский частный космический аппарат «ТаблетСат-Аврора» и следом за ним — первая частная спутниковая группировка «Персеус-М». Их полет стал наглядным результатом зарождения частной российской космической бизнес-инициативы. Следом, 8 июля, был запущен на орбиту частный спутник DX1, разработанный компанией «Даурия Аэроспейс».

Обратная сторона Луны

1 ноября китайский космический аппарат Chang'e, облетев Луну, вернулся на Землю. Космический аппарат прислал великолепные снимки Луны и Земли. Самый шикарный кадр — Земля и обратная сторона Луны.

Пилотируемые полеты

Весь 2014 год в России многие политики и представители космической отрасли высказывали сомнения о необходимости продления сотрудничества по Международной космической станции. Однако в феврале 2015 стало ясно, что Роскосмос готов принять предложение NASA о продлении программы МКС до 2024 года.

18 декабря Индия успешно испытала тяжелую ракету GSLV Mk III, ставшую самой мощной для индийской космической программы. Она может выводить до 4,4 т на геопереходную орбиту. Полезной нагрузкой на испытаниях ракеты выступила спускаемая капсула будущего индийского пилотируемого космического корабля. Индия продолжает реализацию пилотируемой программы, несмотря на ограниченные бюджеты.

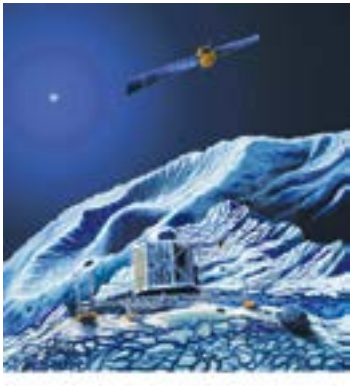
5 декабря прошли летные испытания жилого возвращаемого модуля корабля Orion. В ходе беспилотного запуска на высоту 5 тыс. км NASA смогло протестировать взаимодействие корпуса с потоком заряженных частиц первого радиационного пояса Земли. Проверялась готовность корабля к возвращению на Землю после перелета к Луне или далее. Полностью Orion будет готов к 2017 году. Для запуска Orion на дальние околоземные и межпланетные орбиты NASA занято разработкой сверхтяжелой ракеты SLS, в два и более раза превышающей по грузоподъемности современные тяжелые ракеты.

Новости Европы

Благодаря телескопу Hubble удалось сделать открытие на орбите Юпитера — оказалось, что ледяная кора его спутника Европы не такая монолитная, как ранее считалось. Если наблюдения подтвердятся, появляется возможность прямого анализа воды без проникновения под ледовую кору. Данное открытие стало дополнительным фактором, склоняющим NASA к подготовке сложной и амбициозной миссии на Европу. Окончательное решение о запуске еще не принято, но на 2015 год в бюджет NASA уже заложили 20 млн долларов на эскизное проектирование.

Год комет

6 августа 2014 года автоматическая межпланетная станция Rosetta Европейского космического агентства после десятилетнего полета добралась до кульминационной стадии своей миссии. Rosetta сблизилась с ядром кометы 67P/Чурюмова – Герасименко, начала цикл дистанционных исследований ядра, прямых анализов вещества комы, а 12 ноября высадила спускаемый модуль Philae. Научное открытие, которое удалось сделать благодаря Rosetta, — это доказательство некометного происхождения основных запасов земной воды. В то же самое время в другой части внутренней Солнечной системы — на орбите Марса — целая флотилия космических аппаратов исследовала пролетающую комету C/2013 A1 (Siding Spring).

Кома — облако из пыли и газа, окружающее ядро кометы. Вместе кома и ядро образуют голову кометы.

Час пик на марсианской орбите

С разницей всего в два дня на орбиту Марса прибыли сразу два новых космических аппарата: 22 сентября Американский MAVEN и 24 сентября индийский MOM (Mars Orbiter mission). Таким образом, окрестности Красной планеты стали самыми оживленными после Земли по разумной активности.

Космический телескоп Gaia приступает к научной работе

29 июля начнет свою работу космический телескоп Gaia, созданный Европейским космическим агентством. Телескоп должен проработать около 5 лет и произвести около 70 съемок всего звездного неба. Благодаря такой съемке удастся построить высокоточную карту галактики Млечный Путь.

Спутник на Kickstarter

28 февраля с борта МКС на орбиту запущен спутник SkyCube, ставший первым подобным проектом, реализованным за счет краудфандинга. В считаные недели на Kickstarter удалось собрать сумму, превышающую необходимую, — вместо 82,5 тысячи почти 117 тыс. долларов. Спутник в виде небольшого куба с размером граней 10 сантиметров отправился на орбиту 9 января 2014 года с космодрома на мысе Канаверал.

Антон ПЕРВУШИН

ХОЗЯЕВА ВСЕЛЕННОЙ

/экспертное мнение
/аналитика
/экономика
/околоземное пространство

Александра ОЛЬХОВИК

Частный космос: деньги есть!

Орбитальный «извозчик»

Век назад, когда закладывались теоретические основы космонавтики, как-то само собой подразумевалось, что освоение внеземного пространства станет уделом энтузиастов и небольших компаний, созданных учеными и инженерами. Такое представление подкреплялось яркими образами гениальных одиночек, легко выпекаемыми фантастами.

Быстрый взлет ракетно-космической отрасли после Второй мировой войны пробудил завышенные ожидания: футурологи 1960-х годов уверенно писали о том, что вскоре появятся обитаемые базы на Луне, Венере и Марсе, а к концу столетия ожидался старт экспедиции в дальний космос. Однако по ходу реализации лунных программ стало очевидно, что дальнейшее расширение внеземной инфраструктуры потребует колоссальных капиталовложений, сопоставимых с бюджетами развитых стран.

Моментом не преминули воспользоваться бизнесмены новой генерации, нацеленной на извлечение прибыли из технологий «завтрашнего дня». Информационная революция позволила частникам избавиться от массы подготовительной работы, обрести независимость и необходимые ресурсы, создавать космические корабли и даже строить свои космодромы.

Проблема эффективности

В частном космосе существуют технологические проблемы. 28 октября, во время пятого запуска, взорвалась на старте частная ракета Antares, которая должна была доставить груз на МКС. 31 октября, в ходе

Доктор Кейвора из романа Герберта Уэллса «Первые люди на Луне» (1901), инженер Лося из романа Алексея Толстого «Аэлита» (1923) и конструктор Цандера из романа Александра Беляева «Прыжок в ничто» (1933).

The Space Economy at a Glance 2014 — подготовленный ОЭСР статистический обзор мировой космической отрасли и ее вклада в экономическую деятельность.

четвертого самостоятельного полета разбился туристический ракетоплан SpaceShipTwo; при этом один из пилотов погиб, а его напарник получил ранения.

Расследование причин катастроф еще только началось, но уже всплывают неприглядные подробности. На первой ступени ракеты Antares стоят купленные по дешевке и доработанные двигатели НК-33, которые были изготовлены в 1970-е годы для советской «лунной» ракеты Н-1. Этот выбор неоднократно критиковали, и похоже, мрачные предчувствия себя оправдывают. Что касается падения SpaceShipTwo, то тут сыграло свою роль трудное решение заменить гибридное ракетное топливо на твердое. Больше того, даже наземные испытания не обошлись без жертв — 26 июля 2007 года при взрыве стенда погибли три инженера. Постоянные отсрочки, спорные технические решения и проблемы с обеспечением безопасности вызвали растущее недовольство инвесторов.

Получается, что уже на первом этапе частная космонавтика испытала влияние «родимых пятен» капитализма. С одной стороны, действует требование повышения прибыльности, в том числе за счет снижения себестоимости; с другой стороны, особые условия производству диктует необходимость обеспечения высочайшей надежности. Промежуточный итог неутешителен: после двадцати лет усилий частники не сумели создать реальную альтернативу государственным космическим агентствам.

Первые шаги России

В 2012 году на рынок вышла компания «Даурия Аэроспейс», основанная предпринимателем Михаилом Кокоричем. В какой-то момент он решил попробовать себя в принципиально новой для России сфере бизнеса — производстве недорогих небольших спутников «под ключ». На первом этапе «Даурии

ЧАСТНЫЙ КОСМОС: ДЕНЬГИ ЕСТЬ!

Основная проблема космической экономики состоит не в отсутствии коммерческих результатов, а в сложности их оценки. Большая часть информации, характеризующей развитие космической экономики, в открытом доступе отсутствует. Отчет ОЭСР The Space Economy at a Glance 2014 представляет собой попытку оценить объемы рынков, так или иначе связанных с космосом. Но данные представлены достаточно оригинально: например, наибольшую эффективность космических инвестиций демонстрирует Норвегия, с 1990-х обеспечивающая прозрачность отчетности. На каждый миллион норвежских крон, вложенных в космос, дополнительный оборот составляет 4,7 миллиона.

Пока что наиболее выгодным космическим бизнесом, по данным отчета The Space Economy at a Glance 2014, является спутниковое телевидение. Выручка в этом сегменте в 2013 году достигла 97 млрд долларов США.

Важной частью инфраструктуры современной экономики являются спутниковые телекоммуникации. Выручка первых 25 компаний, предоставляющих услуги фиксированных спутниковых служб, в 2013 году составила около 12 млрд долларов США. Выручка мобильных спутниковых операторов, обслуживающих узкие авиационные и морские рынки, в 2013 году оценивалась в сумму около 2,6 млрд долларов США.

Доходы в сегменте поставщиков наземного спутникового оборудования и терминалов спутниковой связи составляют более 7 млрд. Они обеспечивают деятельность государственных учреждений и частных компаний в банковской и нефтегазовой сферах, розничной торговле и т.д.

Растет значение систем дистанционного зондирования Земли, предоставляющих уникальные возможности для мониторинга природных ресурсов, землепользования, анализа воздействия изменения климата и т.п. Доходы коммерческих предприятий в этой сфере в основном зависят от государственных заказчиков. Ярким примером здесь может послужить «Enhanced View» — контракт, заключенный DigitalGlobe и Национальным агентством геопространственной разведки США, который обеспечил около 250 млн долларов, или 60% доходов компании в 2012 году. Объем рынка коммерческого дистанционного зондирования Земли в 2013 году составил около 1,5 млрд долларов США.

В настоящее время на орбите насчитывается около 120 гражданских спутников дистанционного зондирования, не считая метрологических. Их общее количество может удвоиться уже к 2021 году. Пока что рынок запуска

спутников, открытый для частной конкуренции, относительно мал: в 2013 году он составлял около 2 млрд долларов США.

К перспективным рынкам относится космическое страхование. Коммерческие суборбитальные полеты и космический туризм не покрываются ни одним из существующих страховых режимов, и лишь некоторые космические туристы оформляли личную страховку от несчастных случаев. Как только начнут работу суборбитальные транспортные средства, решение вопросов страхования станет острой необходимостью.

В конце 2013 года на орбите насчитывалось около 205 застрахованных спутников при общей сумме страховки около 24 млрд долларов США. Каждый год по всему миру в среднем запускается 70–80 ракет-носителей, из которых застрахована примерно половина. За последнее десятилетие средняя сумма страхового возмещения возросла с 38 миллионов долларов США в середине 1990-х до 116 миллионов в 2013 году.

В 2012 году НАСА зафиксировало около 1800 случаев использования космических технологий в самых различных областях, не связанных с космосом. В Европе на основе космических разработок создаются воздухоочистные сооружения в больничных палатах интенсивной терапии, радиолокационная съемка горных туннелей для повышения безопасности шахтеров и усовершенствованные материалы для широкого спектра спортивных изделий от гоночных яхт до кроссовок.

Еще один пример вторичного рынка — сфера геопозиционирования и навигации. Ее доходы в 2013 году оцениваются в сумму около 50 млрд долларов США.

Двигателем экономического развития в ближайшие годы может стать освоение среднего и дальнего космоса. Один из современных инструментов развития — Google Lunar XPRIZE: соревнование частных компаний по разработке и запуску к концу 2015 года роботизированного космического аппарата, который сможет передвигаться по поверхности Луны.

Становление рынков космических грузоперевозок и коммерческой доставки космонавтов на околоземную орбиту будет сильно зависеть от эффективности частных компаний в течение следующих пяти лет. По сути, речь идет о том, смогут ли коммерческие компании сделать более выгодное по цене предложение, чем традиционные государственные и окологосударственные игроки космического рынка.

Примером для энтузиастов стала программа космического туризма, которую развивают авиаинженер Бёрт Рутан и миллиардеры Пол Ален и Ричард Брэнсон. Их ракетоплан SpaceShipTwo будет нести восемь человек и прыгать до высоты 140 км, что позволит находящимся в нем людям шесть минут наслаждаться невесомостью и видами из космоса. С учетом стоимости билета в 250 тысяч долларов возможности выглядят более чем скромно, однако желающих предостаточно — заявки приняты от семисот человек, среди которых есть настоящие знаменитости: Стивен Хокинг, Том Хэнкс, Брэд Питт, Анжелина Джоли, Леонардо ди Каприо.

Аэроспейс» удалось привлечь 20 млн долларов прямых инвестиций, а 8 июля 2014 года на орбиту отправился ее экспериментальный спутник DX-1 — универсальная служебная платформа, на базе которой будут строить специальные космические аппараты. Можно уверенно говорить, что отечественные бизнесмены приходят в отрасль всерьез и надолго.

Свободное владение

Все же, несмотря на хорошие перспективы, частная космонавтика еще долго будет оставаться на задворках у государственных агентств и корпораций. И связано это с тем, что на космос не распространяется право собственности. Такой порядок определен Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (январь 1967 года) и Соглашением о деятельности государств на Луне и других небесных телах (декабрь 1979 года). Эти документы прямо запрещают присвоение небесных тел или провозглашение там суверенитета. Если, конечно, в один прекрасный день их денонсируют, тогда у частников появится еще один фундаментальный мотиватор для того, чтобы заняться освоением Вселенной.

СЛЕДУЮЩИЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ В КОСМОСЕ, 2015–2030

Прошло полвека с эпохи Артура Кларка и Вернера фон Брауна, и журнал «Если» задал те же вопросы современным экспертам в области освоения космоса и инновационного развития. Предприниматели и бизнесмены коммерциализировали первые космические шаги человечества, но технологическая платформа осталась прежней. Мир ждет нового прорыва в космических технологиях, подтягивая отстающие фронты: философию, этику, физическую теорию, инженерию, инфо- и биотехнологии. И начинает казаться, что ожидание затягивается: по-прежнему мы летаем преимущественно на ЖРД, ионный двигатель остался маломощным и исключительно маневровым, а фотонный «Хиус» появился только в научных журналах и лишь в начале XXI века. Но растет ощущение востребованности принципиально новых решений в задаче космической экспансии…

/экспертное мнение

/космические полеты

Беседовал
Василий БУРОВ

Космос через 15 лет: ключевые ожидания

Опираясь на мнение экспертов, мы выделили несколько предсказаний, осуществление которых кажется неизбежным:

РЕСТАРТ КОСМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ. Если о ее направленности можно спорить, то в том, что человечество вернется к ней, сомнений нет. Затишье в освоении космоса должно смениться новыми целями вне Земли.

КОЛОНИЗАЦИЯ ЛУНЫ. Об этом эксперты говорят даже не как о прогнозе на ближайшие пятнадцать лет, но практически как о само собой разумеющемся факте в биографии человечества.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОСМИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ. Сегодня они есть только для орбитальных технологий — дистанционное зондирование, навигация, связь. Но обязательно должны сформироваться другие направления, а именно добыча промышленных ресурсов, сверхчистые производства и технологические процессы, требующие невесомости.

РОБОТИЗАЦИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. В космической экспансии роботы уже давно играют определяющую роль, и, скорее всего, сегодняшние успехи робототехники позволят нам считать роботов своими достойными представителями в авангарде космической экспансии.

НОВЫЙ ШАГ В ОБЛАСТИ ДВИГАТЕЛЕЙ. Неясно, какой именно он будет, но принципиальное решение должно быть найдено. Слишком давно его ждут. Что это будет: нуль-Т с Далекой Радуги или легенные ускорения за орбитой Плутона?

Дмитрий ПАЙСОН

директор исследовательско-аналитического центра
Объединенной ракетно-космической корпорации

Какие события или процессы, с вашей точки зрения, станут определяющими для освоения человечеством космоса к 2030 году?

Достижение действенного международного консенсуса по целям, задачам, дорожной карте освоения космоса человеком. Введение действенного международного режима коммерческой эксплуатации космических ресурсов (решение проблемы — «запрет на присвоение, но разрешение на эксплуатацию»). Кардинальное снижение «порога входа» в космическую промышленность как с технико-экономической, так и с нормативно-правовой точки зрения. Развитие ситуации с размещением/неразмещением оружия в космосе. Приведение российской ракетно-космической промышленности к реально работоспособному виду. Создание искусственного интеллекта, способного обеспечивать автономность напланетных средств с учетом задержки прохождения радиосигнала, а также соответствующих систем телеприсутствия. Возможно — принципиальные подвижки в развитии неракетных движительных технологий.

Какие научные прорывы может принести новое освоение человечеством космоса к 2030 году?

Возможно — предпосылки существования жизни в системах планет-гигантов. В целом — лучшее

понимание глобальных особенностей биогенеза. Понимание макроструктуры пространства (пространства-времени?), новые адекватные модели мироустройства.

Какие новые прорывные продукты и услуги может дать космос человечеству в 2030 году?

Полная информация в реальном масштабе времени об окружающей среде и процессах в субметровом масштабе на носимые устройства («Вижу себя!»). Новые принципы космической навигации, основанные на естественных феноменах (квазары и т.п.). Решения по мониторингу и, возможно, отражению астероидно-кометной опасности. Экономическая модель эксплуатации космических ресурсов, включая солнечную энергию и материалы небесных тел (если такая модель окажется реализуемой — реализация моделей эксплуатации). Сверхскоростные суборбитальные трансконтинентальные перелеты и транспортировка.

Какое влияние перспективное освоение космоса может оказать на развитие общества и государств?

Стремительное сокращение «закрытых» для общества зон как в части личной жизни, так и в части деятельности государств и корпораций. Возможно — «гонка контроля» как с точки зрения наблюдения и мониторинга из космоса, так и с точки зрения размещения оружия «орбита — поверхность». Space divide как развитие digital divide — государство, неспособное контролировать территорию и ресурсы из космоса, становится второ- и третьестепенным.

Евгений КУЗНЕЦОВ

заместитель генерального директора РВК

Какие события или процессы, с вашей точки зрения, станут определяющими для освоения человечеством космоса к 2030 году?

Ключевые вызовы на сегодня — это:

- роботизированная космонавтика среднего космоса (практическое освоение астероидов и Луны, добыча ресурсов и т.п.);
- появление практической необходимости в роботосборке (или биотехнологии) конкретных девайсов/продуктов в невесомости;
- появление моделей двигателя для дальнего (полная солнечная система) и сверхдальнего (соседние системы) космоса.

Какие научные прорывы может принести новое освоение человечеством космоса к 2030 году?

Космонавтика уперлась в две фундаментальные проблемы — низкую осмысленность освоения за-околоземного пространства и отсутствие физических принципов, позволяющих всерьез рассуждать о сверхдальней космонавтике. Скрытой, но важной является проблема недоказанности способности человека физически существовать в отрыве от земли в за-околоземном пространстве долгое время (не только невесомость, но и отрыв от постоянной системы полей разной природы).

Первые успешные опыты в средней космонавтике (марсианская экспедиция, долгосрочная база на Луне) вскроют данный фундаментальный блок вопросов соотношения функциональных систем и мозга человека с общей комплексной системой Земля (разрушение циркадных ритмов — только мелкий пример). Вопрос балансировки этого поставит вопрос о существенно больших, чем рассматриваются ныне механизмах «поддержки» сознательной деятельности и функционирования биосистемы «человек», что позволит ближе подойти к проверке гипотезы о возможности автономного существования человека на иных, киберорганических или полностью машинных носителях.

Появление принципиальных основ двигателей дальнего космоса под большим вопросом, однако, вероятно, более-менее обоснованные модели могут появиться в ближайшие два десятилетия.

Какие новые, прорывные продукты и услуги может дать космос человечеству в 2030 году?

Традиционным неиспользуемым ресурсом космоса является возможность создания сверхвысокочистых материалов, сборка сложных структур, требующая нулевой гравитации. Это может стать востребованным при выходе компьютинга на квантовый уровень, вполне вероятно, что невесомость станет и требованием для их функционирования. Таким образом, сверхчистая роботосборка и функционирование сверхпроизводительных вычислительных систем могут стать востребованными.

Какое влияние перспективное освоение космоса может оказать на развитие общества и государств?

До появления методов сверхдальней космонавтики — никакого. За исключением попыток пересмотра принципов космического права в отношении астероидов (ресурсы) и Луны (то же). Структура общества начнет деформироваться только при появлении массово доступных средств доставки, выживания и передвижения, что позволит «сквоттить» космические объекты и создавать на них поселения, что пока представляется маловероятным и может появиться не ранее конца XXI века.

Антон ПЕРВУШИН

писатель-фантаст, популяризатор космоса

Какие события или процессы, с вашей точки зрения, станут определяющими для освоения человечеством космоса к 2030 году?

Скорее всего, окончательно сформируется новейшая стратегия космической экспансии, которую поддержат и «примут на вооружение» все космические державы. Связана эта стратегия будет с изучением и освоением малых тел Солнечной системы: сближающихся астероидов, метеороидов, комет и естественных спутников планет, включая Луну. Таким образом, определяющими событиями станут высадка космонавтов на один из сближающихся астероидов и размещение группы телеуправляемых

роботов поблизости от южного полюса Луны, на территории, где до середины века развернется обитаемая база. То государство, которое сумеет сделать эти проекты реальностью, получит явное стратегическое преимущество в ходе дальнейшей экспансии.

Какие научные прорывы может принести новое освоение человечеством космоса к 2030 году?

Разумеется, будут развиваться астрономия, планетология и астробиология. Благодаря космическим обсерваториям удастся обнаружить землеподобные планеты у ближайших звезд, снять спектры их атмосфер и таким способом понять, насколько они пригодны для жизни. Возможно, удастся зафиксировать и «космическое чудо», то есть аномалию, косвенно указывающую на деятельность инопланетного разума. Кроме того, будут доставлены новые образцы вещества с Луны, Марса и астероидов, что позволит ученым более уверенно рассуждать об эволюции соседних планет и всей Солнечной системы.

Какие новые, прорывные продукты и услуги может дать космос человечеству в 2030 году?

Поскольку для расширения космической экспансии сегодня прежде всего необходимо решить ряд ключевых медико-биологических проблем, то следует ожидать появления искусственной сбалансированной биосферы, которая будет способна в изолированном объеме обеспечить всем необходимым группу людей, используя при этом минимум ресурсов. А от такой

биосферы через ее киборгизацию всего полшага до создания управляемой среды обитания, которая может кардинально изменить типичный образ жизни людей, сделав их по-настоящему мобильными. Что касается услуг, то тут ожидается появление широкого спектра предложений по доступу к космической инфраструктуре для частных лиц: от продажи научных данных до космического туризма.

Какое влияние перспективное освоение космоса может оказать на развитие общества и государств?

Космонавтика сама по себе подразумевает глобальность в политике, экономике, культуре, но главное — в мышлении. Подобно тому как компьютеры многократно расширили наши возможности в работе с информацией, космонавтика обеспечит расширение наших возможностей в освоении пространства. Любые технологии, рожденные для использования в космосе, вполне могут быть применены на Земле при эксплуатации ресурсов отдаленных зон и извлечении восстанавливаемых ресурсов. Во многих случаях общество перестанет нуждаться в государстве, количество свобод возрастет, а национальная принадлежность потеряет значение. К середине века придет поколение людей, которые станут глобалистами в прямом смысле слова, а космонавтика будет для них столь же естественным делом, как использование сети Интернет. Те государства и общественные организации, которые раньше остальных «вложатся» в формирование идеологии такого поколения, смогут определять контуры будущего — на века вперед.

Что вы будете делать
послезавтра?

Журнал
«Конструирование будущего»

www.future-designing.org

Какими будут рынки, товары, услуги и социальные практики будущего. Как управлять будущим, создавая сценарии долгосрочного развития. Как ставить и решать проблемы послезавтрашнего дня. Будущее не выбирают, а конструируют. Это журнал для профессионалов, работающих в области долгосрочного сценарного прогнозирования. Будет интересно, но не просто.

/экспертное мнение
/экономика
/околоземное пространство

Сергей Буркатовский:

ЛИБО МЫ БУДЕМ ЛЕТАТЬ К ЛУНЕ И МАРСУ, ЛИБО БУДЕМ ВОЕВАТЬ

Сергей Борисович Буркатовский — писатель-фантаст, геймдизайнер, генеральный продюсер компании Wargaming.net. В его активах – фантастические романы «Вчера будет война» и «Война 2020. Первая космическая», участие в разработке знаменитых игр «World of Tanks», «World of Warplanes», «World of Warships» и их ответвлений, а с конца 2014 года еще и космический стартап. Сергей Буркатовский и его коллеги из Wargaming.net выступили инвесторами проекта компании «Лин Индастриал» по созданию сверхлегкой ракеты-носителя «Таймыр». В интервью журналу «Если» Сергей Буркатовский прокомментировал свой интерес и свои планы в области коммерческого космоса.

Беседовал
Артем ЖЕЛТОВ

Российская компания «Лин Индастриал» разрабатывает проект модульной сверхлегкой ракеты-носителя «Таймыр». Семейство ракет-носителей «Таймыр» состоит из трех ракет разной грузоподъемности, отличающихся числом унифицированных блоков нижней ступени. В системе управления ракеты применяется электроника коммерческого класса; компоненты топлива — перекись водорода и керосин. Ракета использует мобильный стартовый комплекс и сможет доставлять в космос спутники массой от 9 до 135 кг.

Ваш космический стартап — это бизнес или развлечение?

Надеюсь, что бизнес. То есть я уверен, что на космосе можно и нужно зарабатывать, потому что без экономической основы планомерное продвижение в космос невозможно. Другое дело, что уровень риска в этой области весьма высокий. На одного Элана Маска можно найти кучу народа, теряющего деньги. Соответственно, то, что вложения рискованные, я прекрасно понимаю. Но это именно вложения, а не благотворительность.

Сергей Буркатовский. **«Война 2020. Первая космическая»***

— … Значит, задачу надо ставить так, чтобы все основные элементы можно было в коммерции применить.

— И как? Какие элементы? (…)

— Тяжелую ракету, например. Для вывода больших спутников на геостационар. Понимаешь, сейчас кризис. В ближайшие лет пять рынок ужмется почти в ноль. Но потом-то всем, причем почти одновременно, понадобится и менять, и расширять группировку. И если мы будем вкладываться с таким расчетом, чтобы вся… или почти вся техника была двойного назначения, с возможностью коммерческого использования, — тогда на этом обновлении и отобьемся.

* М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Какова долгосрочная цель вашего космического стартапа? Чего вы хотите достичь к 2025–2030 годам?

Полететь на Марс, конечно. Шутка. Реально — к 2025 году хотелось бы помимо сверхмалого носителя иметь находящийся в эксплуатации носитель грузоподъемностью в 100–150 кг на полярной орбите и готовить к пуску носитель с выводимой массой порядка тонны. А к 2030 году — соответственно, ввести его в эксплуатацию и готовить 10-тонную машину.

Что стало основанием для вашего космического проекта? Рыночная ситуация? Прогнозы футурологов? Научная фантастика? Или что-то еще?

Все в комплексе. И экономические прикидки, и технические расчеты, и, конечно, интерес к теме. Все в комплексе, как и положено. Комплексные решения — самые лучшие.

По словам генерального конструктора «Лин Индастриал» Александра Ильина, консалтинговые агентства оценивают объем мирового рынка малых космических аппаратов до 2020 года более чем в 2 млрд долларов. Компания «Лин Индастриал» с ракетой «Таймыр» рассчитывает занять 30% этого рынка. С запуском ракеты-носителя второго этапа грузоподъемностью 100–150 кг «Лин Индастриал» рассчитывает на три ежегодных пуска «Таймыра» с чистой прибылью $1–1,5 млн от каждого старта. В дальнейшем при необходимости компания сможет выпускать по ракете в неделю*.

* Создатель «World of Tanks» может вложить несколько миллионов рублей в российскую ракету. ТАСС. http://tass.ru/kosmos/1633932

Как вы полагаете, другие компании, занимающиеся коммерческими проектами освоения космоса,— ваши конкуренты? Что значимого, полезного или интересного можно почерпнуть из их опыта?

Ну пока мы им не конкуренты. Пока. Да и в секторе сверхмалых носителей рыночная ниша пока пустует. Большинство наноспутников выводится либо попутными пусками, либо столь экзотическими способами, как запуск с борта МКС при выходе в открытый космос. При этом время ожидания пуска составляет до двух лет. Именно оперативность в пуске малых грузов мы и собираемся предложить рынку.

Как бизнесмен, какой вы видите картину освоения космоса к 2030 году? А как писатель-фантаст?

Как бизнесмен — устойчивый поток грузов на орбиту по приемлемым для массового вывода ценам. Как фантаст… Ну либо мы будем летать к Луне и Марсу, либо будем воевать. Есть еще вариант: «прилетят инопланетяне и подарят нам гравицаппу», а может, не подарят, а, наоборот, отберут и загонят нас в каменный век. Или эвакуируют выживших после войны. В общем, с точки зрения фантастики сценарии — на любой вкус.

Гравица́ппа — фантастическое устройство, изобретенное в кинофильме «Кин-дза-дза!» и позволяющее космическому кораблю совершать практически мгновенные перемещения в пространстве.

Какие компьютерные игры, по-вашему, отражают наступающий этап освоения космоса? «Eve Online»? «Космические рейнджеры»? «Space Engineers»? Какой могла бы быть такая игра?

«Kerbal Space Program». Настоятельно рекомендую. В игре присутствует несколько режимов, в том числе управление построенным кораблем в полете, исследовательский режим (проведение научных исследований и экспериментов в космосе) и режим карьеры (выполнение коммерческих контрактов для получения средств на дальнейшее развитие космической программы).

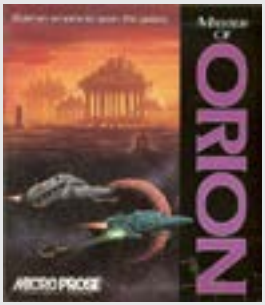
Ожидать ли в будущем «World of Spaceships»?

Зачем «World of…»? Мы (компания Wargaming.net. — *Ред.*) купили один из наших коллективно любимых тайтлов — «Master of Orion». Сразу говорю — это не анонс, это просто констатация известного факта.

В игре «Kerbal Space Program» игрок создает космическую программу для жителей планеты Кербал. Необходимо создать и построить ракету, способную доставить экипаж в космос. Для успешной космической миссии игроку необходимо собрать из многочисленных комплектующих работоспособную ракету-носитель, разместить на ней необходимое оборудование, а также осуществить пилотирование корабля в полете.

«Master of Orion» — культовая компьютерная игра в жанре пошаговой космической стратегии, выпущена в 1993 году. Цель игры — получить контроль над галактикой путем колонизации планет, войны и дипломатических отношений с другими цивилизациями, каждая из которых имеет свои особые способности. Писатель-фантаст Сергей Лукьяненко использовал некоторые детали галактики «Master of Orion» в своих произведениях «Линия грез», «Императоры иллюзий» и «Тени снов».

Сергей Лукьяненко. **«История болезни, или Игры, которые играют в Людей»:**

«Игра была проста и незамысловата, как все гениальное. На фоне современных ярких и умных игровых монстров она смотрится бесхитростным сельским дурачком. Галактика — много-много точечек-звезд. Есть человеческая империя. Есть инопланетные расы. Между точками-звездами летают точки-корабли. Как водится, догоняют друг друга, стреляют из разнообразного оружия и пытаются извести собратьев по разуму под корень.

<…>

Нет, меня, конечно, не интриговал танец цветных точек на экране. Разноцветные лучи смерти тоже недолго тешили взор. Увеличение производительности труда на подвластных планетах никак не отражалось на моем личном благосостоянии. Двигая корабли через галактику, я в общем-то и не думал о игре. Я в ней жил»*.

* *Лукьяненко С.* История болезни, или Игры, которые играют в Людей// С. Лукьяненко. Проводник отсюда. М.: АСТ; Транзит-книга, 2005.

КУРСОР

ДВА «МАРСИАНИНА»

В то время как все прогрессивное человечество ждет ноябрьской премьеры масштабной космической робинзонады «Марсианин», которую по мотивам одноименного популярного романа Энди Вейера (о романе см. на стр. 183) поставил знаменитый Ридли Скотт («Чужой», «Бегущий по лезвию»), в России назревает премьера собственного посконного «Марсианина». Это не плагиат и не эксперимент в духе поделок печально известной компании Asylum, ведь съемки начались еще в 2012 году, однако фильм до сих пор не добрался до зрителя. И хотя картина не имеет никакого отношения к роману Вейера — это тоже космическая робинзонада. По сюжету происходят загадочные события, которые во время первого марсианского полета приводят к крушению корабля. Капитан остается один на Марсе... Поставил картину молодой режиссер Михаил Расходников, актерский же состав впечатляющий: Александр Куликов, Андрей Смоляков, Юрий Цурило, Григорий Сиятвинда, Максим Виторган и др.

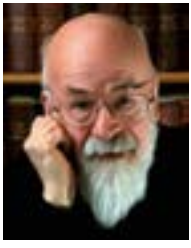
Рулевой киносаги «Люди Икс». Брайан Сингер нацелился на экранизацию одного из лучших романов Роберта Хайнлайна — «Луна — суровая хозяйка» (на русском языке также выходил под названием «Луна жестко стелет»). Напомним, что по сюжету книги колонисты на Луне восстают против владычества Земли и при помощи гениального компьютера побеждают. Сценарий готовит Марк Гуггенхайм («Зеленый фонарь», «Перси Джексон и море чудовищ»), предварительная дата премьеры — 2017 год.

Передачу солнечной энергии из космоса на Землю мечтают осуществить не только фантасты, а еще и ученые из Японского агентства аэрокосмических исследований (JAXA). Исследователи уже сделали первый шаг — сумели передать при помощи микроволн 1,8 киловатта энергии по воздуху без проводов на расстояние 55 метров. Этого достаточно, чтобы вскипятить электрический чайник. Окончательная цель проекта — огромные геостационарные спутни-

ки-передатчики с солнечными панелями и антенной, отправляющие на поверхность планеты гигаватты энергии, — может быть достигнута, по мнению разработчиков, к сороковым годам нашего столетия.

Вселенная «Звездных войн» продолжает расширяться на радость поклонникам прославленной космической саги двух столетий. Компания Disney определилась с режиссером и датой премьеры (но не названием) «Эпизода VIII»: Райан Джонсон («Петля времени») поставит картину, премьера состоится ровно через 40 лет и один день с момента выхода «Новой надежды» — 26 мая 2017 года. И еще один подарок фанатам — начались съемки полнометражного спин-офф саги — «Звездные войны: Изгой» (Star Wars: Rogue One). По сценарию Криса Вайса фильм ставит Гарет Эдвардс («Годзилла»), а главную роль исполнит Фелисити Джонс. По просочившимся слухам, сюжет будет посвящен наемникам, планирующим украсть чертежи первой Звезды Смерти.

IN MEMORIAM

12 марта после восьмилетней борьбы со смертельной болезнью Альцгеймера скончался выдающийся английский писатель сэр Терри Пратчетт. Первый роман — «Люди ковра» — он написал в возрасте 20 лет. В 30 лет он бросает журналистику, в 35 пишет первый роман сверхпопулярного цикла «Плоский мир». Цикл снискал бешеную популярность во всем мире, несколько романов были экранизированы, выходили по ним и игры, и комиксы. Кроме «Плоского мира» Пратчетт создал еще немало циклов (цикл о номах, о Джонни Максвелле и др.) и несколько внесерийных романов. «Если» подробно рассказывал почти обо всех работах писателя, а в 2007 году во время визита в Россию Пратчетт дал журналу эксклюзивное интервью.

Терри Пратчетт — лауреат множества премий, включая медаль Карнеги, Всемирную премию фэнтези, «Локус», премию «Небьюла», Британскую премию фэнтези. В 1998 году он был награжден орденом Британской империи, а в 2009-м посвящен королевой Елизаветой в рыцари. Его книги переведены на 37 языков и разошлись тиражом более 85 миллионов экземпляров по всему миру.

Мастер образа

ЯНА АШМАРИНА

Яна Ашмарина — один из лучших книжных графиков конца XX — начала XXI века. Ее абсолютным пространством стали фантастические книги. Книг, оформленных Яной Ашмариной, хранится по читательским библиотекам более ста: невероятные истории Андрея Лазарчука, Андрея Столярова, Роберта Джордана, Вивиан Ванде Велде, Далии Трускиновской, Сергея Иванова, Анджея Сапковского, Ричарда Кнаака и многих других замечательных писателей.

Своими учителями она называла Поля Гюстава Доре, Альбрехта Дюрера, Кацушику Хокусая и Евгению Стерлигову.

Увлечение художника ирландскими сказками и мифами подарило нам более двух сотен работ по произведениям Джона Р. Р. Толкина, Роджера Желязны и Орлы Меллинг. Благодаря уже ставшей классикой фантастике второй половины XX века обрели визуальное представление технологические миры братьев Стругацких, Урсулы Ле Гуин и Уильяма Гибсона.

Но самый удивительный сплав фэнтези и научной фантастики возник в грандиозном японском цикле Яны Ашмариной. Работы, выполненные в сложнейшей смешанной технике, обрели цвет и текст в литературном проекте «Падшие ангелы». Проект остался незавершенным, но то, что она успела сделать, поражает воображение. И есть надежда, что «Падшие ангелы» будут изданы и найдут своих читателей. Тех людей, кто по достоинству оценят красоту нового рождающегося мира.

Тут мои философские размышления были прерваны. Пиво попало Питу в нос, и он чихнул.
— Gesundheit, — сказал я. — И не старайся вылакать все блюдце в один присест.
Пит не обратил внимания на мои слова. В общем и целом он лучше меня умел вести себя за столом — и знал об этом.

Роберт Хайнлайн. Дверь в лето

Роджер Желязны. Принц Хаоса

Аркадий и Борис Стругацкие.
Трудно быть богом

Константин Тараноки.
Из цикла «Падшие ангелы»: «Книга перемен»

Константин Тараноки.
Из цикла «Падшие ангелы»: «Axt Dei»

Сергей Лукьяненко

Маленькое космическое путешествие

Энтони Гири, капитан космического корабля «Марсианин», появился в рубке одновременно с тихим зуммером наручного коммуникатора как раз в тот момент, когда второй пилот Робин Райт уже перестала рыдать. Гравитации в корабле, можно сказать, не было — легкая закрутка вокруг оси использовалась в основном, чтобы мусор не летал в воздухе. Поэтому Робин Райт сидела, пристегнувшись, в кресле пилота, а корабельный врач и биолог Хелен Вагнер висела в воздухе рядом, лицом к лицу с ней. При появлении Энтони доктор неодобрительно посмотрела на капитана, но смолчала.

— Что случилось, Робин? — спросил Энтони после секундного раздумья. Можно было, конечно, сделать вид, что он ничего не заметил, но выглядеть сосредоточенным лишь на космическом полете сухарем Энтони надоело.

— Надо же, заметил,— фыркнула Хелен.

— Ничего… ничего страшного, капитан,— Робин вытерла глаза платком.— Я не расстроена, нет-нет. Я просто в шоке.

Энтони терпеливо ждал. Он знал, что у него в такие моменты очень собранное, доверительное лицо. И, к его стыду, ему это нравилось. Капитан Гири непроизвольно покосился на камеру внутреннего наблюдения, фиксирующую все происходящее в рубке.

— Капитан… Я стала матерью! — выкрикнула Робин, одновременно с надрывом — и с гордостью.

— Как? — капитан вздрогнул.

— Так же как Андрей!

Энтони почувствовал, как на лбу у него выступает пот. Конечно, его учили, как справляться с космическим психозом — десять месяцев полета к Марсу, год на Красной планете, еще год обратного пути… психологи допускали, что кто-то из членов экипажа окажется психически неустойчив. Его гораздо больше смущало то, что Хелен выглядела абсолютно

спокойной, будто верила Робин. А если психоз поразил еще и врача их маленького экипажа…

— Робин,— сказал Энтони.— Робин, сын Андрея родился на Земле. Его жена забеременела за неделю до нашего старта. Но Андрей мужчина. А ты — женщина.

— И что? — возмутилась Робин.

— Это сексизм, капитан,— неодобрительно сказала Хелен.

— Я не сексист! — возмутился Энтони.— Но ведь рожают женщины! Это факт, простите! Жена Андрея могла родить. Твой муж, Робин, родить не мог!

— Сексист,— вздохнула Хелен.

Робин еще раз промокнула глаза, вздохнула и уже спокойнее объяснила:

— Я сдавала яйцеклетки перед полетом. На всякий случай. Оказывается, Джон решил сделать мне сюрприз. Он оплатил суррогатную мать, какую-то Марийку из Восточной Европы, чтобы та выносила нашего ребенка. Сегодня у меня родилась дочь.

— А,— сказал капитан.— А… Ну да…

— Вот видите, капитан,— укоризненно сказала Хелен.— Вам даже в голову не пришла такая простая и естественная мысль! Это сексизм.

— Я поразился, что Джон не предупредил Робин,— попытался выкрутиться Энтони.— Я и подумать не мог, что такой ответственный шаг возможен без ее согласия.

— Да, это возмутительно,— согласилась Хелен.— Я предложила нашей милой Робин подать на мужа в суд и отобрать ребенка.

— Все-таки я потерплю до конца полета,— всхлипнула Робин, поколебавшись.— Я понимаю, что в приемной семье нашей крошке будет лучше дожидаться моего возвращения, но…

На руке у капитана вновь пискнул коммуникатор, и он с облегчением сказал:

— Я вас покину. Мои поздравления с рождением дочери, Робин.

Энтони поспешно ретировался, краем уха услышав слова Хелен:

— Знаешь, дорогая, мы могли бы воспитывать девочку вместе… когда вернемся…

Проплыв по центральному коридору, заглянув по пути в оранжерею и научный модуль, капитан вплыл в двигательный отсек. Андрей Леонов, специалист по ядерной двигательной установке корабля, копался во вскрытом модуле управления. Рядом плавал в воздухе его планшет. При появлении начальства Андрей сделал маленький глоток из фляжки и спрятал ее в карман полетного комбинезона — почти незаметно для Гири, но внутренняя камера наверняка зафиксировала это движение очень четко.

— Ты опять пьешь водку, Андрей? — неодобрительно спросил капитан.

— Где я возьму водку, Антон? — ответил Андрей со своим ужасным русским акцентом.— У меня осталось всего две бутылки — на день посадки на Марсе и на тот случай, если найдем марсиан… Это чистый спирт из системы охлаждения реактора. Очень полезно, когда имеешь дело с радиацией.

— А что, если ты выпьешь весь спирт?

Андрей пренебрежительно отмахнулся:

— Брось, капитан! Систему охлаждения реактора тоже делали русские. Количество спирта в ней рассчитано на умеренное потребление.

Энтони вздохнул. Спорить было бесполезно. Андрей пил. Русский пил постоянно, с первого дня старта. Он был груб, он пил водку, он чинил сложные механизмы пинками или ударами кувалды.

Это всем нравилось.

— Ты уже слышал про Робин? — поинтересовался он.

— Вот же умора,— усмехнулся Андрей. И добавил по-русски: — Иван родил девчонку, велел тащить пеленку.

— Джон,— поправил Энтони.— Ее мужа зовут Джон. И при чем тут пеленка?

— Не парься! — махнул рукой Андрей.— Сами разберутся. У нас в России не принято лезть в чужие семейные свары. Ты лучше сюда посмотри.

Капитан подплыл к Андрею и заглянул в нутро модуля управления. Как и все члены экипажа, даже врач и геолог, он обладал базовыми инженерными знаниями.

Результат осмотра ему очень не понравился.

— Кажется, у нас перегорел… перегорел…

— Перегорела вот эта хреновина,— сказал Андрей.— Вообще-то это импульсный модулятор. Но проще говорить «хреновина».

— У нас есть запасная… запасной модулятор?

— Нет,— ответил русский.— Считалось, что он не может сломаться. Включить двигатели на торможение у нас теперь не получится.

Энтони подумал и спросил:

— Ты сможешь починить?

— Я попробую,— ответил Андрей.— Завтра станет ясно, получится или нет.

Капитан успокоился. Если его энергетик так говорит, значит, все получится. На всякий случай он все же спросил:

— А в чем причина поломки?

— Это долгая и печальная история, Антон,— ответил Андрей.— Но я расскажу ее… вкратце…

Он потянулся к своему планшету, что-то включил. Заиграла тоскливая русская песня. В ней речитативом рассказывалось о мужчине, который искал свою любимую и спрашивал о ее месторасположении деревья, времена года, погодные явления и астрономические объекты. Энтони смутно припомнил, что

в пройденном перед полетом экспресс-курсе русской культуры он читал поэму главного русского поэта африканского происхождения, Александра Пушкина. Там были другие слова, но герой тоже пытался найти невесту путем опроса небесных тел и природных явлений. Видимо, какая-то старинная русская традиция.

Под эту печальную песню Андрей и начал свой рассказ.

— Нас было двое в семье. Близнецы — частое явление в России, это связано с особенностями нашего климата и питания. Также близнецов часто привлекают к космическим программам, поскольку мы хорошо дублируем друг друга. Так вот, мой родной брат не полетел на Марс, он остался работать на заводе. Так пал жребий! Понятно, что он был ужасно огорчен, он даже не пришел проводить меня на старт. Именно мой брат Борис собирал этот модуль. И тот отказал сегодня, в день моего… нашего рождения. Ты думаешь, это случайно?

— Ты хочешь сказать…— растерянно произнес Энтони.

— Да, капитан. Мой брат позавидовал мне, потому что я, единственный из всех русских, лечу в первую экспедицию на Марс. И он подстроил все так, чтобы важная деталь сломалась именно сегодня.

— Это чудовищно. Я не верю, что твой брат мог так поступить!

— А я убежден,— твердо сказал Андрей.— На его месте я сделал бы то же самое.… Хорошо, капитан. Не беспокойтесь. Я попробую починить эту хреновину.

В задумчивости капитан выплыл из отсека. Конечно, он все понимал. Близится конец года, в эти дни события имеют тенденцию нестись галопом. Но уж как-то слишком много всего… ребенок Робин, брат Андрея…

— Капитан?

Судя по расстроенному лицу Амами Юки, их компьютерного гения, неприятности на «Марсианине» еще не закончились.

— Что-то с главным процессором? — спросил капитан наугад.

— Нет, капитан. Позвольте пригласить вас к себе, капитан. Я прошу уделить мне три минуты вашего драгоценного времени, капитан,— тихо сказала Амами.

Бросив быстрый взгляд на часы, капитан вплыл вслед за Амами в компьютерный отсек, заполненный светящимися экранами, мигающими лампочками, крутящимися штуковинами непонятного назначения. Предупредил:

— У нас осталось очень мало времени, Амами.

— Я знаю, капитан. Три минуты,— Амами кивнула.

«Она признается мне в любви!» — с ужасом подумал Энтони. «Точно. Она признается мне в любви. Больше некому. Вагнер любит Райт. Леонов любит только водку и механизмы. Пьер месяц назад принял целибат. Джошуа безумно любит свою молодую жену, оставшуюся на Земле».

— Капитан, я зафиксировала сигналы неизвестного происхождения,— сказала Амами.— Мне кажется, они идут с Марса!

Энтони выдохнул.

— С Марса? Ты уверена? Может быть, это какой-то наш исследовательский зонд?

Амами сделала странное движение головой, будто кивала и качала ею одновременно.

— Да, с Марса. Это совершенно точно не наш зонд. Странные сигналы. Ту-ут, ту-ут, ту-ут,— тихонько напела она.

— Будем разбираться,— кивнул Энтони.— Это очень, очень ценная информация, Амами! Спасибо.

Он поплыл к люку.

— А еще я вас люблю, капитан,— прошептала ему вслед Амами.— Но не решаюсь сказать об этом.

Энтони сделал вид, что не услышал. Выплыл в центральный коридор, стараясь сохранить то грубовато-мужественное

лицо, за которое его порой обзывали то капитаном Пайком, то капитаном Кирком.

И в этот момент таймер снова пискнул, отмеряя окончание ежедневных двадцати двух минут ужаса и позора.

Энтони поднес к губам коммуникатор и произнес:

— Экипажу! Все свободны, спасибо. Попрошу собраться в кают-компании через пятнадцать минут для сеанса связи с Землей.

В кают-компании царило веселье.

— И тут я говорю: «Вы сексист, капитан!» — с хохотом произнесла Хелен, сидевшая в обнимку с Джошуа. — А у капитана в глазах — полнейшее непонима… Ой, извини, Энтони!

Капитан миновал комингс люка и махнул рукой.

— Ничего. Это было… Это было очень свежо. Неожиданно и свежо. Робин, скажи, это не чересчур? Ведь надо будет как-то поддерживать…

— Не беспокойтесь, про дочь — это правда,— засмеялась Робин.— Ну сами посудите, когда я вернусь, мне будет под пятьдесят. И еще все эти космические лучи… Мы с мужем так и договорились заранее. Под Рождество, когда будет самое критическое время полета…

Энтони понимающе кивнул и признался:

— У меня тоже есть несколько заготовок. Я собирался сегодня рассказать вам… Но вы и сами справились.

В этот момент засветился экран дальней космической связи. Пробежали знакомые титры: NASA & Prairie-wolf TV.

Потом появилось лицо генерального продюсера. Где-то за ним, в глубине кабинета маячили бледные лица руководителя полета и генерального конструктора «Марсианина». Они всегда принимали близко к сердцу истории о неполадках на борту корабля. Генпродюсер порой шутил: «Вы моя лучшая целевая группа — реагируете точь-в-точь как средняя домохозяйка!»

Но им, конечно, слова пока не давали.

— Неплохо, неплохо,— сказал генеральный продюсер. Из его уст это была настоящая похвала.— Очень хороший ход с рождением дочери. Признаться, вы даже меня на мгновение удивили. Сломавшийся прибор — более банально, я помню, у нас такое уже было три месяца назад…

— Вот только тогда это было по-настоящему,— мрачно сказал Андрей, потягивая из пакета молочный коктейль.

— … но с братом — с братом вышло хорошо! Как говорил ваш Станиславский? Верю! Суровый брат из суровой России шлет смертельный привет в космос!

— Как жаль, что у меня нет брата,— пробормотал Андрей.

Его, конечно же, не услышали. До Земли было почти двенадцать световых минут.

— Ну и с сигналами с Марса — неплохо,— закончил продюсер.— Прошу вас только не скатываться в эту, как ее, фантастику. Не надо марсиан! Нужен лишь намек на них! Нужно ощущение тайны! Понимаете?

Он покрутил пальцами в воздухе.

— Но в целом — хорошо. Когда мы решили добавить в ваше реалити-шоу чуть больше мыла — многие сомневались. Но я настоял на своем решении! И рейтинг сразу пошел вверх. Нас снова смотрит весь мир! Людям плевать на этот Марс, на космос, на все ваши приборы… простите уж за откровенность. А вот настоящие, живые человеческие отношения… Страсти! Любовь и ненависть! Именно это, подлинное и настоящее, позволило сделать рентабельным ваш полет, ваше маленькое космическое путешествие. Настоящие чувства — вот наш девиз! Лишь они имеют значение! Отдыхайте, друзья мои. До завтра!

Экран погас. Руководителю полета сегодня опять так и не дали слова: межпланетная связь дорога.

— А с сигналом что делать? — тихо прошептала Амами на ухо капитану.

— Каким сигналом? — рассеянно спросил Энтони.

— С Марса. Ту-ут, ту-ут, ту-ут…

Энтони подумал мгновение, глядя на пьющего молоко Андрея и флиртующую с Джошуа Хелен.

— Сотри от греха подальше,— сказал он.— Я думаю, ты ошиблась. Это не с Марса, а, например, с Венеры. Очень венерианский звук: ту-ут, ту-ут.

— Хорошо,— пообещала Амами.— Сотру.

И игриво куснула капитана за мочку уха.

ЛУКЬЯНЕНКО Сергей Васильевич

(род. в 1968 г., Каратау, Казахстан).
Закончил Алма-Атинский мединститут по специальности «психиатр». В 1988 г. опубликовал первый фантастический рассказ «Нарушение» в журнале «Заря» (Алма-Ата). Работал журналистом, редактором. С 1994 г. занимается только литературным трудом, в 1997 г. переехал в Москву. Наиболее известные произведения: «Рыцари Сорока Островов» (1992), трилогия «Лорд с планеты Земля» (1995), дилогии «Императоры иллюзий» (1997), «Лабиринт отражений» (1997–1999), «Искатели небес» (1998, 2000), «Звезды — холодные игрушки» (1997–1998), романы «Геном» (1999), «Спектр» (2002), трилогия о Дозорах (1998–2004), «Черновик» (2005), «Чистовик» (2007), дилогия «Недотепа»/«Непоседа» (2009–2010). На страницах «Если» Лукьяненко печатался более 30 раз. В разные годы становился лауреатом почти всех НФ-премий. В 2003 г. на «Евроконе» удостоен звания «Лучший писатель Европы». Кинодилогия «Ночной дозор» — «Дневной дозор» принесла Лукьяненко международное признание.

Александр Громов

Пудреница

Впоследствии кое-кто из больших шишек намекнул мне, будто то, что находится у людей в голове, микоиды не считают разумом. Очень может быть. По правде говоря, мне наплевать. Эта проблема не моя и никогда не была моей.

Гораздо полезнее оказалось то, что они, как выяснилось, знакомы с комплексом неполноценности. И выяснилось это, между прочим, благодаря мне. Сама себя не похвалишь — никто не похвалит. С чего бы человечеству хвалить меня, если оно не в курсе?

Только не думайте, будто я сейчас выложу все, что вам хочется знать. Мне, может, тоже хочется, но знаю я немногое, как мне и положено. С меня, правда, пытались взять подписку о неразглашении и этого немногого, но я им устроила такой концерт, что от меня в конце концов отвязались. Высказала им все, что о них думаю, плюс кое-что из того, что подумала бы, будь я более мужественной женщиной. И потом, все равно кое-что просочилось в СМИ, так что чего уж тут секретничать. Вы ведь слыхали о микоидах?

Зато о том, что это я, именно я, а не кто-нибудь, спасла Землю, вы наверняка ничего не знаете. Есть ли в этом хоть какая-нибудь справедливость? По-моему, ни малейшей. Только не подумайте, что я намереваюсь похвастаться: хвастовство и искоренение несправедливости — разные вещи.

Ну, слушайте. Начну с самого начала.

1

Знаете, какое самое выпуклое свойство моего мужа?

Он очень быстро ездит.

Понятно, не в прямом смысле — тут он довольно аккуратен, и квитанции на оплату штрафов приходят нам не каждый день, а от случая к случаю. Я говорю о том, как мой муж движется к цели.

Это реактивный снаряд, а не человек. Это тяжелый снаряд, который пробьет на пути любое препятствие.

Но перед этим он очень долго запрягает. Так долго, что у меня порой иссякает терпение. Это у меня-то с моим ангельским характером!

А еще мой муж — ходячая энциклопедия и малость зануда. Иногда даже не малость. «Запрягая», он изучает вопрос до тонкостей и невозможно долго прикидывает, стоит ли дело того, чтобы в него ввязываться. А перед этим еще думает, стоит ли вообще изучать этот вопрос. Никогда еще он не ввязывался в дело, о котором он или я потом пожалели бы. Но все равно мне порой хочется его пристукнуть.

Короче, я сама не знаю, повезло мне с мужем или нет.

Большие деньги ему не нужны. Мне, положим, тоже, и я разделяю его мнение: денег нужно ровно столько, чтобы о них не думать. Не больше, но и ни в коем случае не меньше. Вся проблема в том, что их почему-то никогда не бывает больше, чем нужно. Вот меньше — сколько угодно!

Мой дорогой и любимый говорит, что это только моя проблема. Я так не думаю. В конце концов, кто из нас мужчина — он или я? Кто должен заботиться о том, чтобы подруги жены зеленели от зависти? Как я могу хвастаться мужем, если у меня и косметика дешевая, и одежда от второсортных модельеров, и машина позапрошлогодней модели? Они, конечно, дуры, но такие вещи ловят влет.

Природа тоже дура. Был бы мой нежно любимый тяжелый снаряд управляемым (мною) тяжелым снарядом, ничего лучшего нельзя было бы и желать. Но таких чудес природа не производит. И если мне не удается внушить моему благоверному полезную мысль с наскока, то приходится прибегать к правильной осаде.

Капать ему на мозги, проще говоря. Из месяца в месяц, из года в год. Он ведь еще и молчит, когда запрягает. Может, уже почти запряг, а я и не знаю.

Злюсь, естественно.

Мы поженились через год после того, как на Бобовый Стебель стали пускать экскурсантов,— и мой драгоценный целый год думал, прежде чем купил туда две путевки! А там очередь на год — всякому ведь интересно прокатиться на космическом лифте. Ну что стоило мужу заказать путевки сразу, а не по окончании раздумий! Так что ждать мне пришлось два года.

Побывали на Станции, добрались до самого Противовеса. Красива Земля со стороны, ничего не скажешь. И звезды, если смотреть на них из космоса, ну чисто бриллианты! Мне даже невесомость понравилась. Так что когда на Противовесе построили парковку для малых космических судов, я возьми и скажи будто невзначай:

— Милый, а не купить ли нам космическую яхту?

Само собой разумеется, он принялся отшучиваться, но я-то вижу: задумался. Хороший признак. Мне только и надо было, что ежедневно давить на моего родного и любимого, чтобы думать не переставал, и строить вслух планы предстоящих путешествий. Переборщить с этим делом нельзя. Ну, выйдет из себя, покричит, а потом сам же придет мириться. Никогда не признавайте своей неправоты! Если проявить достаточную стойкость, всегда можно убедить мужчину в том, что он сам же и виноват.

Пять лет! Пять лет я расписывала ему, какую яхту мне хочется: небольшую, но с удобствами и со всеми наворотами насчет безопасности. Трехмесячного срока автономности вполне хватит. В плотные атмосферы соваться не надо, но чтобы была возможна посадка на Марс, не говоря уже о Луне и мелких планетоидах. Конечно, яхта обязательно должна иметь элегантные обводы и быть красного цвета.

Муж только глаза выпучил.

— Почему красного?

— Ну не зеленого же! Какого цвета у меня любимые сапожки, ну-ка вспоминай!

— Неужели красные?

— Представь себе. Одно должно гармонировать с другим. Ты ведь не хочешь, чтобы твою жену обвинили в отсутствии вкуса?

Он сказал, чтобы я не трепала попусту его нервы. Вот всегда так. Я-то знала: он изучает вопрос со всей тщательностью, а молчит просто потому, что привычка такая. И нет ему дела до того, что меня эта привычка бесит! Он этого просто не понимает. Мужчины вообще ограниченные существа.

Хорошо, если он в конце концов придет к положительному решению, — а если к отрицательному? Взвесил, мол, и фиг тебе с маслом, любимая, а не красненькая под цвет сапожек яхта?

А когда на рынке появилась яхта-тренажер «Молния», я сразу поняла: вот мой шанс. Не знаю, как там сделано технически, но смысл простой: возле центрального пульта стоят два тренажера, крутишь педали велоэргометра или изображаешь, что гребешь на академической лодке, — и автоматика добавляет тяги, яхта летит быстрее. Если бездельничаешь — маршевый двигатель работает на десять процентов от номинальной мощности. Так что хочешь набрать скорость или, наоборот, затормозить, — работай руками-ногами, сгоняй вес. Путешествие получается вроде турпохода по всяким там горам, долам и рекам — сразу две пользы.

Пришлось пойти на жертвы, налечь на жирное и мучное. Спустя месяц я перестала влезать в любимые платья, взвесилась на глазах у мужа, измерила талию и заявила, что он меня не любит, раз не хочет купить «Молнию». Красненькую, разумеется.

Гляжу — задумался. Всерьез так. Очень хороший признак. То ли развестись со мною решил, то ли поставил себе цель и запрягает вовсю.

Сам этой темы не касается, но больше работать начал. По вечерам стал задерживаться, работу на дом брать. А через год спрашивает будто невзначай:

— Значит, красненькую яхту?

— Ага,— отвечаю.

— Под цвет сапожек? А сапожки сменить не проще?

— Чего ради? Эти — мои лучшие.

— Может, все-таки зеленую?

— Это под цвет чего?

— Под цвет моего лица.

Нет, я не спорю — с этими дополнительными приработками он и впрямь стал хуже выглядеть. Но раз острит, значит, не все так плохо.

Прошло еще время, и ура — купил он яхту «Молния». Хоть и прошлого года выпуска, хоть и в минимальной комплектации, хоть и в кредит, но ведь купил! И не подержанную! И красненькую! Умничка мой, лапочка! И жену любит, и правильно понимает: ну чего стоит жизнь, если мечты в ней не сбываются? Тут же и предъявил мне свое свеженькое удостоверение пилота-любителя — оказывается, находил время заниматься на курсах. А мне? Я чуть не обиделась: а мне?! Впрочем, ладно: выкрою время — сама выучусь на пилота малотоннажных яхт.

А пока купила поясок, тоже красненький. Для общей гармонии.

Одно плохо: не посмотреть на нашу красавицу прямо сейчас, не полюбоваться, педали не повертеть. «Молнии» нечего делать на Земле, и прямо от дилера ее перегнали на Противовес, где муж арендовал парковочный шлюз.

Ах, как я ждала уик-энда, чтобы опробовать нашу малышку! Теперь не то что раньше: на Бобовом Стебле пустили еще три линии и увеличили скорость снующих туда-сюда капсул, так что очереди исчезли. Вполне можно за два дня смотаться до Противовеса, провести там час-другой и вернуться обратно.

Мы так и сделали. Путешествие по Стеблю в скоростной капсуле нельзя отнести к числу самых больших удовольствий, доступных человеку, а у моего мужа вдобавок не такой хороший вестибулярный аппарат, как у меня, так что на Противовесе меня посетила мысль: может, и впрямь надо было покупать зеленую яхту? Под цвет лица некоторых так называемых пилотов.

Ко всему прочему он еще и стукнул нашу малышку, когда заводил ее в шлюз! Иногда у меня на мужа зла не хватает. Ну да, понимаю, неопытный еще пилот, зеленый во всех смыслах. Но старается. И я молодец: не стала ничего ему говорить, только посмотрела выразительно. Я вообще горжусь своей выдержкой.

Но перед тем, как мой муж стукнул яхту, было что-то! Целый час мы кружили вокруг Противовеса на минимальной тяге, понемногу раскручивая спираль, а потом попробовали тренажеры. Я на велоэргометре, он на веслах. Как дернули разом! Восторг! «Давай! — кричу.— Шибче греби! Живее, раб галерный!» Кричу и кручу педали, кричу и кручу, а мой благоверный на гребном тренажере изображает финишный рывок. Буду рассказывать — подруги обзавидуются. Довели ускорение почти до двух «же», улетели черт знает куда, я бы вовек не нашла обратный путь к Противовесу, несмотря на все подсказки навигационного комплекса. А мой зелененький — нашел! Впрочем, к тому времени он был уже не зелененький, а слегка такой багровенький и с языком навыпуск.

Надо отдать ему должное: обшивку при парковке он помял не сильно. Решили не ремонтировать, пока кредит не выплатим.

Подруги, конечно, обзавидовались. А мы дождались отпусков и махнули на Луну, а с нее прямо на Марс. Тут-то я и призадумалась над тем, кто кому на самом деле должен завидовать...

Знаете, каково это — взлетать с Луны? Думала, у меня ноги отвалятся вертеть педали, а муж заявил, что отмотал себе все руки. Подлая штука эта «Молния» — ну никак не отключить связь между тренажерами и управлением двигателями! До Марса летели на малой тяге — ну скучища, доложу я вам! Сесть на планету? Муж на меня жалобно так посмотрел, я и не настаивала. Полюбовались только на Фобос с близкого расстояния (а там, между нами говоря, и любоваться-то не на что) — и домой. Муж то педали крутит, чтобы обеспечить разгон, то гребет, как заведенный, а мне на эти тренажеры уже и глядеть не хочется. Однако вношу свою лепту: пилю моего дорогого и любимого, чтобы злее греб. Как подумаю о том, что впереди такая же скучища до самой парковки на Противовесе, так зубы сами собой скрежещут. Но хвастаться перед подругами все равно буду — мол, не отпуск, а сказка! Пусть лучше мне завидуют, чем утешают, хихикая за спиной. Знай наших! Пусть думают, что у нас был экзотический турпоход, а сообразить, что виды в иллюминаторах чаще всего никакие, у этих дур воображения не хватит.

Я так и сделала. Искупалась, так сказать, в лучах, каковы бы ни были те лучи, и не сразу сообразила: это ж теперь яхту не продать! Избавиться от нее все равно что признать: не нужна она нам, мы такие же заурядные типы, как все прочие. Муж смотрит на меня вопросительно, а я молчу. Сама себя загнала в ловушку.

А вам понравилось бы две недели питаться концентратами, не иметь возможности прошвырнуться куда вздумается, не видеть вблизи себя иной физиономии, кроме вашего дорогого и любимого супруга, чтоб он пропал, да еще надрываться на тренажере, причем почему-то именно тогда, когда хочется расслабиться? Правда понравилось бы? Да что вы говорите! Сразу видно, что у вас нет яхты «Молния», так что лучше бы вам помолчать.

Муж не пилил меня, нет. Он у меня вообще лапочка и умница, хоть и дурачок, но… куда яхту-то девать? Что ни месяц, то приходит счет за парковку на Противовесе, и кредит надо выплачивать… Два года я держалась. Два! В отпуск и на уикэнд — куда угодно, только не в космос. Хватит. Наелись оба. Накушались. Перед знакомыми мы, конечно, изображали, что рады бы, мол, добраться аж до Сатурна, готовимся даже, но, вы понимаете, то одно, то другое… повседневная суета заедает. Но когда-нибудь… когда-нибудь…

Это точно. Когда совсем с ума сойдем.

А потом — здрастье-пожалуйста! — как всегда, очень вовремя мировой кризис, фирма мужа разорилась, меня перевели на полставки, и тут уж крутись как хочешь. Так обычно говорят, но кто же мне даст крутиться, как я хочу?

Раньше дыра в нашем бюджете понемногу затягивалась, а теперь начала стремительно разрастаться. Теперь уж никаких сомнений — надо срочно продавать яхту. Но кто ж ее купит в кризис-то? У кого есть лишние деньги на всякие фантазии?

Не знаю, сколько времени на этот раз запрягал мой муж. Подозреваю, что делать это он начал еще до покупки яхты. Но как-то раз взял да и подал голос.

— Любимая…

— Да,— отвечаю,— чего тебе?

— А не поучаствовать ли нам в Больших муравьиных гонках?

2

Признаюсь, я не сразу поняла, о чем он вообще речь ведет. Потом догадалась: о ежегодных космических астероидных гонках! Ну ни фига себе!

— Температуру мерил? — интересуюсь.

— Там с прошлого года введена новая дисциплина, — терпеливо объясняет муж. — Как раз для яхт класса «Молния» и разнополых экипажей. Супружеские пары приветствуются.

— Правда?

— Угу. Пятьдесят процентов от призового фонда за первое место. За второе и третье — двадцать пять и пятнадцать соответственно. Одна поощрительная премия — десять процентов. И никаких взносов за участие.

— С чего бы никаких?

Тут мой любимый посмотрел на меня так, будто увидел перед собой не жену, а экспонат для музея заморских диковин. Ненавижу, когда он так глядит. Значит, будет просвещать меня насчет того, что, по его мнению, стыдно не знать культурному человеку.

— Международное космическое агентство платит. Оно на этом экономит: дешевле заплатить победителям, чем финансировать собственные экспедиции за астероидами.

Тут я начала что-то вспоминать. А, вспомнила! МКА строит в космосе какую-то гигантскую штуковину вроде пересадочной станции, журналисты даже сравнивают ее с искусственной планетой. Это где-то на орбите Земли, но далеко от нее, поэтому материалы для строительства с Земли туда не возят. Проще наловить астероидов, а уж как их там перерабатывают, я не в курсе. Между прочим, все потенциально опасные для Земли астероиды уже выловлены и отправлены на ту штуковину, так что теперь их таскают откуда придется.

В том и суть этих гонок, не зря прозванных муравьиными. Они не на скорость, а на вес. То есть на массу. Нет, ну и на скорость отчасти тоже, поскольку требуется уложиться в заданный лимит времени. Требуется поймать астероид в астероидном поясе, отбуксировать его в такое-то место и притом не выйти из лимита. Опоздал хоть на секунду — проиграл. А победитель определяется среди тех, кто успел, по массе доставленного

астероида. У кого астероид самый массивный, тот и чемпион. Оборудование для загарпунивания космических глыб выдается и устанавливается бесплатно.

— Хочешь знать, каков призовой фонд в этом году? — спрашивает меня супруг и заранее щурится от удовольствия.

— Ну, допустим, хочу.

Он назвал. Н-да… Я бы не отказалась получить такие деньги. Не отказалась бы даже занять третье место и как следует повертеть для этого педали. Да черт возьми, согласилась бы даже грести как заведенная на том тренажере, хотя вообще-то греблю я ненавижу. Ну для чего женщине развивать плечевой пояс?

Оказалось, что мой ненаглядный уже успел изучить астрономические базы данных и уже выбрал несколько астероидов с заманчивыми размерами и орбитами. Показал мне. Я тут же ткнула в орбиту, выделенную жирной линией.

— А почему бы не взять вот этот, а?

Он аж в лице переменился и пальцем у виска покрутил.

— Это Церера. Знаешь, какова масса этого астероида?

— Не-а.

— С нашими двигателями нам придется буксировать его до места несколько тысяч лет. Устраивает?

— Почему «его», а не «ее»? — спрашиваю.

— Потому что астероид — это «он».

— А Церера — «она».

Он вспотел и даже спорить не стал. С мужчинами так и надо, чтобы не мнили себя слишком умными. Никогда не надо играть на их поле, там они сильнее. Для победы поле следует ненавязчиво подменить. И пусть муж сочтет меня дурой, но ведь победа-то моя!

— Вся штука в том, чтобы точно рассчитать,— морща лоб, бормочет муж.— Я тут подобрал несколько подходящих кандидатур… Вот этот мелкий астероид или, скажем, вот этот нам

подошли бы. Еще этот, наверное… Понимаешь, ловить можно только астероиды Главного пояса, таковы правила, и этот пунктир — условная граница, до которой ловить нельзя, а после — можно… Проще говоря, хватать надо то, что в расчетный момент времени окажется вблизи внутренней границы пояса астероидов, но все же с той стороны… Скорость еще важна и угол наклона орбиты… Есть еще несколько вариантов, но вот эти — самые лакомые…

— И прекрасно! — отвечаю.

— Не так уж прекрасно… Не один я такой умный. Программа расчета и базы данных с орбитами лежат в открытом доступе. Знаешь, сколько участников уже нацелилось на эти астероиды?

— Сколько?

— В прошлом году в гонках участвовало восемьдесят шесть яхт…

— Многовато.

— Вот и я так думаю,— отвечает муж.— Конечно, теоретически нам может повезти: наткнемся на подходящий астероид из числа неизвестных… они же крошечные, среди них полно неоткрытых… но я бы на это не рассчитывал. Знаешь, кого любит госпожа Удача?

— По-моему не нас,— констатирую я.

— Удача любит подготовленных. Будем готовиться. Окажемся у лучшего астероида первыми, сбросим на него радиобуй — другие уже не сунутся. А мы получим наилучшие шансы. Как тебе идея?

— Нравится.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— А справишься?

Тут-то до меня и дошло, во что я ввязываюсь. Не поесть, не поспать, а все время крутить педали, обеспечивая яхте прыть? Даже мышцы заныли.

— Это не гонки,— говорю упавшим голосом.— Это танцевальный марафон. К финишу придет самый выносливый и тут же помрет от физического истощения. Прямо с лавровым венком на шее и чеком в зубах.

— Кстати о зубах,— говорит муж.— Есть такой шлем с подвижной подбородочной частью, он тоже вроде тренажера. Подключается туда же, куда велоэргометр и этот… который для гребли. Хочу купить. Понимаешь, небольшой резерв мощности у двигателя «Молнии» есть, его только пробудить надо. Двигай челюстью в этом шлеме и добавляй нам энергии в двигатель. Можешь говорить, можешь петь, можешь жевать, ругать меня можешь… Экспериментальная вещь. Одна фирма делает дополнительную оснастку для «Молний». Я изучил технический регламент — такие устройства на борту пока не запрещены…

— А наушников эта фирма не делает,— интересуюсь,— чтобы обеспечивать яхте ход за счет шевеления ушами?

Он посмеялся, но задумался. Начал изучать каталоги фирм, прикидывать, что и как. С одной стороны, люблю, когда мужчина при деле, а с другой на душе все-таки тревожно. Он ведь знает, что я умею шевелить ушами.

— Может, ты вместо меня возьмешь кого-нибудь другого? — спросила я однажды и осеклась. Да, можно нанять профессиональную спортсменку — так ведь ей же платить надо! Еще небось потребует процент от призовой суммы.

Или соблазнит моего любимого, что еще хуже.

— Тренируйся,— сказал мне муж, и я даже не пикнула. Люблю мужа, когда он лидер и притом знает, что говорит. Сама отлично понимаю, что потом начну его ненавидеть за то же самое, но это «потом» еще не наступило.

Делать нечего, приступила к тренировкам. Муж тоже тщится набрать идеальную спортивную форму, да куда ему — занят подготовкой яхты к состязаниям. Пришлось взять новый кредит и докупить кое-какое оборудование. Подсчитали —

и вышло, что в числе призеров нам надо быть обязательно, не то пойдем по миру.

— Главное в этом деле помимо тактики — выносливость, — говорит муж. — Не сила, а именно выносливость. Наилучшие шансы на выигрыш имеет тот, кто раньше других окажется у цели. А раньше окажется не силач на рывке, а тот, кто может работать сутками без устали, это у меня подсчитано…

Подсчитано у него!.. Нет, вы подумайте! Счетовод!

Прошло два месяца. За это время я накрутила на тренажерах столько, что раза два могла бы объехать Землю по экватору, если бы на Земле не было воды, и сделать еще виток по морю, если бы на Земле не было суши. Похудеть не похудела, зато везде, где раньше у меня тряслось студнем, теперь стало как каменное. К счастью, худеть мне и не надо: не такие предстоят состязания, где надо на бревне кувыркаться или с шестом прыгать.

Я-то не похудела, а мой драгоценный похудел, аж глаза ввалились. Штудирует звездные атласы и всякие там справочники, на последние деньги закупает провизию и топливо, договаривается об установке на яхте каких-то особых примочек, пока еще разрешенных Техническим комитетом гонок, мучается с техосмотром… попить-поесть некогда. Однажды говорю ему:

— Тебе не кажется, что ты везунчик?

— С чего бы? — Он аж глаза на меня вытаращил, как на чудо заморское.

— С женой тебе повезло. Скажешь, нет?

— А, ну конечно, конечно… Ты у меня лучше всех. — А сам знай себе рисует на компьютере какие-то кривые, оторваться от них не может. На меня даже не посмотрел.

И это называется ответ? Это комплимент женщине, я вас спрашиваю?! Или это красная тряпка для крупных рогатых скотов? По-моему, второе.

— Пертурбационный маневр,— знай себе бормочет муж непонятные слова и вроде ко мне обращается, а сам на меня и не смотрит.— Знаешь, Луна может нас дополнительно разогнать. Держу пари, половина участников так и поступит. Раньше вообще к Марсу через Венеру летали, когда двигатели были слабые… Но если мы основательно наляжем прямо со старта, то обойдемся и без Луны, правда, налечь придется как следует…

— Ау! — кричу ему.— У тебя жена есть, между прочим!

Уставился он на меня, моргает.

— Конечно, есть,— согласился наконец.

— У тебя жена что надо! — продолжаю кричать.— Ты хоть замечаешь, что я уже о красных сапожках вообще не говорю?

— Только что сказала,— заметил он, и, надо признать, резонно заметил. Ну, тут я ему и выдала все, что у меня накопилось!..

Поссорились, словом. А как иначе? Запряг — это хорошо, поехал — еще лучше, превратился в реактивный снаряд — совсем здорово, но должен же кто-нибудь и мешать лететь реактивному снаряду! Если все время гладить мужчину по шерстке, ему скучно делается, и тогда он от скуки учудить что-нибудь может. Два дня мы друг на друга дулись, я даже заявила, что ни в каких гонках участвовать не стану, а на третий день муж не выдержал, извиняться начал. Ух ты, мой ненаглядный! Конечно, я покобенилась, а потом простила. Виновата-то я, но знаю давно и твердо: признавать это нельзя ни в коем случае. Если уж мужчины — я говорю о тех, кто хоть чего-то стоит,— ставят женщину на пьедестал, то круглая дура та, которая сама с него слезет.

Незадолго до старта мужу пришлось сгонять на Противовес — там техники в присутствии владельца и человека от жюри ставили на яхты всех участников гонки специальную аппаратуру, чтобы уравнять шансы и устранить мухлеж.

Вернулся сумрачный: говорит, что сразу две его гениальные задумки пошли псу под хвост. Интересно, какие. Насчет шевеления ушами или, может, моргания?

И вот наступил день старта.

Сборы, суматоха, нервы и все прочее. Пока ехали на Противовес, я прочла кое-что о прошлогодних гонках, об их победителе Льюисе Симпсоне, о пойманном им и доставленном чуть ли не в последнюю минуту астероиде, но что мне эти цифры? Не наглядно.

— Два миллиона тонн — это много или мало? — спрашиваю моего любимого и ненаглядного.

Он догадливый, сразу понял, о чем я.

— Зависит от класса астероида,— отвечает.— Ну, если силикатный, то это где-то... м-м... метров сто в поперечнике или чуть больше.

— Всего-то?

— Всего-то. Ты прикинь его инерцию, дистанцию гонки и мощность наших движков, а уж потом морщи нос.

— А ты не умничай! — отвечаю.— Какие еще бывают астероиды, кроме силикатных?

— Ну... их много классов. Бывают углистые, они непрочные, нам такие не годятся, а остальные в общем-то силикатные, только силикаты в них разные и содержание металлов тоже.

— А чисто металлические?

— Наверняка есть и такие... А зачем тебе?

— Золотые есть? Вот бы поймать такой астероид. Тогда и в гонках участвовать не надо.

Посмотрел он на меня, поморгал и вдруг как расхохочется! Обидно, между прочим.

— Мечтай,— говорит.— Мечтать — дело полезное. Только учти: любой загарпуненный нами астероид является собственностью МКА. Я подписал об этом бумагу.

— Но я-то не подписывала!

— Не имеет значения. Подпись они требовали ради проформы. Даже если бы существовал золотой астероид, на Землю ты его никак не опустишь, а в космосе тебе от него какой прок?

Ну чисто лектор! Логикой давит.

Злюсь.

— Ладно,— говорю,— а как мы его гарпунить-то будем?

Он глаза вытаращил.

— Я думал, ты читала правила…

— А я думала, что ты мне расскажешь. Валяй начинай, все равно делать нечего.

Тут он посмотрел на меня так, словно всю жизнь был уверен, что у женщин не бывает никакой логики, а теперь вдруг ее обнаружил. Хотя — почему «словно»? Так оно и есть, а если женская логика мужчинам недоступна, то это их проблемы.

— Сначала столбим астероид, сбрасываем на него заявочный радиобуй. Это надо сделать раньше всего. Затем вплавляем в поверхность двигательный модуль с запасом топлива. Дистанционно управляя вектором его тяги, тормозим вращение астероида…

— Так они еще и вращаются?

— Нет,— говорит он с ядом после долгого вздоха,— они не вращаются и не летают по орбитам. Они неподвижно висят и ждут, когда их загарпунят. А самые послушные подплывают к тебе сами, стоит лишь высунуться из яхты и поманить их пальчиком.

— Дурак! Продолжай.

— Ну, словом, дальше остается самое главное. С противоположной стороны астероида вплавляем анкер, куда крепится фал, рассчитываем траекторию и начинаем работать. Главную тягу обеспечит тот двигательный модуль, что на астероиде, а наша задача — помогать ему по мере сил и корректировать курс.

Лектор! Ну точно лектор!

Нет, приятно, когда у тебя муж умный. Лишь бы не умничал.

— А какой у нас стартовый номер? — интересуюсь.

— Шестьдесят седьмой.

— Фигово.

— Это еще почему? — удивляется муж.

— Сумма цифр — тринадцать. Несчастливое число. Это ты нарочно такой номер взял?

— Какой дали, такой и взял. Между прочим, шестьдесят семь — простое число, и мне это нравится. Можешь считать, что это хорошая примета.

— Да? А сколько всего яхт в гонке?

— Сто тридцать девять.

— Ско-о-олько?! И ты еще надеешься выиграть?

Тут он так на меня посмотрел, что у меня мурашки по коже побежали. И сладко, и страшно.

— Только с твоей помощью,— говорит.— А если ты не веришь в победу, тогда давай сразу вернемся.

— Куда? Домой?

— Домой. К повестке в суд по поводу просроченного кредита. Сегодня утром пришла.

Легко понять, что весь остаток пути я старалась не злить моего ненаглядного.

3

Следующие двое суток я не забуду никогда. Суета и скука одновременно — можете себе такое представить? Тестирование всех систем яхты (слава богу, этим муж занимался), проверка всех мелочей, инспектирование запасов и так далее, и тому подобное, и конца этому не виделось. Плюс тошнота

от невесомости и всего-навсего одна оставшаяся с прошлого раза, притом просроченная, таблетка от тошноты в старой упаковке, а свежую упаковку я, конечно, забыла дома. Приняли проверяющего от жюри, который осмотрел все пломбы на специальном оборудовании и на китель которого меня чуть не вырвало. Другая женщина сказала бы: времяпрепровождение — врагу не пожелаешь, но я так не скажу. Врагу — пожелала бы. Но только очень серьезному и злому врагу.

Потом мы одиннадцать часов дрейфовали в пределах выделенного для участников гонок коридора и ждали старта. Яхты всех участников должны были занять место в пределах этого коридора и потихоньку маневрировать, выгадывая наилучшее стартовое место. Яхт много, так и шныряют, а судейский катер, по-моему, только добавляет неразберихи. Ну и, конечно, двое олухов вышли из коридора и долго не могли вернуться в него. Кажется, им начислили штрафные очки, а я бы на месте судей начислила что-нибудь посерьезнее. Ну зла же не хватает!

Естественно, старт был дан именно в ту минуту, когда я отлучилась в туалет. Никогда не пробовали заниматься этим делом в невесомости? Ваше счастье. А уж когда во время процесса внезапно появляется тяжесть и муж орет во всю силу легких, чтобы я стрелой летела крутить педали, тут и вовсе не до смеха. Ну чего он разорался, спрашивается? Какие педали? Мне надо себя в порядок привести, нет? А тяжесть все растет, потому что муж гребет так, как будто за ним гонится по меньшей мере пиратская эскадра.

Как рявкнет: «Крути!» — а сам к компьютеру, траекторию считать. Весь потный уже. Минуты не прошло — вернулся и снова давай работать на гребном тренажере, а я уже в седле и верчу педали. Хорошо верчу, потому что тяжесть продолжает расти, вот уже с нормальной земной сравнялась, а вот уже и превзошла ее…

— Руль качай! — кричит муж.

Зачем руль на велоэргометре? Только чтобы было за что держаться, а так с виду руль как руль. Попробовала — а он и вправду качается! Вроде старинного пожарного насоса на двух человек. Тяжеловато ходит, правда. Но чувствую: тяжесть еще чуть-чуть подросла, значит, и скорость наша растет. Когда только муж успел проапгрейдить тренажер? И разрешено ли это Техрегламентом? Ну, ему виднее.

Кручу.

Часа через два муж объявил перерыв на пять минут и вывел на монитор картинку, кто где. Вижу: разбрелись яхты, часть к Луне отправилась, как мой оракул и предсказывал, а некоторые стайками идут. То есть между яхтами в стайке тысячи километров, а на картинке кажется, что рядом. Мы тоже идем в одной из таких стаек, причем держимся ближе к ее хвосту, чем к голове.

— Отстаем? — спрашиваю.

— Отстаем. Пока не очень сильно. Наверстаем.

Ровно через пять минут сели наверстывать, я и не отдышалась совсем. Наддали так, что тяжесть придавила и переборки заныли. Еще спустя час поменялись — теперь он педали крутит, а я гребу, как галерный раб.

Раз-два! Р-раз-два!.. Сиденье — банка называется, хотя на банку оно вообще не похоже — подо мной елозит туда-сюда при каждом гребке и тоже участвует в раскочегаривании двигателя. Судя по силе тяжести, стараемся как надо. Музыка специальная играет, по ушам и нервам бьет и в общем способствует. Раз-два!..

Тяжело, но вытерпеть можно. Один день. Но не семьдесят земных суток, как лимитируют время гонки Правила! Тут сдохнешь.

Когда вновь устроили перерыв, картинка на экране изменилась. Растянулась наша группа, и мы уже в ее середине.

Вижу, однако, что расстояние между нами и головной яхтой группы увеличилось.

— Кто это? — спрашиваю мужа в кратком перерыве между вдохами.

— Номер одиннадцать.

— Сама вижу. Кто такие?

Мужу тоже трудно разговаривать, но отвечает:

— Изабелла и Диего Лопесы. Он… уф-ф… он — десятиборец, она — чемпионка по армрестлингу среди женщин.

— А сразу за ними кто идет?

— Тридцатый номер. Эльза и Гюнтер Циммерманы из Мюнхена. Тоже спортивная семья. Четвертое место в гонках прошлого года. Эти не отступят.

— Так какие же наши шансы, если мы станем болтать, а не работать? Вперед!

— Погоди немного…

— Чего годить? — Я уже злюсь.— Ты для чего меня сюда затащил? Чтобы мы проиграли? Если уж участвуем, то надо побеждать!

Приятно, черт возьми, когда муж тебя хвалит. Только уж очень редко он это делает, будто не замечает, какая у него замечательная во всех отношениях жена. Где другую такую найдешь, а? Ну то-то же. Я чуть было не растаяла от удовольствия, да вовремя спохватилась:

— Ну-ка марш на тренажер!

И пошло, и поехало… На вторые сутки я уже по-черному завидовала галерникам — их небось не доводили до такого изнеможения. Сон — пять часов, еще час на прием пищи и туалет, и восемнадцать часов пытки на тренажере. А тут еще муж умничает, чтобы подбодрить меня, а у самого вид, как у умирающего.

— Древние мудрецы мечтали освободить человека для умственной работы,— вещает он голосом удавленника,— так,

чтобы ему даже не нужно было отдавать приказы рабам и следить, чтобы раб не напился или не стырил что-нибудь… Шутники они были… Человек не предназначен для чисто мозговой работы, не дорос еще…

— А дорастет?

— Не-а. То есть, может, и дорастет когда-нибудь нескоро, но тогда он уже не будет называться человеком…

Я-то не дорасту, это точно. С этой яхтой на мускульном управлении тягой скорее провалишься в какой-нибудь мезозой, чем поумнеешь.

На третьи сутки мы пересекли орбиту Марса. Группа растянулась еще сильнее, и мы шли уже на четвертом месте. Еще через два часа пытки вышли на третье. Расстояние между нами и Циммерманами не увеличивалось, но и не сокращалось, а вот Лопесы понемногу, очень понемногу наращивали отрыв. Железные они, что ли? Или мухлюют?

Муж показал мне автоматические видеокамеры и прочие следящие за нами и техникой устройства, напиханные в нашу яхту волей жюри.

— Ты можешь обмануть их? Я не берусь.

Зря он мне это сказал. Мужчина, который чего-то не может, не вправе быть любимым безоглядно. Кому приятно ощущать, что твой муж — самый обыкновенный человек? Так что ему пришлось кое-что от меня выслушать.

Надулся он, только пыхтит и постанывает от натуги. Чуть-чуть отыграли отставание от Циммерманов. Вижу: если продержимся в этот темпе еще день-два, то обгоним их и выйдем на второе место в группе.

Только ведь не продержимся. Раньше сдохнем.

На четвертые сутки гонки мы договорились о шестичасовых вахтах. Пока один уродуется на тренажерах, другой отдыхает, если уж совсем не может вертеть педали или те обрубки, что заменяют весла на гребном тренажере. Тяга, конечно, упала.

Циммерманы сразу ушли вперед на полмиллиона километров, а Лопесы вообще на целый миллион, но ни те ни другие не стали наращивать отрыв. Ясно: они тоже не железные, у них те же проблемы. Выносливость — полезная вещь, но только для того, кто еще не надорвался.

В общем, лидирующая группа обозначилась: идут гуськом пять яхт, мы опять в середине. Одна яхта вообще в дрейф легла, уж не знаю, что там случилось. Прочие, кто не ушел в отрыв, как мы, бредут сильно сзади — наверное, гораздо раньше нас перешли на вахтовый метод.

— Выносливость… — стонет муж на тренажере. — В ней все дело…

А я чувствую: к тому моменту, когда придет пора гарпунить астероид, мы уже попросту перестанем что-либо соображать. И уж совсем не понимаю, как мы будем волочить его к земной орбите.

Одна надежда: мой муж все-таки реактивный снаряд и, пока не долетит куда ему надо, не успокоится. Ну а я уж как-нибудь при нем.

На пятые сутки группа начала распадаться. Отвалились и ушли в сторону Циммерманы, расползлись те, что шли позади нас, одни лишь Лопесы прут туда же, куда и мы. А куда, кстати?

Муж объяснил, как только сумел убрать язык с плеча обратно в рот. Летим к орбите Весты, которая нам, конечно, не по зубам, зато примерно по той же траектории обращается вокруг Солнца целая куча небольших астероидов. Ну быть того не может, чтобы среди них не оказалось небольшой скалы с подходящими для нас параметрами!

А мы все наяриваем повахтенно. Уже и бодрящая музыка не помогает: кручу педали либо гребу — и не слышу ее. Зачем вам знать, сколько раз мы подходили к самому краю? Будь у меня чуть побольше сил, разругалась бы я с моим любимым

и единственным, вдребезги разругалась бы, а дальше — поворот назад, Земля и развод. Счастье началось, когда мы догнали Лопесов и даже вырвались немного вперед, прежде чем сообразили, что пора делать маневр, гасить скорость и выходить на орбиту Весты. Муж рассчитал траекторию, и мы целые сутки отдыхали при одной десятой земной тяжести. Надо бы суток трое, потому что все мышцы у меня болят и сами собой подергиваются, как у припадочной, но и одни сутки отдыха — счастье.

Как же быстро промчались эти сутки!

И снилось мне, как я вхожу в магазин спортивного инвентаря с кувалдой и крушу, крушу все их тренажеры, чтобы глаза мои их больше не видели…

Потом опять началась каторга. «Нажми! — кричит муж.— Не вписываемся!» Надо думать, не вписываемся в расчетную траекторию. Он даже шлем надел — тот самый — и давай жевать во имя тяги. Был момент, когда сила тяжести на яхте превзошла двойную. И долго же длился тот «момент»…

Однако во всяком состязании главное — финиш, пусть даже промежуточный. Достигли мы зоны «охоты», теперь можно высматривать и гарпунить. Не знаю, куда делись Лопесы, на мониторе их нет, а наш радар, между прочим, «бьет» на десять миллионов километров. Ни одной яхты поблизости от нас, ни одного астероида. Вообще ничего на экране нет. Велик космос…

Рыщем на умеренной тяге, экономим силы. Один раз на самом краю экрана показалось что-то, но муж скоро выяснил, что это известный астероид двухкилометрового поперечника, нам с таким не справиться. Дважды радар фиксировал мелочь — обломки по тридцать-пятьдесят метров, и мы не реагировали, потому что с такой мелкой рыбкой о победе лучше и не мечтать. Нам бы что-нибудь стометровое…

Можно чуть больше, если астероид медленно вращается и в данный момент приближается к Солнцу. Дотянем. Есть даже надежда, что не придется потом лечить грыжу.

Такая экономия сил, когда на тренажере работает только один из нас, да и то без фанатизма, воспринимается как отдых. В какой-то момент я нашла, что пора бы заняться своей внешностью, а то на черта похожа. Вышла из душевой кабины, пристроилась у откидного столика под светильником, а муж мне:

— Это что у тебя?

— Сам видишь — косметичка.

— Зачем?

— Чтобы дураки спрашивали. Хочу хорошо выглядеть, ясно тебе?

— Ты всегда хорошо выглядишь.

Он, наверное, решил, что комплимент мне сделал, а на самом деле взбесил бы, если бы я не понимала, насколько мужики примитивные существа. Ну не секут же фишку совершенно! Как будто мы наносим макияж, завиваем волосы и делаем над собой еще десятки сложных и дорогостоящих манипуляций исключительно ради того, чтобы привлечь внимание самца! Чтобы не понимать искусства ради искусства, надо быть грубым материалистом, а они все такие. Ругаться не хочу, а потому привожу грубому материалисту аргумент, который по идее должен быть ему понятен:

— Вот выиграем мы гонку, налетят на нас репортеры — и что, я, по-твоему, должна предстать перед ними похожей на чучело? Ногти обрезаны, голова не мыта, так ты жену еще и без макияжа хочешь оставить? Не зли меня!

— Мы еще не выиграли,— отвечает он в общем-то резонно.— А если и выиграем, то к финишу тебе будет все равно, на кого ты похожа, спорим?

Вот спасибо! Вот утешил!

— Ты еще скажи, что косметичка — лишний вес и что мы должны выбросить ее в пространство! — цежу я.

— Я этого не говорил…

— Ну вот и молчи.

К моему удивлению, он подал голос уже спустя минуту:

— Гляди-ка, еще один астероид. Надо взглянуть поближе…

Согласна: причина уважительная. Но зачем же метаться от тренажера к пульту вычислителя, вызывая перепады силы тяжести? Зачем именно сейчас выполнять маневр поворота? В итоге я, конечно, накрасилась кое-как, выйти на люди с таким макияжем — сгоришь от стыда. Хорошо, что из яхты можно выбраться только в открытый космос, а ему все равно, как ты накрашена и накрашена ли вообще.

— Давай-ка на тренажер, — командует муж.

Я и сама вижу: отметка от астероида светится на самом краю экрана радара, и кому этот астероид достанется, еще неизвестно. Где-то поблизости крутятся несколько конкурентов, и вполне может оказаться, что сейчас к тому же астероиду поспешает какая-нибудь другая яхта, только она пока еще вне зоны действия нашего радара, и мы ее не видим. Тут надо поднажать!

Часов через пять стало ясно: мы успеем раньше всех. Но каких же мук стоили нам эти пять часов! Зато надо было слышать, каким голосом сообщал мне мой любимый и единственный параметры астероида! Безмерное удивление и торжество в одном флаконе.

— Грубый эллипсоид вращения, сто пятьдесят метров на восемьдесят. Слушай, а нам везет!.. Ты только погляди: он не вращается! И вектор скорости подходящий… Тяжеловат, но при таких начальных условиях — дотянем, а?

— Сам решай, — говорю я, а у самой, как подумаю, что стоит за этим «дотянем», заранее все мышцы ноют.

— А знаешь, — говорит мне муж после паузы, — это не астероид семейства Весты. Это вообще не астероид Главного пояса.

Это потенциально опасный для Земли астероид. Гляди — его орбита цепляет по касательной земную. Хуже того, Земля в момент пересечения астероидом ее орбиты будет находиться в пределах коридора возможной ошибки…

— И что это значит?

— Может, нам еще и премию дадут за увод такого астероида в сторону от Земли, а?

Хорошая мысль. Бодрящая.

— Тогда фиксируй его параметры сейчас же,— говорю.

— Они фиксируются автоматически. Ты забыла, какую аппаратуру на нас жюри навесило?

Резон.

— А он точно должен столкнуться с Землей? — интересуюсь.

— С вероятностью не более одной тысячной. Пока трудно сказать точнее. Но если и не столкнется, то пролетит очень близко.

— А если не столкнется, нам премию выплатят?

— Греби давай,— отвечает муж, устав, видимо, от женской глупости. Как будто я от мужской не устала!

Не прошло и нескольких часов, как мы уже уравнивали нашу скорость со скоростью астероида и вскоре смогли увидеть его не в виде святящейся точки на экране, а «живьем».

Ну что сказать? Картофелина, только очень темная. С поверхности бугристая какая-то, как жабья кожа. Облетели мы жабью картофелину на самой малой тяге и оба заметили: вроде что-то блеснуло. Сделали еще виток, подобрались поближе, затормозили и дали оптике максимальное увеличение. Так и есть — чей-то радиобуй. Кто-то успел раньше нас.

Лопесы. На развернутой антенне буя одиннадцатый номер крупным шрифтом.

— А почему буй не работает? — спрашиваю.

— Сам не понимаю…— Муж озадачен.

— Может, это у нас аппаратура барахлит?

— Может, и у нас…

— А где Лопесы?

— Спроси что-нибудь полегче, а?

Не помню, сколько времени мы крутились вокруг астероида и не могли ничего понять. Так и не поняли, кстати, зато на краю доступной нам зоны радиообзора объявилась еще одна яхта. Сто первый номер. Кто такие — не помним, да и не нужно нам этого знать. А нужно нам знать только то, что через шесть часов они будут здесь, если хорошенько налягут.

— Ну что, столбим? — толкаю я мужа локтем.

Он в сомнении, но вижу — склоняется к правильным выводам.

— В конце концов,— говорит,— раз буй не работает, а Лопесов нигде не видно, то что?..

— Что? — спрашиваю я.

— То этот астероид — наш. Столбим! Может, Лопесы нашли что-то получше, а буй у них неисправен…

Наш радиобуй прилип к телу астероида недалеко от буя Лопесов, и мы убедились, что наша приемная аппаратура исправна. Работает буй, извещает, что астероид нами приватизирован. Теперь — загарпунить астероид, то есть воткнуть в него дистанционно управляемый бур со сверхпрочным буксировочным фалом, после чего облететь космическую глыбу с другой стороны и вплавить в ее «корму» двигательную установку. Вообще-то эти две операции можно делать в любой последовательности, но большинство участников гонок предпочитает сразу гарпунить, хоть это менее удобно. Тут чистая психология. Буй буем, но фал вещественнее. Ничто лучше фала не скажет всей Вселенной: это наш астероид, не трогать его руками!

— Целься точнее,— наставляю я мужа, а он только щекой дергает: сам, мол, знаю, не мешай. Самостоятельный мужчина — это, конечно, хорошо, а мужчина со свойствами тяжелого снаряда еще лучше, но… Много тут есть всяких «но».

Отлично гарпун пошел, просто загляденье. Фал за ним разматывается, как на картинке. Бац! Ой…

То ли мне показалось, то ли гарпун вошел в астероид, как горячий нож в масло. Нет, не показалось… Ушел бур в тело астероида, и дырки не видно. А только фал все разматывается и разматывается, и вот уже кончился он, дернул яхту немилосердно и повлек к астероиду…

Мужа при толчке швырнуло к переборке, ушибся, пытается встать и орет не своим голосом:

— Сброс! Сброс фала! Да сбрасывай же!..

Как будто я в два счета разберусь, на что надо нажать, чтобы сбросить этот чертов фал!

Когда разобралась, было уже поздно. Краем глаза видела: в бугристой картофелине открылся зев здоровенной пещеры, и наш же собственный фал втянул нас внутрь. Еще секунда, и померкли звезды на противоположном экране. Закрылся зев. Сглотнула нас картофелина.

4

Довольно долго ничего не происходило. Во всяком случае, достаточно долго, чтобы мы успели прийти в себя и обменяться мнениями.

— Это что, чужой корабль?

— Если только не космическое животное,— мрачно бурчит муж.— Лучше бы корабль, конечно.

Спорить я не стала. Если нас пленили чужаки, то дело может повернуться по-всякому, может, еще выкрутимся, но если животное, то вариантов только два: либо оно сразу начнет нас переваривать, либо предварительно разжует. Оба варианта мне сразу не понравились.

— А может, это наш корабль? — надеюсь вслух.

— Чей это «наш»?

— Ну… земной.

— Только очень секретный, да? Новейшие технологии? Гм… А знаешь, все может быть.

Чувствую, врет мне мой благоверный. Утешить хочет, успокоить, да только фальшивит так, что любая дура его раскусила бы, а уж я и подавно. Понимаю: дело дрянь. И от этого понимания холодок по спине пробежал.

И вот еще что странно: тяги нет, двигатели молчат, а сила тяжести есть. Это при том, что астероид, который на самом деле не астероид, до сих пор двигался по инерции. Может, конечно, он пошел на разгон уже после того, как сглотнул нас, но что-то не верится. Видно, и впрямь новые технологии — только уж точно не земные.

А муж достает из специальной ниши два легких скафандра (тяжелых-то у нас отродясь не водилось) и говорит этак деловито:

— Советую одеться.

— Зачем?

— Там воздуха на час. Тут,— обводит он глазами внутренний объем яхты,— неизвестно, что будет через пять минут. А час — это уйма времени.

Ага, думаю, это если тебе еще позволят прожить этот час,— и мысленно наваливаюсь всем телом на внутренний мой фонтан и затыкаю его. Муж прав, такие мысли не к добру. Вот не стану паниковать! Из вредности!

Влезла кое-как в скафандр, загерметизировалась, автоматика кислород мне пустила. Ничего, дышать можно.

Десять минут проходит — ничего. Двадцать — ничего. А на двадцать девятой минуте все и случилось. Как дунет сквозняк! Мелкие вещи, что повсюду разлетелись, когда астероид дернул нас за фал, шевельнулись и поползли по полу, а кое-что просто взвилось в воздух. Впрочем, недолго это продолжалось.

Аварийный сигнал заквакал: мол, судно разгерметизировано, давление воздуха упало ниже опасного предела, но это и так понятно. То ли кто-то умудрился снаружи открыть шлюз, то ли нашу яхту вскрывают, как консервную банку. И внутренний голос говорит мне, что скорее второе, чем первое. Так громко говорит, что заглушает стук сердца, а он пулеметный, между прочим.

И тут — знаю, что вы мне не поверите, но я-то видела это собственными глазами! — та переборка, за которой камбуз, туалет и душевая кабина, вдруг ни с того ни с сего деформируется, словно резиновая, прорывается посередине, и в образовавшуюся дыру лезет к нам этакое чудище. Ростом примерно с человека, а видом как пень, и передвигается оно не на ногах, а на тонких-тонких белесых щупальцах числом сотни две, не меньше. Вперлось совершенно по-хозяйски. Муж дернуться не успел, как половина щупалец метнулась у нему. Хвать — и держат. И вид у твари донельзя самодовольный с этакой ноткой брезгливости. Вы никогда не видели самодовольно-брезгливого пня? Ваше счастье.

Я как завизжу! Знаю, что визг у меня противный, но не молчать же! А только чудовищу от моего визга ни жарко, ни холодно, гляжу — оно моего мужа к себе подтягивает, а он, бедный, обвис и даже не трепыхается. Тогда хватаю первое, что подвернулось под руку…

А что подвернулось? Косметичка подвернулась. Когда нас дернуло, рывок сбросил ее на пол вместе со всяким другим барахлом. Так уж вышло, что она оказалась возле моих ног. И этой-то косметичкой я швыряю в чудовище.

Снаряд для метания совсем неподходящий, уж никак не убойный. Да и швырнуть что-нибудь как следует, находясь в скафандре, даже легком, довольно затруднительно. Но я постаралась изо всех сил.

Тот пень с белесыми, как глисты, щупальцами отбил мой снаряд играючи. Косметичка порскнула в сторону, распахнулась в полете, и все из нее высыпалось. А моя новая с перламутром пудреница упала как раз перед пнем, подскочила, раскрылась и замерла зеркальцем кверху.

Это уже потом новоявленные специалисты (откуда только взялись?) по поведению микоидов объяснили мне, что пудреница-то нас и спасла. Точнее, зеркальце в ней. Микоиды не животные, а продукт эволюции каких-то существ, ближе всего к которым стоят наши грибы. Пусть эти пни с глистами высокоразвитые, пусть вовсю путешествуют по Галактике, а подобных себе разумных существ еще не встречали — постоянно им попадаются «братья по разуму», вышедшие из мира животных или даже растений, а уж никак не грибов. Тут то ли возгордишься своей исключительностью, то ли тяжко закомплексуешь.

Они делают и то и другое. То есть раздуваются от спеси, и всякий новый встречный вид для них тварь ничтожная, если только он не сильнее их и не щелкнет их по носу тем или иным способом.

Я и щелкнула.

Потому что показать микоиду зеркало — все равно что сказать ему в ответ на его бесцеремонность: «На себя погляди, урод!» Тут они сразу тушуются и впадают в тяжкий сплин, поскольку, надо полагать, догадываются, что не красавцы. И убеждены, что осмелиться нанести им оскорбление может лишь тот, кто сильнее — если не технически, то хотя бы морально.

Пень сразу как-то ссохся. Гляжу, отпустил он моего ненаглядного, отпустил и обратно в дыру утек. И дыра в переборке заросла за ним как ни в чем не бывало. Потом проверили — все системы яхты исправны, хотя всяких там проводов и приборов на пути микоида было столько, что страшно подумать. Все до единого целы!

И выбросило нас из «астероида» наружу, вместе с фалом и буром выбросило. Пока мы приходили в себя и сматывали фал, «астероид», который никакой не астероид, а чужой космический корабль, вдруг начал быстро-быстро удаляться и очень скоро исчез не только с глаз, но и с радара.

Дальше было просто. Думаю, мы поставили рекорд ускорения — удивительно, как тренажеры выдержали такую нагрузку. Клянусь, мы даже не очень устали! Такой мотивации, как у нас, не было ни у какого другого участника муравьиных гонок. И только удалившись от точки встречи с чужаком на тридцать миллионов километров, мы дали себе отдых…

Очень небольшой, только чтобы отдышаться и радировать на Землю. Там сначала не поверили, но когда мы заявили об отказе от дальнейшего участия в гонках и немедленном возвращении, начали чесаться. А уж когда та самая шпионская контролирующая аппаратура, что была установлена на нашей яхте согласно правилам гонки, подтвердила наши слова, пришло время мне вспомнить, зачем вообще мы ввязались в эту историю. Премию нам! В размере двойной премии победителю гонок, потому что мы (говорю «мы» из присущей мне скромности) как-никак спасли Землю! Надо думать, не зря траектория корабля микоидов вела к Земле, а уж почему они изображали собой астероид, об этом у них надо спросить. Может, как раз для того, чтобы наловить «на живца» таких, как мы. Лопесов, надо полагать, они просто съели или разобрали по клеточкам ради изучения — не догадались Лопесы показать микоидам зеркальце…

А в гонке, после того как было принято решение не прерывать ее, победили Циммерманы. Пусть, мне не жалко. На самом-то деле выиграли мы. Двойной премии, правда, не получили, но до полуторной я доторговалась. Взамен пришлось согласиться на углубленное медицинское обследование наших

с мужем организмов, каковое, к нашему удовольствию, не выявило ничего серьезного.

Еще и теперь спецы по микоидам время от времени обращаются к нам за консультацией. Международное космическое агентство крайне скупо делится с прессой новостями, однако по косвенным признакам можно понять, что уже налажен контакт не только с микоидами, но и кое с кем еще. Одно мне известно точно: каждого землянина, имеющего дело с микоидами, инструкция обязывает держать в кармане зеркальце.

Да что инструкция! Он сам нипочем не забудет набить зеркальцами карманы. Не дурак же он!

ГРОМОВ Александр Николаевич

(род. в 1959 г., Москва).

Окончил Московский энергетический институт. Много лет работал в НИИ Космического приборостроения, в настоящее время занимается только литературным трудом. Литературный дебют — рассказ «Текодонт» («Уральский следопыт», 1991). Первая книга — сборник «Мягкая посадка» (1995), за ней последовали: «Властелин Пустоты» (1997), «Год Лемминга» (1997), «Шаг влево, шаг вправо» (1999), «Запретный мир» (2000), «Крылья черепахи» (2001), «Завтра наступит вечность» (2002), «Феодал» (2005), «Шанс для динозавра» (2009), «Ребус-фактор», «Человек отовсюду» (2010), «Запруда из песка» (2011), «Реверс» (2014, в соавт. с С. Лукьяненко) и др. В 2004 г. в соавт. с В. Васильевым выпустил роман «Антарктида Online», по существу открывший новый поджанр — «альтернативная география», в этом ключе написана и «Исландская карта» (2006–2007). В 2014 г. на экраны вышел фильм «Вычислитель», снятый по мотивам одноименной повести, впервые опубликованной в «Если». Лауреат почти всех НФ-премий. В 2008 г. получил премию «Еврокона» как лучший фантаст Европы.

Далия Трускиновская

Четыре куста прекрасной лилии

Итак, ребятишки, на чем мы в прошлый раз остановились? На экспедиции Борнхольма и Марчевского? Ну, сама экспедиция, как вы помните, ничего особенного из себя не представляла. Обычный проход через портал, стандартная работа с зондами, обработка информации, заборы проб — рутина, ребятишки. Нет, эта планеточка, конечно, по-своему уникальна. Она погубила немало наших ребят… Кто вспомнит, в чем ее особенность?

Руки на столы, господа курсанты, пожалуйста! Не шарьте в подкожных блоках, я же вижу и понимаю, что вас не блохи кусают! Блоха? Н-ну… Вот такая мелкая прыгучая скотинка, водится на планете Земля. А если будете заново вживлять подкожные инфоблоки, скажите врачам, что им подмышками не место. Кто только до этого додумался? Да, там они в безопасности, да! Но вы сейчас были похожи на стаю чесоточных мартышек. Ладно, кто успел вывести информацию на окуляры, говорите. Так, правильно, Тауринда. И лилия Меркуса.

Эту беду обнаружила только третья экспедиция, первые две радостно рапортовали, что состав атмосферы почти идентичен земной, сила притяжения вдвое выше, местная фауна — безобидные ползуны вроде рептилий, бабочки — ну, эти оказались зубастыми, еще что-то в озерах бултыхалось. Но там, на треклятой Тауринде, цветет лилия Меркуса. Так ее назвали в честь первого парня, которого она погубила. Две первые экспедиции работали, пока она дремала и набиралась сил. Цветет эта зараза чуть ли не полгода. Кому не повезло нюхнуть ее пыльцы — разбухал, укоренялся и сам начинал цвести! Естественно, мозги у него делались как у той самой лилии. Наши ребята скоро выяснили — таким манером пыльца внедряется в ползунов и распространяется настолько, насколько они сумеют отбежать от куста. Вот такой ботанический механизм экспансии. Она и в такие щели скафандра внедряется, что

страшно подумать. Кроме того, она, зараза, ползучая — в каждой вот такусенькой пылинке есть что-то вроде примитивного мускула, он сокращается, и пылинка может двигаться с крейсерской скоростью полсантиметра в час. Поверьте, ей этого хватает…

Но надо отдать лилии Меркуса должное — она не просто красива, она прекрасна. В пору цветения там такой пейзаж — залюбуешься. Лепестки тонкие, нежные, полощутся на ветерке, с утра розовенькие, к обеду желтеют, потом — появляются прожилки, красные и лиловые. В общем, сиди и любуйся. Но перед экраном!

На Тауринде обнаружили такую кучу полезных ископаемых, что махнуть на нее рукой было просто невозможно. В самом подходящем месте наковыряли шахт. В шахтах трудятся роботы, им пыльца не страшна, однако вывозят добычу люди. К капсулам орбитального лифта цепляют контейнеры, выводят силовые поля коридора в максимальный режим — и вперед. А если бы вы видели их скафандры с пятой степенью защиты, то вас бы в Разведкорпус стальными тросами не затащили. Жуть, настоящая жуть. И это еще скафандры, не совмещенные с экзоскелетами.

Так вот, во время цветения лилий силовые поля коридора во избежание приключений регулярно отключают, и капсула стоит в ангаре, а лифтер предается блаженному фар ниенте… Безделью он предается! Безделье изобрели итальянцы и назвали фар ниенте. Нет, я еще не готов к тому, чтобы заставить вас сдавать зачет по итальянскому языку, но если так пойдет дальше…

Бабочки? На бабочек пыльца не действует, и теперь имеется генетическая присадка, которая, как утверждают ученые люди, позволяет человеку более или менее спокойно перемещаться по Тауринде без скафандра. Но только не припомню я случая, чтобы кто-то ею добровольно воспользовался,

да и любителей подышать свежим тауриндским воздухом лично я не знаю — кроме одной истории…

Вот, ребятишки, есть люди и есть идиоты. Идиот — он формально вроде человека, ходит, звучит, только мозгов у него еще меньше, чем у лилии Меркуса. А в голове у него такое устройство — активизируется только от слова «деньги».

Мы с Гробусом оказались на орбите Тауринды в общем-то случайно. Туда перетаскивали блоки, чтобы смонтировать второе кольцо орбитальной, а поскольку имелась немалая вероятность, что эти блоки попытаются отбить серые корсары… Была такая шайка, мир ее праху. Так вот, в сопровождении блоков был задействован и Разведкорпус. А когда мы туда прибыли, оказалось, что на орбитальной уже поселился один хороший человек, ветеран, нанявшийся на старости лет в лифтеры. Вы уже много где побывали и катались на лифтах класса «орбита-поверхность». Но вам, наверно, и в голову не пришло, что в каждой капсуле сидит лифтер. Да, вы его ни разу не видели, но это не значит, что его там нет. Он контролирует процесс и в сложных случаях принимает нестандартные решения. Компьютер этого не может, а человек — может, за это его там и держат, и платят приличные деньги.

Звали нашего приятеля Тохтамыш. Что это за имя, откуда взялось, не спрашивайте, я этого действительно не знаю. Вид у него был самый ветеранский — загар с красноватым отливом, вечно прищуренные глаза и седая щетина, которую он сбривал примерно раз в месяц. Волосы он заплетал в толстую и даже на вид очень жесткую косу, носил на голове повязку, прикрывавшую корявый шрам на лбу, немного прихрамывал и утверждал, что хромота у них в роду — фамильная, признак породы. Я думаю, врал, потому что — кто же возьмет в Разведкорпус хромого бойца? Разве что этот признак только с годами проявляется, и чем дальше — тем хуже, как спинной гребень

у шупулянского десантника. Почему десантника? А я только с ними дело имел. Хорошие ребята, только, когда разозлятся, на крокодилов похожи. Может, у самочек какое-то другое устройство, не знаю, врать не стану.

Ну, кто мне выведет в голокуб капсулу? Так, вот она… да не та! Капсулу космолифта, а не океанскую! Теперь правильно. Вынь-ка вот тут сегмент. Вот прямо за энергобанком, вон там, где идут проводки к наружным регуляторам, видите закуток? Это берлога лифтера. В ней есть все необходимое — койка, пульт с экранами, контроллер гравикомпенсаторов. Вон там — кухня, за ней — гигиенический блок. Особо не побегаешь, площадь — девять метров, ну так капсула же не все время вверх-вниз носится, большей частью стоит, а тогда и времени, и места для прогулок лифтеру хватает. Один грузовой отсек чего стоит… так! Я понимаю, что вы себя не в операторы погрузочных мониторов готовите! Но отличить грузовой отсек от машинного отделения вы можете?! Машинное отделение заведует жизнеобеспечением капсулы, и только. Ну, в нештатных случаях позволяет ее стабилизировать и опустить на поверхность, всякое случается. Курсант Фергюссон, покажите стабилизаторы! Надо же, угадал…

По случаю цветения лилии Тохтамыш жил на орбитальной, в своем боксе, но соседями у него оказались косманты. Была такая секта, со строжайшей дисциплиной, для работы в дальнем космосе — идеальные ребята, наймешь команду космантов — и горя не знаешь, честные, исполнительные. Но они поклонялись космической энергии и эпсилон-лучам, пророкам ее. Поклонялись утром и вечером, причем довольно шумно. Тохтамыш привык, а нам с Гробусом было страшно.

Понимаете, ребятишки, когда монтировали жилые блоки, не предполагалось, что там будут бить в барабан размером с джакузи.

В результате повел нас Тохтамыш в свою берлогу. И тут важна такая деталь — как мы входили в блок, косманты видели. Как мы оттуда удирали, как входили в ангар для капсулы,— нет, да и вообще никто не видел. Мы такой цели не ставили, оно само получилось.

В берлоге у Тохтамыша нашлось и чего выпить, и чем закусить. А потом он показывал нам работу камер, установленных на зондах. Мы видели этих самых тауриндянских бабочек так, как будто они прямо на нас летели, щелкая зубастыми клювами. Видели мы и лилию Меркуса, конечно.

— Вон, вон, глядите, та уже просыпается,— радостно говорил Тохтамыш.— Вон там, подальше, проснулась! Красавицы вы мои!

Значит, сидим мы перед экранами, любуемся под еле слышимый гул гравикомпенсаторов, и тут подает голос силовая установка. Этак вопросительно:

— Пии-пии?

— Ты чего это? — спрашивает Тохтамыш.

— Пии-пии! — орет установка, и всем понятно: ругается.

— Не иначе операторы на пульте банкет устроили. Делать-то им сейчас все равно нечего. У них однажды крышка от тюбика горчицы в щель кожуха залетела, вентилятор заклинила, еле вытащили,— говорит Тохтамыш.— Гробус, ты там поближе, нажми зеленую кнопку и прекрати эту истерику. По-по-погоди… Кто-то врубил установку!

Берлога колыхнулась.

Тохтамыш врубил связь и высказал все, что думает о пьяных операторах.

— А ты где? — спросили его голосом, не сказать чтоб избыточно трезвым.

— В капсуле я!

— И что?

— Она ползет к люку!

— Как — к люку?..

Связь прервалась. Восстановилась она минуты через две.

— Тохтамыш, у нас конь!

— Откуда?!

— Вот разбираемся! Все блокировано! Все…

Связь померла, три монитора из четырех погасли.

Конем, господа курсанты, называли тогда программоид, который внедряется в систему и наводит там свои порядки. Почему конь — не знаю. Троянский? Хм… Н-ну, тут я не знаток, вам виднее.

Именно этот конь перехватил управление капсулой. И она, встав в люке, уже ждала начала спуска.

Тохтамыш пытался это дело затормозить и взять власть в свои руки. Но конь блокировал и связь берлоги с машинным отделением. В общем, дело пахло диверсией серых корсаров.

— Скафандры! — заорал Гробус. И мы понеслись искать скафандры, в которых выходила обычно на поверхность рабочая бригада. Они аккуратненько висели в том же отсеке, где хранились и экзоскелеты.

И вот теперь самое время сказать, что сила тяжести на Тауринде примерно в два с половиной раза больше земной. В экзоскелет вмонтировано устройство, позволяющее эту беду как-то компенсировать, но все равно — слишком долго в нем находиться нельзя.

Посмотрели мы на эти скафандры и на эти экзоскелеты — и содрогнулись. А капсула меж тем плавно вошла в коридор.

— Если я не совсем еще кретин, то корсары — в капсуле,— говорит Гробус.— А нас всего трое.

— Но какого этого самого? — спрашивает Тохтамыш, имея в виду: на что корсарам Тауринда в такое опасное время.

— Это экспедиция за пыльцой! — заорал Гробус.

Если бы я сейчас так заорал — вы бы на неделю оглохли. Но у меня так даже не получится.

Тохтамыш минут пять башкой мотал и уши себе по-всякому растирал, пока они не заработали.

— Другого объяснения нет! Это значит, что они готовят атаку, и хотел бы я знать — на которую из планет нашей трассы,— говорит он.

Серые корсары промышляли на двух трассах, пока наши союзники, шупулянцы, их не уничтожили. Я даже подозреваю, что съели.

— Скинуть на поверхность пару бомбочек с пыльцой, а сорок восемь часов спустя прилететь и забрать все ценное,— добавляет Тохтамыш.— Вот только это может оказаться их последней операцией. А мы получим еще одну Тауринду.

— Если там состав атмосферы близок к тауриндской.

— На что же они нацелились?

— Какая разница? Если они не окончательные дураки, то они придут сюда за скафандрами. Ведь для Тауринды только эти и годятся,— сказал я.

Скафандров было десять. И весил каждый кило сорок, не меньше, потому что имел полную систему очистки воздуха и жизнеобеспечения, а срок автономной работы — семьдесят два часа. А как их носить на планете, где сила тяжести в два с половиной раза больше земной? Вот поэтому в комплект к скафандрам прилагаются экзоскелеты.

Но экзоскелеты не годились для лазанья по узким коридорам капсулы. Их вместе с содержимым прямо оттуда, где они стояли, спускали в люки, а потом затаскивали обратно. Мы поволокли скафандры в берлогу.

Она не была предназначена для долгой осады, оружия у нас тоже не имелось. Если бы берлогу попытались взять штурмом — там бы и настигла нас безвременная кончина.

В общем, картина такая: в крошечной берлоге на полу неровным слоем лежат скафандры, на скафандрах сидим мы

с Гробусом и произносим всякие неприличные слова, пока Тохтамыш пытается оживить систему управления.

Наконец ему удается наладить контакт — но это контакт с силовой установкой на орбитальной.

— Ура! — орем мы. Орем, естественно, не подумавши. Потому что способ не пустить серых корсаров на Тауринду — вот он, и мы его излагаем.

— Ребята, если я вырублю силовую установку, коридор пропадет,— говорит Тохтамыш.

— Ну и что?

— А то, что — знаете, на какой мы высоте? Капсула станет спутником Тауринды. Со своей собственной орбитой. А как ее с этой орбиты снимать, я не знаю!

Мы с Гробусом смотрим друг на друга и понимаем, что туда нам не надо.

Тохтамыш колдует дальше, поминая каких-то древних демонов, и оживляет несколько наблюдательных камер. А капсула меж тем все ближе и ближе к планетарной поверхности.

— Тохтамыш, где они засели? — спрашивает Гробус.

— Я думаю, в рубке, где обычно торчит дежурная бригада и играет в дембоквест на щелбаны.

— Странно, что они не идут за скафандрами.

Серые корсары были те еще сукины сыны, но в дальнем космосе крутились лет десять и знали, как готовиться к спуску. Если они как-то просочились на орбитальную и захватили капсулу — значит, не один день к этому безобразию готовились. Должны были знать, что для Тауринды изготовлена партия специальных скафандров! Да и про берлогу они должны были знать, найти схему капсулы несложно.

И вот тут мы засомневались…

— Тохтамыш, ты тут сиди и, если получится, блокируй люки,— проговорил Гробус,— а мы пойдем в разведку. Есть тут у тебя хоть какие-то тяжелые тупые предметы?

Тохтамыш постучал себя по лбу.

Ребятишки, есть вещи, которым в Разведкорпусе не учат. Вот не учат, например, как из обычного мужского носка и консервной банки изготовить смертоубийственное оружие. Если больше не из чего — и это годится.

Вооруженные четырьмя банками, мы выбрались из берлоги и полезли к рубке. Тохтамыш остался сражаться с электроникой.

— Давай сперва посмотрим, как там поживают экзоскелеты, — сказал Гробус. — Умный человек бы первым делом занялся ими и скафандрами, ты же помнишь, сколько приключений было с «Кентавром-7».

Еще бы я не помнил эту модель! Идея была прекрасная — конструкция с четырьмя ногами и двумя руками могла тащить на себе неимоверное количество груза, на испытаниях даже жилой модуль поволокла, но каково запертому в ней человеку с шестью конечностями управляться? В режиме «иноходь», когда обе правые ноги и обе левые ноги движутся одинаково, еще куда ни шло. Но вот режим «галоп» оказался сложной задачей. На тренажерах уже кое-как получалось, но при полевых испытаниях было разбито вдребезги немало «кентавров», пока у наездников что-то стало получаться.

— Корсары — не дураки. И если те, кто забрался в капсулу, еще не подняли переполох из-за пропавших скафандров и не возятся с экзоскелетами, то, значит…

— Значит, это — не корсары.

— Ф-фу!..

Это я, ребятишки, изобразил вздох облегчения.

— Но кто же тогда?!

А надо вам знать, что на дальних ответвлениях трасс иногда такая гадость вдруг заводится, что с ней может справиться только межзвездный вакуум. Ну, как-как? Выкинуть в вакуум,

и пусть себе там висят целенькие и невредимые. А вы думали, Разведкорпус — это школа медперсонала для домов престарелых?

— Транслейтер... — пробормотал Гробус.

Вот его-то у нас и не было. Для переговоров с корсарами он не требовался, почти все они знали интерлингву, но мало ли из каких щелей пространства выползли те, с кем мы собрались воевать консервными банками? Кроме того, действия корсаров можно было как-то просчитать. Например — мы знали, что они не станут портить капсулу, потому что в ней еще обратно подниматься, они будут ее беречь. Но если в капсуле оказались существа, не знающие ее устройства, дело может кончиться очень плохо.

Да, существа. Вы подумайте — если они не проявили интереса к скафандрам, изготовленным для двуногого и двурукого астронавта, то сколько же у них конечностей? Или — какого они роста? Или — хвост! В человеческом скафандре емкость для хвоста отсутствует, а у тех же шупулянцев он имеется, да еще какой!

И вот теперь вообразите наше с Гробусом положение. Оружия — нет, нормальной связи с орбитальной — нет, в капсуле — непонятно кто, капсула вскоре опустится на планету, представляющую, если вдуматься, угрозу для человечества. Ведь если пыльца проклятой лилии попадет на орбитальную — там вскоре такой ботанический сад образуется, что придется ее отбуксировать подальше и уничтожить.

Итак, мы подбираемся к рубке и настроение у нас препаршивое.

— Чтоб я сдох... — бормочет Гробус. — Ты посмотри...

Я смотрю на дверь рубки и понимаю, что она не заперта. Красный квадратик не горит. А это же в инструкции прописано — находясь в рубке, закрывать ее изнутри до момента опускания на поверхность.

Так более того — она и не до конца задвинута, эта дверь. И сквозь щель слышны голоса, причем человеческие! Невнятно, однако не шупулянский скрежет и не мыррийское кваканье пополам со свистом. Тут-то мы и понимаем, кто там засел.

— Туристы, чтоб им укорениться и зацвести! — рычит Гробус.

А туристы, ребятишки, это такая фауна, что, будь моя воля, истреблял бы в момент рождения. Думаете, они путешествуют, чтобы смотреть на красивые пейзажи? Они за сувенирами летят. А какой сувенир на Тауринде? А шкурки ползунов. Проку от них мало, но чтобы повесить дома над камином — вполне годятся. Ну и зубастые бабочки тоже — самая добыча для туриста.

Значит — что? Ну, кто догадается? Правильно, курсант. Они вооружены. У них, скорее всего, арбалеты с гарпунами. А не хотел бы я, чтобы меня этак загарпунили.

Мы отползли и устроили военный совет.

И знаете, что мы придумали?

Нет. Нет. Нет. И это — нет. Проще надо быть, ребятишки. Еще проще! Вот!

Пошли мы к экзоскелетам, которых на борту было шесть штук, и вынули из всех шести такую маленькую стальную коробочку, вот такусенькую. В этой коробочке сходятся все проводочки, все шнурочки, все волоконца. Без нее экзоскелет — такая же куча железа, как рыцарские доспехи на манекене. Как нам удалось выковырять эти блоки и разомкнуть клеммы — не спрашивайте. С большим трудом!

Ну, сделали мы это и вздохнули с облегчением, потому что без экзоскелета на Тауринде делать нечего. Однако рано мы вздыхали.

Тохтамыш все это время колдовал и шаманил над электроникой. Кое-что удалось. В частности — он получил приказ

с орбитальной немедленно переводить управление капсулой в ручной режим и ползти обратно наверх. Как это сделать — ему не сказали. А сказали, что для того его тут и держат, чтобы справлялся с нештатными ситуациями. И тут же связь прервалась.

— Восстанавливай! Надо наверх доложить про туристов, — сказал я. — Посмотреть, у кого есть разрешение для работы на этой трассе, и ликвидировать лицензию немедленно. Я понимаю, что в турфирмах сидят красивые женщины, но насколько же надо быть красивой, чтобы этим компенсировать полное отсутствие мозгов?

— Ты полагаешь, что в капсуле есть женщина? — спросил Тохтамыш.

— Кто-то же должен сопровождать группу.

— Женщина?!

И тут нам стало страшно.

У меня первая мысль была: сейчас Тохтамыш побежит и удавит ее. У Гробуса: сейчас Тохтамыш побежит и... Ну, ребятишки, вы меня поняли. У тех, кто работает на небольших орбитальных, где слабому полу делать нечего, отношение к женщинам очень простое, я бы сказал, первобытное. Или — ненависть, или нечто совсем иное, чреватое сюрпризами. Был случай — один наш энергетик, ради заработка просидевший на орбитальной лишних два года, был спасен в последнюю секунду — он уже собрался совокупиться с паучихой. Есть на шестнадцатой трассе планета, где живут пауки, умеющие гипнотизировать все живое и, возможно, неживое. Потом он рассказывал: отлично видел, что паучиха, но она, хитрая тварь, как-то внушила ему, что она — женщина.

Тохтамыш выскочил из берлоги, мы понеслись следом. На бегу мы проклинали туристический бизнес всеми словами, какие знали, и потому скрежетали, крякали, квакали, шипели

и свистели. А что вы думаете — это первое, что усваиваешь, когда знакомишься с союзниками из других рас.

Мы изловили его уже возле рубки, схватили, повалили и, каюсь, на несколько минут лишили чувств. Все вы знаете, как это делается.

— Мало нам было хлопот, еще и лифтер взбесился,— говорит Гробус.— Но любопытно, кто перехватил управление капсулой. Не верится, что в турфирмах сидят такие специалисты. Лучшее, что они могут, это без посторонней помощи провести сравнительный анализ цен в отелях.

— Да, меня это тоже смущает,— соглашаюсь я.— Такое могли проделать корсары, но мы уже поняли, что это не корсары. Нужен человек, который мыслит всеми этими электронными категориями. Услуги человека, способного устроить такую диверсию, дорогое удовольствие. А выбор у нас небольшой — или корсары, или туристы.

— И еще неизвестно, что хуже.

Мы сделали, что могли. Тот, кто после приземления вылез бы из капсулы, недалеко бы от нее ушел без экзоскелета. Но, цинически рассуждая, лучше бы ему отойти хоть метров на двести. Тогда бы нам с ним было меньше хлопот.

Объясняю! В радиусе сотни метров от посадочной площадки капсулы проклятых лилий нет, а ползунов и бабочек отпугивают всякими пищалками и вонялками. Те, что засели в рубке, имеют собственные скафандры — иначе они бы проявили хоть какой-то интерес к штатным. Выйдя на поверхность в собственном скафандре, турист сразу ощутит — сила тяжести не та. И вот, если он рухнет и распластается возле капсулы, нам придется спасать его и затаскивать обратно. Если вспомнить, что его вес увеличится для нас примерно в два с половиной раза, легко представить себе это удовольствие. А если он доберется до зарослей лилии Меркуса, то спасать его уже бесполезно — останется только пожелать счастливого цветения.

А капсула меж тем уже начинает тормозить. И тормозит очень плавно. То есть ее ведет опытная рука.

— Кто же там, в рубке, засел, филакрийский осьминог его удави?!

Да, вот именно так я заорал. Ничего, ребятишки, ничего, теперь вы знаете, как я буду орать на вас во время летной практики. И профессор Виленский тоже — только у него голос выше и проникновеннее. Так проникает — сутки глухой ходишь и башкой трясешь.

Тохтамыш подо мной зашевелился… Ну да, мы же на нем сидели. Во избежание. То есть опомнился.

— Гробус, Янчо,— говорит он нам.— Пустите меня… Я ничего не сделаю, я тихий… Я только в глаза ей посмотрю… В глаза посмотрю этой дурище!!!

— Тихо, Тохтамыш, тихо,— шепчем мы ему.— Капсула тормозит. Вот сейчас наши туристы выйдут из рубки, и придется с ними что-то делать… И неплохо бы сразу опознать модель скафандров…

К тому времени типовых моделей было то ли четырнадцать, то ли пятнадцать. И у каждой — обязательно какая-то недоделка, при грамотном ее использовании — несовместимая с жизнью. То есть мы могли несколько человек обездвижить, если бы знали, во что эта публика одета. И, ребятишки, мы понимали, что богатая турфирма может брать в аренду очень хорошие скафандры, уже доработанные умельцами.

— Тохтамыш, иди в берлогу, налаживай связь,— говорит Гробус,— а мы тут останемся. Постараемся этих дураков не выпустить на поверхность. И имей в виду — управление перехватил кто-то умный. Он или служил лифтером, или — талант прирожденный. Объясни начальству ситуацию и скажи, что мы делаем все возможное, лишь бы не выпустить туристов на поверхность.

— Но потом я смогу посмотреть ей в глаза? — спрашивает Тохтамыш.

— Боюсь, что только через прозрачную стенку толщиной в два пальца,— отвечает Гробус.— И она будет печально шевелить лепестками.

Тохтамыш вздохнул и пошел в берлогу. А мы спрятались за контейнером с отработанными брикетами термобрикса и стали ждать.

Вот дверь рубки отодвинулась, вышел человек, и тут мы вздохнули с облегчением, хотя некоторое сомнение все же оставалось. Этот человек в зелененьком скафандре с красным крестом на спине и на груди несколько нас озадачил — такие скафандры носит медперсонал больших экспедиций. Следом появился другой преступник — тот был в голубом скафандре подводника, знаете, для работы на шельфе, на мелководных фермах. Платят там немного, так что имейте в виду — тех, кто не сдаст сессию, ждет ферма, где разводят съедобных диарейских медуз. Это было по меньшей мере странно, и мы дождались третьего чудака. Тот вылез в сиреневом термостойком скафандре. Модель знакомая, старенькая, рассчитана на температуру не выше двухсот градусов.

— Я понял,— шепчет Гробус,— это бродячий цирк…

— Ага, прибыл на гастроли в полном составе …

Турфирмы, работающие на трассах, обычно арендуют скафандры, своих не имеют. Им, конечно, самую лучшую одежонку никто не даст, но, по крайней мере, выдадут одинаковое барахло. И мы пришли в ужас при мысли, что завелись какие-то самозванцы, которые продают туры на опасные планеты за бешеные деньги, а экипировку выдают такую, которую удалось найти на помойке. Но в этом была логика — такой фирме главное получить деньги за тур, а останутся ли туристы живы, ее не волнует.

И вот тут мы дали маху — заспорили о способах смертной казни для дирекции таких фирм-однодневок. Я предлагал свозить их на Тауринду — и пускай цветут махровым цветом. Гробус возражал, что это, в сущности, безболезненно, а вот скармливать их стремтийским комарам — самое подходящее, два дня мучений обеспечены.

Мы думали, что успеем нагнать этих циркачей у выхода из капсулы, но не учли одной мелочи. Надо было сразу проверить грузовой отсек, мы-то решили, что он пуст, однако там оказалась танкетка. Хорошая штука для езды по пересеченной местности: широкие гусеницы, надежная кабина. Вот только втроем там тесновато, а к нашим клоунам присоединился еще и четвертый — в малиновом скафандре для перевозки инфекционных больных. Мы уже ничему не удивлялись.

Им удалось сесть в танкетку, а оттуда их уже не выковыряешь, она только филакрийскому осьминогу по зубам, он своими клювами не то что танкетку — капсулу перекусить может.

Блокировать выход мы не могли — нечем было, Тохтамыш никак не мог вернуть власть над капсулой. Ложиться под гусеницы не хотелось. И тут у Гробуса случилось озарение. Настоящее, ребятишки, какое раз в сто лет бывает! Недаром же Гробус четверть века спустя стал вашим любимым профессором Виленским. Что? Не слышу. Я сказал — любимым. Ну да, я знал, что вы возражать не будете.

Я-то хотел сразу бежать к экзоскелетам, чтобы влезть в них и атаковать танкетку. Но умный Гробус предложил:

— Погоди. Давай сперва заглянем в рубку. Сдается мне, что тот, кто перехватил управление капсулой и полями, был там. Ты заметь, как он оттормозился… Что-то мне подсказывает, что его с собой не взяли, а оставили дневальным по пищеблоку…

И точно. Сидит в рубке парнишка лет двенадцати, а скафандр на нем был пятнистый, камуфляжный, вроде тех, что

носили наши чернокожие диверсионные группы во время последнего конфликта на седьмой трассе. Там взрослый мужчина был как раз ростом с этого мальчишку, но не советовал бы я вам, ребятишки, втроем выходить против такого малыша.

Но это дитятко, этот налысо стриженный ангелочек, сидело перед портативным пультом ручной сборки. Знаете, есть такие мастера — возьмут блок питания от чайника, динамоплату от вертушки, вентилятор от газообменника, два метра медной проволоки, горсточку болтов и гаек, поковыряются — и вот вам винтолет, способный нести полкило груза. Этот пульт, мы сразу поняли, собран умельцем — вид у него был корявый, что-то не влезло до конца и торчало, провода висели. Но парень работал сразу двумя руками на двух экранах.

— Та-ак… — сказал Гробус. — Держи его! А я решу проблему раз и навсегда!

Я схватил ангелочка в охапку, а Гробус шваркнул пульт на пол и еще попрыгал на нем. Дитя разрыдалось.

— Ну, капсула свободна. Не реви, новый соберешь! Кто эти злые дядьки, что тебя наняли? — спросил Гробус.

— Уы.. Ыу… Э-э-э… — ответил ребенок.

— Филакрийские демоны! Симбионт! — заорал я.

Ребенок был накачан наркотиком, который вы уже не застали, назывался он «Симби». Эта гадость вошла в моду у подростков, потому что, с одной стороны, расширяла сознание, так что возникало идеальное взаимодействие с электроникой на физиологическом уровне, а с другой — сужала сознание и симбионт, ощущавший себя половиной своего пульта, терял дар человеческой речи.

— Гробус, мы освободили капсулу, но утратили связь с танкеткой, — сказал я.

— Да пропади она пропадом… Люди, которые способны так издеваться над ребенком, заслужили свою порцию пыльцы.

— Да разве я спорю? Но нужно понять, что эта идиотская экспедиция означает!

— Тащи ребенка к Тохтамышу, а я активизирую два экзоскелета.

Через двадцать минут мы ступили на почву Тауринды. То есть ступили металлокерамические ноги экзоскелетов.

Все в этом изобретении хорошо, одно плохо — бегать не умеют. Они шествуют! На нас были прекрасные скафандры с идеальной защитой, мы совершенно не чувствовали перегрузок, но мы шествовали со скоростью три километра в час.

Те слова, какими сопровождал наш марш Гробус, произнести в приличном обществе невозможно. Десять минут без передышки и не повторяясь — пока мы не дошли до первого островка лилии Меркуса. Она, естественно, цвела, точнее — зацветала, один адский бутон уже почти распустился. А дальше мы увидели то, что преисполнило наши заскорузлые мужские души младенческой радостью. Перегруженная танкетка не выдержала крутого подъема и завалилась набок. Защитный колпак отвалился. Наши клоуны высыпались на бурый тауриндянский песок и не могли сдвинуться с места. Высыпался также их багаж — ящики, ящички и большая катушка с разноцветной проволокой.

— Чтоб я сдох,— говорит Гробус.— Это же электропастух для черепах!

Я знал, что на черепашьих фермах в период кладки яиц пляжи огораживают — чтобы самки не разбегались во все стороны и не рыли ямы за пять километров от кормушек. Но кого собирались пасти на Тауринде эти чудаки?

Мы неторопливо подошли к ним и включили все дополнительные гарнитуры внешней связи.

— Кто вы и зачем сюда прибыли? — спросил я.

— Не ваше дело,— ответил сиреневый скафандр.

— Кто вы и зачем сюда прибыли?

— Не ваше дело.

— Добром не понимают,— заметил Гробус и выставил штатный шестиствольник экзоскелета.— А ну, своим ходом — живо к капсуле. Считаю до пяти. Отставшего бью по ногам.

Один из стволов действительно бьет мелкой резиновой картечью, но клоуны этого не знали.

— Не имеете права! — завопил зеленый скафандр.— Это частная собственность!

Вот тут мы и обалдели.

— Частная собственность на Тауринде?!

— Да!

— Вот прямо здесь?!

— Джо, покажи им карту, чтобы они наконец отстали!

Джо, клоун в голубом, лежавший на спине, включил нагрудный экран, и мы увидели план здешней местности. Мы увидели относительно круглую площадку для старта и посадки капсулы, с бетонными бортиками, подъездной дорожкой и прочим добром. Мы увидели две дороги, ведущие к шахтам. А еще — очерченный красным прямоугольник, на территории которого мы и находились. Но что любопытно — на карте отсутствовали островки лилий. А ведь им там следовало торчать в первую очередь.

— Странно...— пробормотал Гробус.

— Вы на моей земле, убирайтесь!

Вот когда зеленый скафандр, еле подняв руку, обвел пальцем свои владения, мы поняли, как обычный мирный лейтенант Разведкорпуса может стать неуправляемым убийцей.

— Ты, сынок, наверно, принял нас за роботов из шахты,— ласково сказал Гробус, вы все знаете этот нежный голосок профессора Виленского.— А мы — патруль Разведкорпуса, вот личные знаки!

Над здоровенной ручищей экзоскелета, протянутой к клоунам, где-то в районе локтя, образовался голокуб, а в кубе по голосовой команде возник алый щит Разведкорпуса

со всеми геральдическими выкрутасами и портретом Гробуса в верхней части. Я активизировал голографическую установку и предъявил щит со своим портретом.

— Не имеете права — заявил зеленый скафандр. — Частная собственность!

— Да пойми ты, нет на Тауринде частной собственности! Две компании ведут разработку недр, получили на это лицензии в дирекции сорок седьмой трассы, вот и все! — Гробус уже начал сердиться.

— Погоди, тут какое-то надувательство, — сказал я ему и обратился к зеленому скафандру: — Ты что, купил кусок Тауринды?

— Купил — сорок квадратных миль!

— И кто же тебе эти сорок миль продал?

— Космотрассоинвестбанк!

Ребятишки, мы потом вместе с полицией за этим жульническим банком по всему космосу гонялись, но — это уже отдельная история.

— На основании чего? — строго поинтересовался Гробус.

— Как положено — я составил бизнес-план. Космический туризм, плантации, стадион.

— Стадион... — прошептал я. — Почему не кабаре?.. Почему не кегельбан?..

— Для кого стадион?

— Для колонистов. Вы что, не знаете, на спортивные объекты можно получить хороший кредит!

Клянусь — он смотрел на нас, как на двух идиотов.

— Так, — говорю, — большой спорт, значит? Олимпийские рекорды по ползанью на пузе и бегу на четвереньках.

— Почему?

— Потому что на ногах ты тут без экзоскелета шага не сделаешь!!! Ну, встань, встань, попробуй! Давай, поворачивайся и хотя бы встань на четыре точки!

Процесс занял две с половиной минуты. Но на четырех точках наш клоун не устоял — руки-ноги разъехались, почва-то песчаная, и он шлепнулся на пузо.

— Теперь понял? — нежно полюбопытствовал Гробус.

— Что это такое?! — спросили все четыре скафандра разом.

— Это Тауринда, сынок. Ты знал, так тебя и перетак, башкой в трансфукатор и задницей на термоштатив, какая здесь сила притяжения?

— Про притяжение в контракте ничего не сказано!

— А что в нем сказано?!

— Не орите на меня! Это — моя собственность!

С немалым трудом наши клоуны перевернулись так, чтобы из положения «лежа» перейти в положение «сидя». И остались сидеть на буром песке, примерно метрах в тридцати от зацветающих лилий.

И вот они сидят и смотрят на нас — с ненавистью и презрением, ибо мы — низшие существа, которым не дано понять силу и власть контракта. А мы сверху смотрим на них — тоже с ненавистью и презрением, потому что перед нами — четыре идиота.

— Слушай, Гробус, — говорю тут я, — все это добром не кончится. А кончится четырьмя трупами.

— Почему?

— Хотя бы потому, что они сидят.

— Ах, чтоб им!..

Догадались, в чем дело, ребятишки? Ну?

Правильно! Кровь! Молодец, курсант. Считай, зачет у тебя в кармане. Кровь тоже имеет вес, балбесы! И под тяжестью собственного веса кровь отливает от мозга и плохо поднимается по сосудам к этому самому мозгу. Результат — кислородное голодание и смерть клеток.

— Ну, хотите вы, детки, или не хотите, а придется вам вернуться в капсулу, — говорит Гробус и делает из рук экзоскелета

клешни. Правой клешней он хватает за шиворот голубой скафандр, левой — сиреневый скафандр и шествует к капсуле, а эти красавцы знай себе вопят, да еще и брыкаться пытаются.

— А я, значит, вас потащу, детки,— сообщаю я зеленому и малиновому скафандру.— И начхать мне на твой контракт. Ты понимаешь, покойнику контракт не нужен.

— Буду жаловаться! На самоуправство!

— Потом глянешь в архивах, чем кончались все иски к Разведкорпусу. Ну, поехали!

По дороге мой зеленый собеседник талдычит про частную собственность, а я ему напоминаю, что у него в анамнезе — угон капсулы. И вот так, мирно дискутируя, мы к этой самой капсуле приближаемся. А там Тохтамыш уже наладил связь, взял под контроль все функции и ждет нас с распростертыми объятиями.

Мы втащили нашу добычу в капсулу и опустили на антигравитационный пол. Четверо клоунов полежали, очухались, и тогда Тохтамыш пригласил их в рубку. При этом он их разглядывал очень внимательно — ожидал, наверно, хоть из одного скафандра вытащить женщину.

В рубке сидел на полу несчастный ребенок и пытался хоть что-нибудь собрать из обломков пульта.

— За парня будете отвечать особо,— предупредил Гробус.— Садитесь, голубчики. Тохтамыш, приступай к допросу. Это твоя капсула, твое рабочее место, имеешь право.

Когда клоуны вылезли из скафандров, мы увидели обычных лысоватых и пухлых клерков. Тот, что носил зеленый скафандр, очевидно, был главный — потому что контракт оказался составлен на его имя. Звали его Эрвин Блейк.

Тохтамыш немного помолчал, давая возможность Блейку вдоволь накричаться о святости контракта и неприкосновенности частной собственности. Наконец он заговорил:

— Ну и зачем понадобилось угонять капсулу?

— Мне нужно было как можно скорее вступить в права собственности. По закону, когда ты на своей территории и она огорожена, ты можешь ею распоряжаться. Вы что, таких простых вещей не знаете?

— В дальнем космосе не так уж много частной собственности, чтобы помнить все эти юридические штучки. А на Тауринде ее быть не может в принципе.

— Тауринда материальна? Материальна! Значит, частная собственность может быть! — возразил Блейк. И понес ахинею о том, как он покупал свои сорок квадратных миль через банк.

— Про лилию Меркуса тебе там хоть слово сказали?! — зарычал Гробус.

— Сказали! Так мало ли где что растет!

— Про силу тяжести?

— Сказали, что немного выше обычной.

— Ну, ты сам убедился, насколько выше. И что стадионы на Тауринде — это бред филакрийского осьминога в брачный период. Прочитать десять строчек в Большом космическом атласе…

— Где?

Он действительно не знал о существовании атласа. А знаете, ребятишки, что он ответил, когда Тохтамыш спросил:

— Но до какой же степени нужно спятить, чтобы покупать участок непонятно где?!

— Я должен был срочно вложить деньги.

— Зачем?

— У нас восьмой глобальный кризис. Если в конце седьмого сильванский реал стоил четырнадцать интердукатов, то в начале восьмого — двенадцать, а трое суток назад — семь! Вы можете это представить? Сильвербанк поднял кредитные ставки до десяти и семи, у транссистемы курс в пересчете на условные монеты — сто сорок, а еще эти проклятые тридцать два процента! Не понимаете? Я должен был хоть что-то купить, пока семь, а не пять или вообще четыре!

Мы с Гробусом, не сговариваясь, сказали:

— Брр!

И тогда мы, два наивных бойца Разведкорпуса, стали ему объяснять его ошибку. Да как! Ну, как малому младенчику. Или как первокурснику нашего колледжа. С интонациями доброй нянюшки, которая учит деточку мыть ручки перед едой.

— Ты слыхал такое слово «реклама»? — спрашивает Гробус.

— Слыхал, конечно.

— Так вот, это — ругательное слово. Давай я тебе отрекламирую нашу Джимми.

Джимми тогда служила в Разведкорпусе, и на полосе препятствий парни не могли угнаться за этой девчонкой.

— А зачем?

Удивление Блейка было нам понятно — мы уже догадались, что, кроме денег, его лысая голова ничего не вмещает.

— Сейчас поймешь. Вот как бы выглядело объявление в Службе знакомств: «Привет, я — Джимми, ветеран Разведкорпуса, характер решительный, улыбка — солнечная, объем бицепса — сорок восемь сантиметров, хочу осесть на какой-нибудь поверхности и создать семью». Кто, как ты думаешь, откликнется?

— Дамы?

— Дамы! И только потом, примчавшись на свидание, они обнаружат, что у Джимми не хватает одной детальки чуть пониже пояса. Деталька некрупная, но в ней-то все дело! А ведь в объявлении — чистая правда! И вот так вся реклама — обязательно не хватает какой-нибудь мелочишки, без которой как оно есть на самом деле, ни за что не догадаешься!

— Ну, господа, хватит разговоров, поднимаемся на орбитальную,— это уже Тохтамыш не выдержал.— Вот там мы все будем говорить много и выразительно.

— Нет! Нельзя! — заорал Блейк. — Я должен остаться здесь и закрепить право собственности! Огородить участок и при свидетелях занять его!

Огромная катушка с «электропастухом», как вы уже догадались, как раз для ограды и была предназначена. А теперь вообразите, как бы он натягивал это по периметру огромного участка в виде прямоугольника. Тот, кто продал ему кусок Тауринды, нарисовал этот прямоугольник, совершенно не беспокоясь о рельефе и махнув рукой на то, что «электропастуха» придется тащить через заросли проклятой лилии.

— Чудак, зачем тебе закреплять право собственности? Кто на это место может покуситься, кроме ползунов и бабочек? — спрашиваем мы. А он одно долдонит — потратил кучу денег, привез правильных свидетелей, присяжного риэлтора и нотариуса, привез оператора, чтобы снять процедуру оформления, он обязан вступить в права собственности, хоть начнись на Тауринде всемирный потоп, что ей, кстати, не угрожает — воды там мало, и почти вся в подземных озерах.

— Ну, закрепишь, и дальше что? — наконец догадался спросить Гробус.

— А дальше я этот участок уже могу продать! Пока курс реала растет, а кредитные ставки Сильвербанка держатся, а транссистема к тридцати двум процентам хочет прибавить еще полтора, и если там уже вместо семи — пять, то я должен действовать очень быстро!

— Значит, ты собрался обмануть какого-нибудь простофилю точно так же, как обманули тебя? — сообразил Тохтамыш. — И точно так же не расскажешь про лилию Меркуса и силу тяжести?

— А как же стадионы? — спросил Гробус. — Олимпийские игры как?

Ответа не было. Одна только гримаса — что вы, тупые разведчики, понимаете в высоком и благородном искусстве бизнеса?!

— Пошли,— сказал тогда Тохтамыш.— Давай ко мне в берлогу.

— А эти?

— Пусть посоветуются.

Мы пошли в берлогу, связались с орбитальной, дальше по линии быстрой связи затребовали аудиенцию у своего начальства. Разговор вышел долгий, а старый мудрый Тохтамыш, понимая, как мы переволновались и устали, выставил на столик дюжину банок прекрасного успокоительного средства и закуску к нему.

Про наших клоунов мы временно забыли. А когда вспомнили — действительно забеспокоились, они же там, в рубке, голодные сидят.

— Думаю, что о них беспокоиться уже незачем. Они сами себя прокормят. Не сейчас, так через сутки,— задумчиво произнес Тохтамыш.— Когда корни отрастят.

Он знал, что эта компания сбежит! Он дал ей возможность сбежать! Блейк, наверно, хорошо заплатил свидетелям, если они, невзирая на силу тяжести и опасные цветочки, потащились пешком огораживать участок. А скафандры у них, как я уже говорил, против пыльцы бессильны.

Мы отправились в погоню со скоростью три километра в час. И мы, естественно, опоздали. Наши голубчики уползли недалеко и устроили привал как раз возле островка цветущих лилий.

Они еще не разбухли настолько, чтобы на них лопнули скафандры, но к тому шло. И они уже почти не соображали.

— С бизнесменами куча проблем. Они бы еще иск вчинили за сломанный пульт и за словесные оскорбления, с них станется,— сказал Тохтамыш.— И вы что, не заметили, как этот, в инфекционном скафандре, все время вел съемку? А с лилиями проблем нет. Посмотрите, какие четыре прелестных кустика. Думаю, через несколько суток и бутоны появятся.

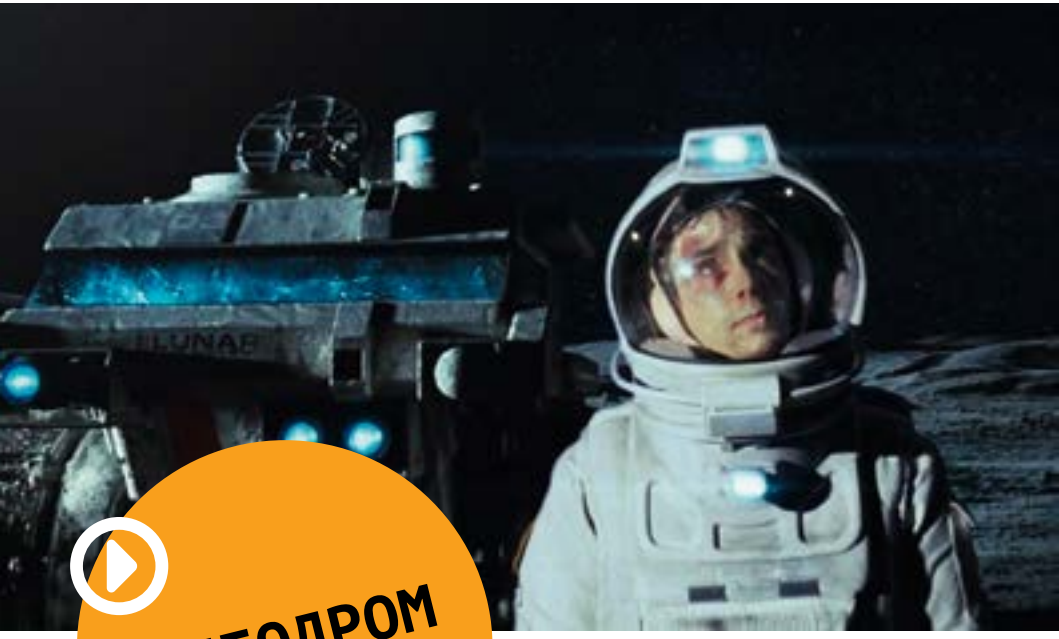
Но мы не стали дожидаться бутонов и цветочков. Нам еще предстояла возня с онемевшим ребенком — поиски его родителей, поиски врачей, заявление в полицию. Хотели мы также прибрать к рукам танкетку, но передумали.

Так что, ребятишки, если кого-то из вас будут соблазнять покупкой участка на Тауринде… Курсант, вы там поближе к экрану, выведите картинку, которая так и называется «Четыре куста прекрасной лилии». Все посмотрели? Все запомнили? А теперь — строиться на обед!

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

(род. в г. Риге).

Живет в Латвии. Окончила филфак Латвийского госуниверситета. С 1974 г. активно занимается журналистикой, публикуется как поэт. Прозаический дебют — историко-приключенческая повесть «Запах янтаря» («Даугава», 1981). Ее иронические детективы объединены в несколько сборников: «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995), «Демон справедливости» (1995) и «Охота на обезьяну» (1996). Повесть «Обнаженная в шляпе» была экранизирована (1991). В фантастику пришла в 1983 г. с повестью «Бессмертный Дим»; широкую известность ей принесли повести и романы «Дверинда» (1990), «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998), «Аметистовый блин» (2000), «Дайте место гневу божию» (2003) и др. Полная версия романа «Шайтан-звезда» (2006) была включена в шорт-лист «Большой книги». Дважды лауреат приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказы, опубликованные в «Если». На ее счету премии фестивалей «Фанкон», «Зиланткон», «Басткон». Член Союза писателей России. В последние годы публикуется под псевдонимом Дарья Плещеева.

ВИДЕОДРОМ

«Луна 2112»: в 100 тоннах реголита содержится примерно грамм гелия-3

ТОРГОВЦЫ КОСМОСОМ:

ВНЕЗЕМНАЯ ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС В НФ-КИНО

/фантастика /космические полеты

Александр ЧЕКУЛАЕВ

Хотим ли мы того или нет, но пока природа человека остается прежней и построение цивилизации дистиллированных альтруистов выглядит полной утопией, деньги продолжают править миром. Так что есть все основания полагать, что вероятная галактическая экспансия человечества хоть и будет содержать в себе романтический аспект, ее маршевым двигателем станет экономика. Другое дело, не вполне ясно, какие формы примут экономические модели грядущего освоения космоса.

Если обратиться к кинофантастике, то мы увидим, что авторы фильмов чаще всего переносят на пажити небесные существующие бизнес-технологии, не слишком задумываясь об их эффективности в новых условиях. Нам просто предлагается поверить в то, что вывозить анобтаниум с Пандоры выгодно. И мы охотно верим, не требуя от Джеймса Кэмерона предоставить расчеты и гроссбухи. В конце концов, «Аватар» — это кино, а не заседание совета директоров какой-нибудь мегакорпорации!

Путями первопроходцев

И все же как представляли ранее и представляют сейчас кинематографисты экономические основы освоения космоса? Ранние фильмы чаще всего аккуратно обходят этот вопрос молчанием, напирая на энтузиазм одиночек, собирающих аппараты для покорения межпланетного пространства на личные средства. Предполагалось, что, скажем, полет на другую планету — это вроде достижения Северного

«Женщина на Луне»: в гости к селенитам — за самородным золотом!

«Чужая земля»: космические шахтеры так же чумазы, как и земные

полюса. Момент престижа, а не пролог к эксплуатации новооткрытых ресурсов.

У Жюля Верна в романе «Из пушки на Луну» средства на постройку колоссального орудия «Колумбиада» и обитаемого снаряда собрали по подписке — $5 446 675. Что любопытно, наибольший вклад внесли россияне (368 733 рубля). И никаких слов о какой-либо финансовой отдаче. В экранизации Жоржа Мельеса («Путешествие на Луну», 1902) о финансовой стороне дела — молчок.

Но уже в «Женщине на Луне» (1929) Фрица Ланга экономический интерес в освоении естественного

«2001 год: Космическая одиссея»: орбитальный клипер компании «Pan Am»

спутника Земли встает в полный рост. Поверив в теорию о наличии в недрах нашей небесной соседки залежей золота, ряд не слишком щепетильных бизнесменов, почуяв наживу, подключается к фигурирующей в картине ракетной экспедиции.

В фильме «Место назначения — Луна» (1950) Ирвинга Пичела, основанном на ряде сюжетных ходов романа Роберта Хайнлайна «Ракетный корабль «Галилео», государственные институты отказываются финансировать космическую программу. Поэтому деньги на экспедицию собирают в среде частного капитала.

Забавно получилось с «Первыми людьми на Луне» (1964) Натана Юрана, снятым по мотивам одноименного романа Герберта Уэллса. Изобретя

экранирующее гравитацию вещество кейворит, ученый Кейвор движим научным любопытством и всего лишь хочет побывать на Луне, в то время как его напарник Бедфорд, несмотря на хваткость и предприимчивость, совершенно не понимает колоссальных возможностей применения чудесного изобретения, видя в нем лишь источник производства невесомых подносов, сапог-скороходов и прочей бытовой мелочи.

Новые ресурсы

В 70-х годах XX века стало ясно, что человечество слишком быстро расходует невозобновляемые ресурсы родной планеты. И рано или поздно (скорее, рано) людям придется искать их за пределами Земли. Неудивительно, что соответствующие мотивы стали чаще находить отражение в фантастическом кино.

«Странники»: очистка орбиты от космического мусора — тоже бизнес

И вот межзвездный буксир «Ностромо» из «Чужого» (1979) Ридли Скотта везет к Земле груз в 20 миллионов тонн руды. В «Чужой земле» (1981) Питера Хайамса космические шахтеры добывают на спутнике Юпитера Ио сырье для выплавки титана. В «Луне 2112» (2009) Дункана Джонса человеческие клоны управляют

лунной базой по извлечению из реголита гелия-3. Заметим, что в фантастической комедии Тимо Вуоренсолы «Железное небо» (2012) гелий-3 использовался засевшими на Луне нацистами в качестве топлива для межпланетных цеппелинов. А в «Дюне» (1984) Дэвида Линча экономика всей галактики фактически завязана на спайс — ключевой ресурс, без которого невозможна межпланетная навигация! Про аноботаниум из «Аватара» (2009) мы уже упоминали — сверхпроводниковый материал, способный левитировать в магнитном поле, стоит того, чтобы тащиться за ним в систему Альфа Центавра.

Логика колонизации иных планет с иными природными условиями, нежели на Земле, требует вклада в их терраформирование. Именно поэтому в «Чужих» (1986) Джеймса Кэмерона и «Красной планете» (2000) Энтони Хоффмана земляне вкладываются в изменение других миров по своему вкусу. А в фильме «Вспомнить все» (1990) герой Арнольда Шварценеггера врубает инопланетную машину по производству кислорода на Марсе, вопреки воле местного монополиста, контролирующего лояльность населения с помощью цен на воздух.

Не стоит забывать о такой статье дохода, как вторичная переработка ресурсов. В анимационном фильме «Титан: После гибели Земли» (2000) хорошо показан бизнес по утилизации старых космических кораблей. И о такой вещи, как очистка пространства от орбитального мусора. Этот процесс с поразительным реализмом описан в аниме «Странники» (2003–2004) о трудовых буднях команды космических мусорщиков компании «Текнора». Любопытно, что

«Аватар»: аноbтаниумом авиаинженеры США в 50-х в шутку называли титан

в данном случае борьба за чистоту космоса считается необходимой, но, в целом, убыточной деятельностью.

Бренды среди звезд

Когда Стэнли Кубрик снимал свой шедевр «2001 год: Космическая одиссея» (1968), он предположил, что в начале XXI века СССР все еще будет существовать — и промахнулся. Зато не ошибся в том, что останется на плаву такой бренд, как «Аэрофлот», хотя другой транспортный гигант — компания Pan Am — приказал долго жить, не успев запустить на орбиту ни одного пассажирского челнока.

У последователей Кубрика редко хватает духу предсказать в фильмах эволюцию реально существующих корпораций в свете космической экспансии, к тому же не все фирмы дают разрешение использо-

вать свои торговые знаки на экране. Поэтому чаще всего кинематографисты используют вымышленные бренды, которые тем не менее становятся широко известными в среде ценителей НФ. Как, например, корпорация Weyland-Yutani из цикла про «чужих»: ее история продумана настолько подробно, что мы даже знаем дату ее основания — 11 октября 2012 года.

Девиз мегакорпорации Weyland-Yutani призывает строить лучшие миры

Надо заметить, что тенденцию к укрупнению бизнеса до транснациональных корпораций, прослеживавшуюся все последние десятилетия, кинохудожники отражают вполне четко. Мир будущего в их представлении — поле, на котором резвятся мультизадачные гиганты индустрии, стремящиеся получить прибыль во множестве отраслей. Так, все та же Weyland-Yutani производит звездолеты, компьютеры, андроидов, оружие и всевозможное промышленное оборудование. Union Aerospace Company из цикла компьютерных игр DOOM и их киноверсии 2005 года режиссера Анджея Бартковяка занимается биотехнологиями, оружейным бизнесом и научными разработками в области телепортации. А титульная компания из фильма Эндрю Никкола «Гаттака» (1997) одновременно является аэрокосмическим синдикатом и биотехнологическим концерном, осуществляющим легализованную евгеническую селекцию людей.

Логотип Union Aerospace Company из знаменитой вселенной DOOM

Частник в космосе

Как бы там ни было, крупная рыба не может существовать в пруду одна, без соседства мелкой, которую она будет стремиться скушать. И как ни завораживают картины могущества межзвездных финансо-

во-промышленных монополий, уверенность в том, что малый частный бизнес выживет и в космосе, авторов НФ-фильмов и сериалов не покидает.

Всегда есть щель, в которую не влезет щупальце крупного капитала. Хотя эта щель чаще всего оказывается ведущей на этически шаткую территорию теневых сделок и прямо противозаконных деяний. И вот Хэн Соло из «Звездных войн» промышляет контрабандой на своем «Тысячелетнем соколе», в то время как некогда всесильная Торговая федерация, контролировавшая более десятка планет в «далекой-далекой Галактике», поглощена Империей, повторив судьбу вполне себе земной Вест-Индской компании. А капитан Малькольм Рейнольдс из сериала «Светлячок» (2002–2003) и фильма «Миссия «Серенити» (2005) водит за нос правительственно-корпоративный межпланетный конгломерат Альянс, занимаясь все той же контрабандой, но не гнушаясь и легкого грабежа — особенно тех, кто привык грабить других.

Герои ленты Стюарта Гордона «Космические дальнобойщики» (1996) доставляют разнообразные грузы («от квадратных свиней до антигравитационного пива») с Тритона на Землю, успешно противостоя приватизировавшему земное правительство мегакапиталисту Э. Г. Сэггсу. И нельзя не вспомнить о всеобщих любимцах, команде компании «Планет Экспресс» из «Футурамы» (1999–2013), развозящей по Галактике самые гротескные грузы — правда, как парни не вылетают в трубу, наверное, не сможет объяснить даже их хитроумный бухгалтер, бюрократ 34-го уровня Гермес Конрад.

Конфликты интересов

История учит, что когда дипломатия пасует перед невозможностью разрешить экономические противоречия мирным путем, в ход вступают пушки. И решающее слово в объявлении боевых действий все чаще принадлежит не правительствам, а корпорациям. Вспомним, как Торговая федерация из I эпизода «Звездных войн» (1999) преспокойно вторглась на планету Набу, продавливая свои политические и экономические интересы без всякой оглядки на Галактический Сенат.

«Светлячок»: команда «Серенити» не считает контрабанду зазорным бизнесом

Другой пример возможного вооруженного конфликта приведен в фильме Кристиана Дюгуа «Крикуны» (1995): корпорация НЭБ (Новый экономический блок) вступает в войну с собственными рабочими из-за смертельно опасных условий добычи найденного на планете Сириус 6Б супертоплива бериния. Да такую масштабную, что в орбиту противостояния втянулся новосозданный Альянс для помощи сражающимся рабочим. В итоге начинается гонка вооружений, которая приводит к появлению эволюционирующих

«Космические дальнобойщики»: название трака «Пахидерм» означает «Слон»

роботов-убийц, ставших угрозой для обеих враждующих сторон.

Звездное казино

Удивительно, но в фантастическом кинематографе не так уж широко представлена индустрия развлечений, сервиса и межпланетного туризма. То есть, конечно, все помнят похожую на салун Дикого Запада кантину в Мос-Айсли, где Люк Скайуокер слишком близко познакомился с культурой потребления самых примитивных благ татуинской цивилизации. Но в целом сценаристы предпочитают не тратить цветы своей селезенки на описание соблазнов внеземного досуга — если, конечно, это не три груди мутантки из марсианского борделя, навеки запечатлевшиеся в памяти зрителей фильма Пола Верховена «Вспомнить все» («Не покупайте фальшивые воспоминания — летайте на Красную планету кораблями фирмы «Botco»!).

Тем не менее можно вспомнить роскошный круизный космолет-отель «Рай Флостона» из «Пятого

элемента» (1997) Люка Бессона, владельцы которого предлагают людям со средствами увлекательную экскурсию по Солнечной системе — в пределах светового часа от Земли. А в эпизоде сериала «Доктор Кто» — «Путешествие проклятых» (2007) — фигурирует межгалактический «Титаник», почти точная копия печально известного океанического лайнера.

Примерно тот же ассортимент развлечений можно будет получить в будущем не на борту фешенебельного звездолета, а на поверхности небесного тела. Например, в авантюрной комедии Рона Андервуда «Приключения Плуто Нэша» (2002) заглавный герой открыл на Луне шикарный ночной клуб, который, как намекается, стал самым преуспевающим заведением естественного спутника Земли благодаря легализации за пределами планеты-метрополии игорного бизнеса.

Охота за головами

Учитывая, что космическая экспансия подразумевает наличие расширяющегося фронтира и обширных «серых» экономических зон, где сложно будет обеспечить главенство закона, наверняка в будущем будет востребован бизнес баунти-хантеров. И кинематографисты с удовольствием вводят

«Футурама»: фирма «Планет Экспресс» доставит посылку для вашего мальчика!

«Пятый элемент»: круизный космолайнер «Рай Флостона» ждет богатых туристов

в сюжеты своих лент образы охотников за головами.

Те же «Звездные войны» подарили фанатам вселенной Джорджа Лукаса такого колоритного персонажа, как Боба Фетт, прославившегося тем, что он не упустил ни одного назначенного к поимке «клиента». Во всех фильмах трилогии Дэвида Туи «Черная дыра» (2000) /«Хроники Риддика» (2004) /«Риддик» (2013) действуют охотники за головами, гоняющиеся за главным антигероем. А аниме-сериал Синъитиро Ватанабэ «Ковбой Бибоп» (1998–1999) полностью посвящен приключениям команды межпланетных баунти-хантеров во главе с элегантным авантюристом Спайком Шпигелем и брутальным экс-копом Джетом Блэком. Любопытно, что в мире «Ковбоя Бибопа» существует универсальная валюта Солнечной системы, которая называется вулонг и примерно равна японской йене конца 90-х,— в большинстве же фильмов авторы на денежном вопросе не любят останавливаться, предлагая героям расплачиваться какими-нибудь абстрактными кредитами.

Деньги на орбите

Кстати, о валюте. Колонизация планет и возможные контакты с иными цивилизациями должны, по идее, серьезно увеличить разнообразие платежных средств и усложнить взаиморасчеты. К тому же у инопланетян может оказаться настолько экзотическая шкала ценностей, что с ними в принципе сложно будет вести торговлю.

У Галактического кредитного стандарта из «Звездных войн» есть свой символ

Если же принять на веру постулат, что разумные существа всегда смогут договориться, то следует, вероятно, взять за пример то, как решен денежный вопрос в сериале Дж. Майкла Стражински «Вавилон-5» (1994–1998). Каждый прибывающий на титульную космическую станцию получает универсальную карточку с функцией автоматического перевода любых валют в земные кредиты, защищенную от подделки генетическим кодом владельца.

С другой стороны, да кому нужны эти деньги? Например, в экономической модели Объединенной федерации планет из вселенной «Стар Трек» к XXIV веку они практически вышли из употребления. Впрямую герои телешоу это не говорят, но в их мире построено почти коммунистическое общество — благодаря изобретению репликатора, позволяющего без особых проблем получать все необходимое для жизни. Впрочем, кредиты федерации все еще в ходу в межпланетных отношениях, поскольку не все цивилизации отошли от капиталистической системы хозяйствования.

Возможно, что для финансовых отношений с особо дремучими расами придется вспомнить и об эрзац-валютах, восходящих к такой архаической,

На борту «Вавилона-5» наличные не приветствуются, кредитки — принимаются

В галактике «Кин-дза-дза!» чатлы у вас примут, но КЦ (спички) надежнее

но живучей практике, как бартер. Если вы так же нежно любите фантастическую сатиру Георгия Данелия «Кин-дза-дза!» (1986), как автор этих строк, то сразу вспомните о КЦ (спичках), котирующихся на планете Плюк значительно выше, чем тамошние официальные платежные средства (чатлы).

Вероятнее же всего, расселение человечества по Вселенной приведет к появлению чего-то вроде Галактического кредитного стандарта из «Звездных войн» (известного также в разное время как республиканский датарий и имперский кредит) — схожей с долларом валюты, не отменяющей хождение других дензнаков, но самой ходовой и потому более предпочтительной для взаиморасчетов.

Выводы, Ковальски?

Подытоживая сказанное, можно утверждать, что создатели научно-фантастического кино на космическую тему предпочитают не изобретать

велосипед. Вводя в сюжет элементы экономики будущего, они довольно механически переносят на межпланетные просторы существующие финансовые, сырьевые, промышленные и сервис-ориентированные модели бизнеса, отказываясь от шанса придумать нечто оригинальное. Наверное, по той же простой причине, по какой античный купец не смог бы предсказать появление кредиток и деривативов, — за отсутствием в окружающем его мире необходимых знаний для подобных смелых прогнозов.

Вместе с тем, если мы вплотную займемся галактической экспансией, существенно не изменившись к тому времени в физическом и психическом плане, базовые экономические схемы останутся, скорее всего, актуальными. Бары на Луне, туристические поездки на Марс и войны корпоративных армий за богатые сырьем астероиды выглядят вполне реальной перспективой. Но надеяться на предсказуемость будущего по этой части не стоит. Всякое резкое изменение status quo в области человеческой природы и научно-технического прогресса — достижение долголетия/бессмертия, массовая киборгизация, создание полноценного искусственного интеллекта и реплицирующихся наноботов, биоинженерные модификации тела, появление телепортов и антигравов, перенос личности на электронный носитель — тут же превратит наивные экстраполяции кинематографистов в прошлогодний снег. А человечество окажется перед порогом нового дивного мира, который, признаем же, невозможно предвидеть — можно лишь в него вступить.

КЛАССИЧЕСКИЙ РОМАН В НЕКЛАССИЧЕСКОМ АНТУРАЖЕ

Олег Дивов. Цикл об инквизиторе

Цикл Олега Дивова «Профессия: инквизитор» разросся достаточно для того, чтобы позволить себе разговор о нем в целом, а не о составляющих его частях. Четыре романа в пяти томах — не шутка, тем более что останавливаться автор явно не собирается

Первым делом стоит отметить, что к фантастике как таковой цикл имеет отношение крайне опосредованное. Да, действие происходит в далеком будущем. Да, налицо все внешние признаки космооперы — но это не более чем декорации, тематический антураж. Это не «Лучший экипаж Солнечной», не «Молодые и сильные выживут» и даже не «Саботажник». В общелитературном контексте «инквизиторский» сериал куда органичнее смотрелся бы рядом с «Анной Карениной» и «Унесенными ветром», ведь перед нами типичная «семейная хроника», главное в которой — причудливое переплетение судеб Маккинби, ван дер Бергов и Слоников.

Не секрет, что узкожанровые рамки стесняют Дивова уже давно. Отсюда и многочисленные побеги то в армейское прошлое («Оружие возмездия»), то в будни метро («Не прислоняться»), то в юго-осетинские реалии («Консультант по дурацким вопросам»). Теперь же, кажется, автор нашел ту точку равновесия, где традиционный жанр вполне уживается с фантастическим методом: автор «всего лишь» добавляет к каждой из привычных реалий маленькое НФ-допущение. Например, сибирский киборг Василиса — самая обыкновенная собака, любящая грызть металлические предметы и охотиться на зазевавшихся роботов. И так — практически во всем.

Однако нас в данный момент интересует как раз НФ-составляющая «Саги о Делле и Августе», и тут надо признать, что Дивову удалось собрать из набора кочующих из романа в роман клише довольно оригинальный конструкт.

Мир будущего до обидного мало отличается от нашего — разве что стал

значительно шире за счет открытия множества землеподобных планет и значительно теснее за счет развития коммуникативных сетей. В итоге, пожалуй, вышло так на так.

Геополитический расклад практически не изменился: существует Федерация — аналог «атлантической цивилизации», к которой тесно примыкает «русский мир» с центром на планете Сибирь, Эльдорадо с его явно латиноамериканскими корнями, Шанхай — Китайская империя… Плюс архаичные планеты инородцев, полностью зависимые от гуманитарной помощи человечества. По крайней мере, это касается орков и эльфов, а вовлечение в орбиту людского влияния родной планеты третьей расы — Саттанга — главная интрига романа «Настоящие индейцы».

Гораздо интереснее внутреннее устройство самой Федерации, вернувшейся от представительской демократии к сословному делению. В мире «инквизитора» существует потомственная аристократия, известная как «звездные принцы» и состоящая из семей, контролирующих планеты или целые планетарные системы. То есть титул непосредственно привязан к недвижимости — что делает его носителя обладателем реальной ответственности. Утрата этой недвижимости автоматически лишает род всех имевшихся прав и привилегий — зато не делает «звездных принцев» закрытой деградирующей кастой. В круг аристократии может войти любой, кто смог добиться контроля над какой-нибудь планетой. Титул не синекура: он накладывает на своего носителя ряд обязательств — от руководства планетарной обороной до представительства своего мира в Сенате. Крайне любопытная социальная модель, кажется, не имеющая прямых аналогий в земной истории.

Особо стоит сказать о связи между «Инквизитором» и дивовской повестью «У Билли есть хреновина», впервые опубликованной «Если» в 2005 году. Именно от нее тянутся не только нити, соединяющие меж собой основных персонажей сериала, но и глобальная интрига, связанная с существованием сверхцивилизации, намного превосходящей человечество по своему развитию. Той самой цивилизации, которой много-много лет назад понадобилась помощь земной девочки по имени Сара Сэйер. Пока эта цивилизация проявляла себя лишь посредством разнообразных артефактов и брошенной планетой Дивайн, однако нам явно еще предстоит узнать о ней много интересного.

Что ж, четырьмя романами цикл явно себя не исчерпал, вопросов по-прежнему больше, чем ответов, да и вообще, семейная хроника — жанр бесконечный. Посмотрим, что там дальше.

Аркадий Рух

Эдуард Геворкян

ДЕРЕВЯННЫЕ ОБЛАКА

Сборник фантастических повестей и рассказов. — М.: АСТ, 2014. — 416 с. (Серия «Звездный лабиринт»). 2000 экз.

Эдуарда Геворкяна представлять не надо — это один из столпов «Четвертой волны» в нашей фантастике, мэтр. В его новый сборник вошли только те вещи, которые уже публиковались. Но некоторые из них выходили лишь в малотиражных сборниках или в журналах, кои давно истлели на библиотечных полках. Так что собрать наименее известную часть «малого Геворкяна» под одной обложкой — дело полезное, настоящий подарок для ценителей.

Самые значительные вещи — те же «Деревянные облака», тянущие по объему на небольшой роман, и крупная повесть «Возвращение мытаря» (впервые появившаяся на страницах «Если») — «поставлены» на космическом материале. В «Деревянных облаках» сюжет разворачивается вокруг освоения Марса и картины постепенного возникновения поселков и городов, рождения особых марсианских нравов, роста транспортных проблем и их решения написаны с подобающим правдоподобием, как требует классическая твердая НФ. Ну а «Возвращение мытаря» разворачивает панораму человечества, широко расселившегося во Вселенной и установившего причудливые обычаи в разных мирах. Притом во всех случаях автор честно отрабатывает увлекательный приключенческий сюжет — как водилось в те золотые времена, когда еще умели делать хорошие сюжеты.

Но ни сюжет, ни космические просторы ни в коем случае не являются главной составляющей текстов Эдуарда Геворкяна. Картины космоса, заселенного землянами, нужны ему лишь как высококачественная… декорация, как обертка для более глубоких смыслов. Так, в «Деревянных облаках» Геворкян мудро предостерегает от увлечения особым видом романтизма — тем, что взывает к инстинктам, которые дремлют в темных подвалах психики. Когда умный идеолог-манипулятор пробуждает их, первое время все выглядит красиво: человек обретает пафос борца за что-нибудь «естественное», силу и напор молодого зверя. Вот только кончается это все худо: кровью, смертями, разрушениями… Поэтому стоит хранить культуру как нечто сберегающее людей от впадания в «благородное» зверство. Запреты, сформированные культурой за тысячелетия ее существования, порой кажутся нелепицей, аляповатыми разводами на фанере, смешными деревянными облаками… Но без них общество впадает в тяжкое варварство.

Дмитрий Володихин

Энди Вейер
МАРСИАНИН

М.: АСТ, 2014. — 384 с. Пер. с англ. К. Егоровой. (Серия «MustRead — Прочесть всем!»). 12 000 экз.

Робинзонов все любят. С того момента как великий Даниэль Дефо преподнес этот литературный образ читателям, истории про одиночку, героически выживающего в самых сложных ситуациях, стали относиться к одним из наиболее популярных.

Поэтому, с точки зрения основной идеи, в неожиданно громко прозвучавшем в США романе новоиспеченного литератора Энди Вейера нет ничего нового. Книга начинается с того, что очередная американская экспедиция на Марс («Арес-3») едва не заканчивается катастрофой — налетает мощнейшая пыльная буря, одного из членов экипажа уносит в пустыню, а остальные едва успевают эвакуироваться, бросив наполовину оборудованную базу. После отлета выясняется, что астронавт Марк Уотни не погиб и остался на Марсе — без связи, без космического корабля и почти без шансов на спасение.

Весь дальнейший текст — это подробное, изобилующее техническими деталями, повествование о борьбе астронавта с негостеприимной Красной планетой. История эта больше всего напоминает описание трудов инженера Сайруса Смита и его друзей в «Таинственном острове» Жюля Верна. И так же как и эти персонажи, Марк Уотни, несмотря на все выходки окружающей среды, выкручивается и выживает.

Постепенно техническая супердетальность и постоянные пакости, подкидываемые автором несчастному новейшему «Робинзону», чтобы оживить действие, начинают утомлять. Все-таки «жюльверновская» фантастика была свежа и хороша сто пятьдесят лет назад. А сейчас, даже с обновленным антуражем, она выглядит несколько несерьезно.

И похоже читатели изголодались по новым «Таинственным островам», потому что роман не только хорошо продается, но даже планируется его экранизация в Голливуде. Где, по слухам, роль Марка Уотни сыграет Мэтт Дэймон. И кстати, у Энди Вейера русских в космосе нет. Совсем.

Глеб Елисеев

184

Ким Стэнли Робинсон

2312

М.: АСТ, 2015. — 416 стр. Пер. с англ. А. Грузберга. (Серия «Сны разума»). 2000 экз.

Это несвоевременная книга. Котировки акций и новости о геополитических конфликтах давно оттеснили на задний план романтику освоения космоса. И даже среди профессионалов все чаще звучат голоса, утверждающие, что человек должен оставаться на Земле, а космические исследования — задача для беспилотных автоматов.

Роман Кима Стэнли Робинсона идет наперекор устоявшемуся мнению и возвращает в повестку дня (и в сюжет книги) идеи пионеров космической эры об освоении человечеством Солнечной системы. И «2312» начинается впечатляющей сценой восхода Солнца на Меркурии, описанной автором весьма красочно и даже кинематографично.

Собственно, весь роман является панорамой жизни людей в Солнечной системе, наподобие популярных в начале двадцатого века футурологических зарисовок о будущем европейских столиц и грядущих достижениях науки и техники.

Неспешный детективный сюжет служит лишь предлогом для экскурсии по заселяемым человеком мирам. Убегает по рельсам от всесокрушающего Солнца меркурианский город Терминатор. Путешествуют между планетами террарии (полые астероиды) с земными биомами. Терраформирован Марс и на очереди Венера и Титан. И пока на Земле повышается уровень моря и уходят под воду прибрежные города, облачные дайверы ныряют в атмосферу Сатурна, а волны его колец оседлали серферы.

Созданные писателем картины ближе к видениям Циолковского, чем к современной космической фантастике. Еще одна особенность романа в том, что Робинсон стремится показать становление этого будущего: описывает процесс терраформирования и этапы развития ракетных двигателей, даже рассказывает об экономической модели взаимоотношений Земли и внеземных поселений, обслуживаемых квантовыми компьютерами, — своего рода «квантовом социализме». Говорит автор и о видообразовании Homo sapiens с несколькими разновидностями пола (вот об этом, даже как о промежуточной стадии между человеком и шаром лучистой энергии, калужский мечтатель вряд ли мог грезить), и о периодизации постмодерна.

Роман вообще вызывающе интеллектуален (в качестве маркеров интеллектуального уровня можно привести упоминания Марины Абрамович и Хайдеггера), и иному читателю, привыкшему к гро-

хоту и взрывам космических опер, может показаться скучным. А может — медитативным, насыщенным подробностями и располагающим к размышлениям. Как, собственно говоря, и полагается роману, цель которого представить читателю облик грядущего. Большая удача для фантастики, что Ким Стэнли Робинсон играет на ее поле, а не перебежал в мейнстрим.

И панорама будущего, воссозданная писателем, пусть и не утопична, но весьма привлекательна. По авторской хронологии до нее осталось всего триста лет.

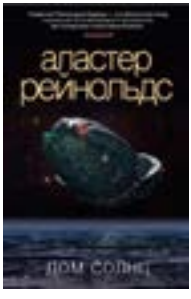
Интересно, человечеству этого времени хватит?

Сергей Шикарев

Аластер Рейнольдс

дом солнц

М.; СПб.: Азбука — Азбука-Аттикус, 2014. — 480 с. Пер. с англ. А. Ахмеровой (Серия «Звезды новой фантастики. Аластер Рейнольдс»). 5000 экз.

Британский фантаст и астрофизик Аластера Рейнольдс известен по циклу «Пространство Откровения» (в другом варианте перевода — «Космический Апокалипсис»). Его творчество можно охарактеризовать как очередную и небезуспешную попытку модернизировать «космическую оперу» за счет новейших научных представлений и актуальных футурологических концепций. Роман «Дом солнц» не выделяется из общего ряда — Рейнольдс опять описывает причудливое космическое будущее землян, однако при этом замахивается не на тысячелетия, а сразу на миллионы лет.

Прямо скажем, подобный амбициозный эксперимент не мог завершиться однозначным успехом. Фантасты побаиваются перешагнуть рубеж в миллион лет нашей эры и границы Млечного Пути, ведь мы на опыте последних двух веков знаем, насколько быстро способна меняться цивилизация под воздействием высоких технологий, а тут речь идет о сроках, превосходящих возраст нашего биологического вида. Любая явная архаика (то есть привязка к известной истории) на таком фоне будет выглядеть нарушением достоверности

экстраполяции — примерно как свечи на пультах или перфокарты на звездолетах.

Рейнольдса, по-видимому, не смущала означенная проблема — он перемешал все жанровые клише: древних загадочных предтеч, кланы межзвездных скитальцев, туповатых враждебных роботов, юркие галактические корабли, чудовищное абсолютное оружие, гравитационные волны и пространственные червоточины, астроинженерные сооружения типа звездных дамб и миров-колец. От предшественников его проза отличается лишь активным использованием более современной терминологии — в остальном приключения персонажей «Дома солнц» выглядят фанфиком к «Звездным королям» Эдмонда Гамильтона.

Впрочем, к роману можно отнестись и по-другому. Если распознать в повествовании ироническую нотку, то шатерлинг Лихнис, придуманный Аластером Рейнольдсом, окажется ближайшим родственником незабвенного Ийона Тихого, придуманного Станиславом Лемом. И тогда проходная оперная безделушка превращается в гротеск с глубоким философским подтекстом.

Антон Первушин

Майкл Суэнвик

ТАНЦЫ С МЕДВЕДЯМИ

М.: Эксмо, 2015. — 416 стр. Пер. с англ. А. Кузнецовой. (Серия «Современная зарубежная фантастика. Только бестселлеры»). 2500 экз.

В рассказе «Демон из сети», опубликованном в «Если» почти тринадцать лет назад, англичанин Дарджер и американец Сэр Плас, они же Даргер и Довесок, после небольшой аферы в Букингемском дворце планировали отправиться в Московию. И вот наконец-то они достигли цели. Роман «Танцы с медведями» посвящен похождениям парочки отпетых мошенников в стольном граде.

Майкл Суэнвик — наш человек в Филадельфии. Он прекрасно знаком с русской культурой. В «Вакуумных цветах» его персонажи цитировали стихи Пушкина, а автору этих строк довелось видеть Суэнвика с томиком «Капитанской дочки» в руках. Так что «развесистая клюква» в романе отсутствует.

Зато в наличии поединок Кощея и Бабы Яги, поиски библиотеки Ивана Грозного, мумия Ленина и прочие отечественные мифологемы. Упоминает автор даже о потертом собачьем носе на станции метро «Площадь Революции». Игра с национальными мифами — вообще характерная черта этого цикла Суэнвика. Например,

в рассказе «Я тоже жил в Аркадии» (опубликован в «Если» в 2005 году, как и на языке оригинала) волей автора и усилиями ученых из Великого Зимбабве воскресают греческие боги.

В Москве же Даргер и Довесок появляются, сопровождая византийских Жемчужин и их предводительницу Зоесофью. Стоит добавить, что запускает их новую аферу безымянная книга, в которой, впрочем, легко опознается «Капитал» Маркса.

Эти ключи-подсказки позволяют читателю увидеть в повествовании тени событий русской, советской и даже новой российской истории, которую олицетворяют баронесса Лукойл-Газпром и ее кузен Евгений Туполев-Уралмаш. И действительно, кульминацией сюжета, в котором нашлось место и теологическим беседам, и загадочному наркотику «Распутин», становится Революция.

Бодрый сюжет отодвигает на второй план сеттинг цикла, к которому, однако, стоит присмотреться попристальнее. Суэнвик описывает грядущее, по мнению некоторых мыслителей, Новое Средневековье, в котором биотехнологии приходят на смену компьютерам, завершая эру Утопии (так в цикле называют наши дни, в чем сквозит присущая автору ирония). К слову, описанию такого будущего посвящена и недавняя «Теллурия» Владимира Сорокина. Смешение времен, столкновение реального и мифологического — вот приметы Нового Средневековья. И если автор описывает Сэра Пласа — генетически видоизмененного, прямоходящего и разумного пса — как Canis lupus familiaris, а не как псоглавца, то лишь потому, что позволяет догадаться об этом читателю.

Впрочем, задумываться над футурологическими концепциями во время чтения не обязательно (хотя и было бы полезно). Все-таки главная задача плутовских романов — не поучение, а развлечение читателя. И с этой задачей Суэнвик справился отлично.

Сергей Шикарев

КОСМИЧЕСКИЙ ПУЗЫРЬ ИЛИ КОСМИЧЕСКАЯ ВОЙНА?

Артем ЖЕЛТОВ

/сценарии

/космические полеты

/Солнечная система

По материалам исследования Wikistrat «The Private Space Industry 2050–2100»

В феврале 2013 года американская исследовательская группа Wikistrat провела в интернете 14-дневную прогностическую сессию, в ходе которой 75 аналитиков со всего мира обсуждали долгосрочные сценарии развития коммерческой космической индустрии. Будет ли облик будущего коммерческого космоса напоминать сегодняшнюю картину государственной монополии, или околоземное пространство станет основой новой волны «космических стартапов»?

Объем будущей коммерческой активности в космосе прямо связан со стоимостью доставки грузов на орбиту. Для эффективного развития коммерческого космоса стоимость доставки должна снизиться ориентировочно в пять раз, с не менее 5000 современных долларов за килограмм до не более 1000 долларов. Вполне вероятно, что существующие технологии уже не позволят значительно снизить стоимость запусков — так же, как и современное положение в авиации не приводит к скачкам в развитии, сравнимым со второй половиной 20 века. Проблему могут решить такие проекты, как нашумевший «космический лифт», но их перспективы пока туманны.

Не стоит забывать, что возникновение бума «космических стартапов» не означает их безусловную успешность — что нам не раз показывали другие рынки. В процессе становления коммерческого космоса

Авторы прогноза, **компания Wikistrat**, отличаются нестандартным подходом к технологии проведения исследований. Вместо традиционного использования рабочих групп компания применяет краудсорсинг: независимые аналитики со всего мира коллективно работают на специально разработанной онлайн-платформе, где проводятся все такты работ, кроме сборки финального документа.

будут надуваться и лопаться финансовые и технологические пузыри. Кроме того, жестко встанет вопрос и о том, какие новые и уникальные задачи сможет решать коммерческий космос.

Экспансия человечества на Луну и планеты Солнечной системы прямо связана с развитием технологий жизнеобеспечения. Однако экономическая основа перспективной колонизации других планет пока под вопросом. Маловероятно, что найденные там ресурсы оправдают затраты на создание и развитие колоний. Можно представить себе, что в далеком будущем космические колонии, как и их аналоги на Земле, будут стремиться к независимости. Но вот вопрос о возврате инвестиций пока открыт.

Характер освоения космоса и особенности деятельности компаний будут прямо связаны с состоянием международных отношений. Современный космос во многом детище гонки вооружений. Рост или снижение интереса ВПК к космическому пространству не может не оказывать воздействия на технологическое развитие, характер использования космоса, задачи и перспективы коммерческого освоения. Градус конфликтности в мире влияет и на уровень инновационности технологических решений, и на особенности контрактов и заказов (и на то, кто будет основным заказчиком), и на структуру издержек.

На основании положения, что критически важными факторами, определяющими долгосрочные перспективы развития коммерческого космоса, являются стоимость доставки грузов на орбиту и уровень международной напряженности, можно выделить

четыре основные сценария развития мировой космической индустрии:

1. **Другая холодная война** (высокая стоимость доставки, глобальное противостояние).
2. **Экзоатмосферная зона военных действий** (низкая стоимость доставки, глобальное противостояние).
3. **Борьба за прибыль** (высокая стоимость доставки, глобальное сотрудничество).
4. **Попытки монетизации Солнечной системы** (низкая стоимость доставки, глобальное сотрудничество).

Сценарий 1
Другая холодная война

Постепенные улучшения в конструкции ракет-носителей, удешевление использования пусковых инфраструктур, постепенный переход к многоразовым носителям и рост защищенности грузов в совокупности приводят к снижению стоимости доставки грузов на орбиту, однако лишь к незначительному. При этом отношения между странами-лидерами в области космонавтики остаются крайне напряженными и конкурентными, в том числе на почве борьбы за рынки и природные ресурсы. Но до открытых конфликтов в космосе дело не доходит, ограничиваясь цепочкой локальных наземных войн.

Корпорации космической индустрии США и Европы практически полностью работают по заказам государств, а в России и Китае вся космическая деятельность остается сосредоточенной в государственных

Кейс 1.

Системы Space X

Системы многоразового использования всегда были «святым Граалем» космической индустрии. В 2045 г. компания Space X осуществила первый в мире повторный запуск ракеты-носителя менее чем через 72 часа после его предыдущего использования. Но до 2055 г. уровень надежности таких запусков оставался недостаточно высоким для требований «главного заказчика».

компаниях. Хотя работа на государство и составляет основу деятельности космического сектора по всему миру, определенную долю занимает рынок коммерческих спутников связи. Правда он мал — независимо от государства работать с космосом могут только сверхбогатые частные компании.

Основные области интересов государств в ближнем космосе — связь, разведка и разнообразная поддержка ведения боевых действий. Экспедиции на Луну продолжаются, но в большей степени по соображениям государственного престижа, нежели чем из практических (в том числе военных) соображений. Проводятся в космосе и научные эксперименты, но ориентация космической индустрии на заказы ВПК приводит к тому, что чисто научные инициативы малочисленны и малозначимы.

В каком-то смысле этот сценарий можно считать инерционным: логика существующего на сегодняшний день освоения космоса государством и частными компаниями остается неизменной со времен холодной войны. Космос остается вотчиной государств и прогосударственных компаний. Хотя сегменты коммерческих продуктов и услуг в области телекоммуникаций и дистанционного зондирования могут развиваться вполне высокими темпами, технологических и социальных чудес в этом сценарии ожидать не следует.

Сценарий 2
Экзоатмосферная зона военных действий

Реализация кажущихся сейчас маловероятными научных и технологических прорывов существенно

изменила космическую технику. Создание «космических лифтов» резко снизило стоимость доставки грузов на орбиту и упростило решение задач выхода на орбиту Земли. Стали возможными массовое производство космических кораблей, технологии длительного поддержания жизни людей в космосе, использование минеральных ресурсов других планет, создание космических колоний. Вкупе с напряженными отношениями между государствами это привело к переходу военных столкновений в космическое пространство. Военно-космические силы стали ключевым элементом национальной безопасности.

Сверхдержавы закупают у госкорпораций и частных поставщиков все, что могут себе позволить. Кроме традиционных военных функций космических систем развиваются и новые: например, перехват баллистических ракет. Региональные державы не только осуществляют закупку военных космических систем, но и развивают собственные военно-космические кластеры.

Наличие собственной базы на Луне теперь вопрос не только престижа, но и поддержки военного паритета. Хотя не все государства могут позволить себе космическую гонку вооружений, доступность соответствующих технологий и продуктов увеличивает риск враждебных действий со стороны разнообразных негосударственных структур. В том числе под угрозой атаки могут оказаться спутники, важные для функционирования критических систем на Земле.

Полет в космос могут себе позволить и частные лица, хотя быть туристом в зоне военных действий — сомнительное удовольствие. Высокие риски, связанные

Кейс 2.

Китайские «Звездные войны»

К 2050 г. после многолетней конкуренции с Соединенными Штатами китайская компания, название которой дословно переводится как «Звездные войны», стала основным подрядчиком Пекина в создании систем военного назначения. Линейка продукции включала в себя противоспутниковые мины и иные средства поражения орбитальных объектов.

Кейс 3.

CleanUpSpace

Военные столкновения в космическом и околоземном пространстве привели к его захламлению остатками спутников и иным мусором. Частная компания CleanUpSpace предоставляет услуги по очистке орбит от мусора и обеспечению безопасности спутниковых систем.

Кейс 4.

Виртуальный космический туризм

Из-за слишком высокой стоимости «настоящего» космического туризма, компания Дисней предлагает услуги «виртуальных туров в космос». Достаточное количество данных с существующих космических запусков плюс достижения в области ИКТ и виртуальной реальности позволяют эффективно эмулировать все, кроме ощущения невесомости.

с общей нестабильностью ситуации в космосе, негативно влияют на активность частных компаний и научную деятельность во всех случаях, кроме тех, когда у соответствующей деятельности есть крупный и сильный заказчик.

Интересно, что именно сценарий «Экзоатмосферная зона военных действий» полностью раскрыт в научной фантастике. В подобном сценарии следует ожидать стремительного развития всего спектра направлений, связанных с освоением ближнего и среднего космоса. Императивы государственной безопасности позволят оплатить не только деятельность ВПК, но и новые научные прорывы, которые со временем будут неизбежно конвертированы в продукты и услуги для Земли. В этом сценарии неизбежно появляются «космические пираты» и «космические каперы», космические частные военные корпорации, частные колонии, борьба за них и их последующую независимость, — словом, весь спектр, характерный для освоения нового фронтира. Отправка экспедиций в дальний космос в этом сценарии — только вопрос времени. В определенном смысле этот сценарий, несмотря на его конфликтность, действительно содержит в себе перспективы качественного прорыва человечества в освоении космоса.

Сценарий 3
Борьба за прибыль

Человечество стало умнее и добрее. Распри закончились, межгосударственные отношения развиваются в сторону большей открытости и взаимоза-

висимости. Космос превратился не в пространство глобальной конкуренции, а в пространство всеобщего сотрудничества.

Демилитаризация космоса привела к крайне серьезным экономическим последствиям для частных и окологосударственных космических компаний, занимавшихся в основном выполнением заказов из области ВПК. Снижение объемов военных заказов и общее открытие рынка вызвало рост конкуренции, причем как внутригосударственной, так и международной. Крупные космические госкорпорации вынуждены срочно менять свою структуру издержек и стиль деятельности, чтобы конкурировать с «космическими стартапами». Необходимость поиска конкурентных преимуществ приводит к инвестициям в технологическое развитие.

Есть и отрицательные моменты. Резкое сокращение числа военных стартов вызывает и некоторый рост стоимости запусков из-за снижения общих объемов. Часть средств из военных бюджетов направляется на решение научных и глобальных задач, правда — незначительная, так как их съедают растущие социальные расходы, а мотивация сохранения государственного престижа слаба как никогда.

Дорогостоящие исследовательские проекты (лунные базы, космические лаборатории и межпланетные зонды) финансируются международными организациями. Хотя острой необходимости в них нет: многие, если не все существующие в этом сценарии научные задачи могут решаться автоматизированными системами без дорогостоящего участия человека. Частные компании зарабатывают на развитии

Кейс 5.

M-Grav Labs

Компания M-Grav Labs, используя специально созданную космическую станцию, предоставляет широкий спектр услуг по исследованиям и экспериментам в условиях низкой гравитации и полной биологической безопасности.

уже существующих направлений (услуги связи, сбор данных и дистанционное зондирование, обеспечение функционирования инфраструктур). Высокие издержки приводят к тому, что собственные задачи в космосе помимо спутников связи способны решать лишь немногие крупные компании.

Этот сценарий отличается серьезной внутренней нестабильностью. Можно сравнить описанный мир с глобальной ситуацией 1990-х годов — сразу после конца холодной войны. Все бы ничего, если не вспоминать цепочку локальных конфликтов и кризисов, произошедших именно в это «оптимистичное» время. И есть основания полагать, что описанный сценарий станет столь же неустойчивым, как и международные отношения периода перелома веков,— и так же довольно быстро закончится глобальным кризисом.

Сценарий 4
Попытки монетизации Солнечной системы

Кейс 6.

Solar Waste Disposal

Компания предоставляет услуги отправки на Солнце особо опасных отходов, а также организует «космические похороны» – или на Солнце, или на специальной «могильной орбите».

Как и в рассмотренном уже «ястребином» сценарии экзоатмосферной зоны военных действий, технологические прорывы сделали возможным дешевый и относительно беспроблемный доступ в космос. Однако вместо роста напряженности и столкновений сверхдержавы уладили свои конфликты и приняли решение совместно осваивать космическое пространство.

Государственные расходы, ранее шедшие на решение оборонных задач, теперь направляются на амбициозные инфраструктурные проекты и космические экспедиции, в реализацию которых включены

и частные компании. Одним из таких проектов становится формирование спутникового пояса земли, выполняющего широкий спектр задач глобального развития и по сути превращающегося в достояние всего человечества.

Доступность космического пространства приводит к росту числа частных предпринимателей и небольших фирм, включающихся в космическую деятельность. Начинается «бум космических стартапов»: услуги космического туризма, орбитальные лаборатории для исследований в условиях низкой гравитации, сверхчистое производство и многое, многое другое. Технологический скачок позволяет осуществить создание постоянных космических баз, а также добычу минеральных ресурсов в космосе. Развиваются частные инфраструктуры запусков, а с ними — обслуживающие сектора экономики. Неизбежно надуваются и лопаются технологические финансовые пузыри, но выжившие после очередного кризиса компании продолжают монетизировать Солнечную систему.

Такой сценарий развития коммерческого космоса развивается в логике и по модели недавнего (да и во многом продолжающегося) бума развития Интернета. Подобная версия развития событий, безотносительно проблем с «космическим лифтом», выглядит вполне жизнеспособно — при одном условии: необходимо обеспечить доступ к космическим технологиям «ребят с паяльниками» — в том числе к инфраструктуре, доставке, рынкам. В определенном смысле эта работа уже ведется. Но не стоит забывать — отношения между странами могут и испортиться.

Олег ВАЛУЕВ

ЭТИКА КОСМОСА: БУДУЩЕЕ НАД БЕЗДНОЙ

/аналитика
/гуманитарные технологии
/дальний космос

Комментарии Артема Желтова, Сергея Шилова, Николая Ютанова

Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы,
Пусть тлеет бесконечность в яростном закате.
Пускай пылает гнев на то, как гаснет смертный мир…

Т. Дилан. Отрывок, цитируемый в к/ф «Интерстеллар»

Залезайте выше и прыгайте в бездну.
Крылья появятся во время полета.

Р. Брэдбери

На протяжении столетий, по словам Ф. Ницше, человек всматривается в бездну, а она — в него. Теперь, с развитием космической экспансии, человек и бездна устремлены друг в друга. В кинофильме К. Нолана «Темный рыцарь» Джокер поясняет это движение формулой: «Вот что бывает, когда непреодолимая сила… сталкивается с неподвижным предметом». Жизнь в космосе потребует гораздо больше смелости и дерзновения, опыта и технологического превосходства, внутренней силы воли, чем любое, даже самое сложное, предприятие на Земле.

Иллюстрацией пока что мало очевидных, но в будущем — крайне значимых проблем, связанных с экспансией человечества в космос, служит интерактивное исследование глобальных этических проблем в горизонте ближайшего полувека, проведенное Millennium Project в период с августа 2004 года по июль 2005 года.

В отношении движения человечества в космос участники исследования поставили

Millennium Project (США) – независимая некоммерческая организация, объединяющая футурологов, ученых, бизнес-аналитиков и политиков, организующих и проводящих глобальные интерактивные исследования будущего для международных организаций, правительств, корпораций, неправительственных организаций и университетов по всему миру с целью «совершенствования глобального прогнозирования».

следующие перспективные долгосрочные этические проблемы:

- Человечество должно осваивать космическое пространство как продолжение земной среды, как поле для расширения мировой экономики в поисках мест обитания и ресурсов, необходимых для нашего роста и процветания, или человечество должно сохранять незаселенные и неосвоенные пространства?[1]
- Какие этические принципы должны определять наше взаимодействие с разумной инопланетной жизнью? Как такие этические принципы могут быть сбалансированы с точки зрения соображения выживания нашего вида?[2]
- Должно ли человечество дать моральное определение внеземной жизни как примитивной или «неразумной»?[3]
- Должно ли быть в космосе право собственности и право на ношение оружия?[4]
- Имеет ли человечество право загрязнять космическое пространство? Можем ли мы использовать космическое пространство для утилизации отходов с Земли?[5]
- Этично ли рассматривать космос как полигон для военных действий?[6]
- Есть ли у нас моральное право на огромные вложения капитала в разработки космического оружия без совершенствования существующих земных условий и качества жизни для миллиардов людей?[7]
- Какие этические соображения могут лежать в основе организации космических поселений?[8]

1. А. Кларк «Космическая одиссея 2001»; С. Лем «Непобедимый» и «Возвращение со звезд»).

2. Р. Хайнлайн «Звездная пехота»; О. Скотт Кард «Игра Эндера».

3. А. и Б. Стругацкие «Полдень, XXII век», «Малыш», «Жук в муравейнике».

4. Р. Хайнлайн «Туннель в небе», «Свободное владение Фарнхэма».

5. Манга и аниме М. Юкимура «ΠΛΑΝΗΤΕΣ».

6. Дж. Лукас «Звездные войны»; Э. Гамильтон «Звездные короли».

7. У. Миллер-мл. «Страсти по Лейбовицу».

8. Р. Хайнлайн «Пасынки Вселенной»; Дж. Мартин «Умирающий свет»; Р. Шекли «Проблема туземцев».

- Этично ли покорять другие планеты?[9]
- Этично ли добывать и перерабатывать ресурсы на астероидах и Луне, чтобы способствовать развитию экономики Земли? Должна ли этика регулировать добычу и использование природных ресурсов с других планет?[10]
- Этично ли жениться на инопланетянке? [11]
- Этично ли колонизировать Марс?[12]
- Является ли космическая колонизация предметом деятельности корпораций и правительств или различных общественных организаций и движений?[13]
- Этично ли рассматривать Землю как центр управления колониями в космосе? Могут ли поселения на других планетах пользоваться правом нации на самоопределение?[14]
- Если человечество решится покинуть Землю, например из-за ядерной катастрофы, какие этические принципы должны определять выбор тех, кому будет предоставлена возможность покинуть планету?[15]
- Какие этические принципы должны определять выбор людей для участия в колонизации планет?[16]
- Какая степень правовой автономии должна быть позволена человеческому обществу в космическом пространстве или на другой планете?
- Этично ли продавать земельные участки на других планетах?[17]
- Какие этические принципы должны определять практики колонизации других планет или планетных систем? Какова может быть этика

9. Г. Уэллс «Война миров».

10. Э. Гамильтон «Сокровища Громовой луны»; А. и Б. Стругацкие «Стажеры».

11. А. Толстой «Аэлита»; Л. Нивен «Мир-Кольцо».

12. Р. Брэдбери «Были они смуглые и золотоглазые»; К. Стэнли Робинсон «Красный Марс».

13. В. Винж «Глубина в небе» и «Пламя над бездной».

14. К. Саймак «Пересадочная станция»; У. Ле Гуин «Слово для «леса» и «мира» одно».

15. В. Рыбаков «Доверие»; Х. Мартинсон «Аниара: О человеке, времени и пространстве».

16. Р. Хайнлайн «Туннель в небе», «Свободное владение Фарнхэма».

17. Р. Брэдбери «Марсианские хроники».

новых форм социальных отношений, основанных на контактах с инопланетянами?[18]

- Этично ли изменять экологию другой планеты под наши задачи?[19]

Обзор этих и других представленных высказываний показывает наличие глубоких внутренних противоречий в понимании респондентами исследования Millennium Project возможного образа управления будущим через систему этических отношений в человеческом и инопланетном сообществах. Например, по мнению участников исследования, этические императивы, как ожидается, приобретут космический масштаб и универсальное значение. Однако на операциональном уровне приоритет явно отдается экономике, традициям и «земному» пониманию вопросов организации и развития общества, рынка, государства. Возникнут космические города, но вот представления об их бытовом и социальном оснащении у респондентов остаются достаточно неопределенными. Присутствуют философско-мировоззренческие противоречия между постулированием развития индивидуальности и свободы творчества и приоритетом коллективной безопасности над личной свободой. Кроме того, вызывают вопросы обозначенные контуры построения этической системы, в которой неизвестным образом сочетаются категорический императив, биологически обусловленные или толерантные отношения с людьми и четкие приоритеты в отношениях с инопланетными цивилизациями («Они же иные!»).

18. Л. Нивен «Мир-Кольцо», «Инженеры Кольца»; А. Кларк «Конец детства»; Д. Симмонс «Песни Гипериона».

19. О. Скотт Кард «Голос Тех, Кого Нет», «Ксеноцид».

ЭТИКА КОСМОСА В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

Основная проблема российских инноваций, по мнению представителей современных институтов развития России, заключается в том, что инноваторы не читают фантастику, а поэтому в очередной раз пытаются придумать Facebook и Angry Birds, вместо того чтобы подумать о чем-нибудь по-настоящему новом. Складывается впечатление, что фантастику также не читали не только сотрудники Millenium Project, но и опрошенные ими представители мировой интеллектуальной элиты. Потому что в фантастике давно обкатывались и детально раскрывались все поставленные ими этические вопросы будущего.

Вопросы этичности и последствий различных форм вмешательства в развитие других цивилизаций встречаются в широком спектре произведений, в том числе у братьев Стругацких в цикле «Полдень, XXII век». Вспомним также «Хайнский цикл» Урсулы Ле Гуин. Межзвездная коммуникация в широком спектре форматов, от колонизации до «мягкого прогрессорства», и последствия идеалистического морализаторства отлично изложены Гарри Гаррисоном — вспомнить хотя бы «Мир смерти» («Неукротимая планета») и «Специалист по этике». А «космическая геополитика» и развитие военных конфликтов детально проанализированы в цикле романов Лоис Макмастер Буджолд о Майлзе Форкосигане. Пример проблематики уникальности и специализации в отношениях космических цивилизаций можно найти у Сергея Лукьяненко в романе «Звезды — холодные игрушки». Что касается вопросов бытовой коммуникации с инопланетными расами, то они замечательно описаны в повести Клиффорда Саймака «Необъятный двор».

Впрочем, можно предположить и обратное: именно знание фантастических произведений породило такой комплект ожидаемых этических проблем, связанных с выходом человечества в космос и готовностью «отрабатывать» иные миры. Причем в достаточно линейном колонизаторском варианте.

Примеры этической системы и пространственного контекста retro-космоса: Р. Брэдбери «Марсианские хроники», Р. Хайнлайн «Пасынки Вселенной», «Зеленые холмы Земли», Г. Гаррисон «Специалист по этике», ранний А. Азимов (цикл о Лаки Страйке), А. Толстой «Аэлита», Ф.-Х. Фармер «Грех межзвездный», Э. Гамильтон «Звездные короли».

С этической точки зрения выражение «освоение космоса» можно признать не только ложным и недееспособным, но еще и вводящим в крайнее заблуждение. Скорее, речь идет о взаимном погружении (буквальном и фигуральном) человечества в космическое пространство и космического пространства в человека. Похоже, что в будущем, с движением человечества в космос, этику наконец станут понимать в том смысле, в котором она представлялась значимой русским философам конца XIX–начала XX столетия. В частности, Н. Бердяев в своей работе «О назначении человека» лаконично определил этику как науку о свободе, понимая под последней реальную возможность реализации личной силы.

В космическом будущем многократно возрастет ценность живого по отношению к неживому. Появится насущная необходимость реального отделения человеческого типа отношения от нечеловеческого (животного, инопланетного и т.п.). Живое в космосе будет иметь особую значимость вне зависимости от уровня организации, структуры и вида конкретного существа и будет осмыслено как универсально ценное и психологически близкое, родное. Однако в напряженных условиях выживания в космическом пространстве еще острее встанут вопросы психологической безопасности в пространстве, времени и действии.

А значит, возникнут проблемы организации разных типов отношений, а этика космоса, конечно, будет неоднородна и неоднозначна.

С точки зрения условий существования конкретного человека можно представить три варианта специально организуемых в космических городах психологически комфортных пространств в соответствии с разными видами этики по Н. Бердяеву:

1. RETRO-КОСМОС — пространство, ориентированное на земное прошлое человека: условное виртуальное и/или реальное наполнение жизненного пространства вещами, впечатлениями, воспоминаниями, чувствами из эпохи существования на Земле. В этом смысле обязательно найдутся люди, психологически не пережившие разрыв с родной планетой, для которых будет создан особый мир, мир их прошлого. Здесь и роскошь ухода в оффлайн, и линейка упорно реконструируемых мифологем и практик «славного традиционного прошлого». Этика retro-космоса в концепции Бердяева преимущественно есть этика закона — этика, основанная на системе отношений хозяин–раб, добро–зло, хорошо–плохо, где за нарушение набора предписаний незамедлительно следует наказание, а за соблюдение правил возможны бонусы (кредиты, награды, поощрения и т.п.). Свобода понимается как закрепленное правило, образцовый вариант поведения, где единственная сила — сила закона (чаще всего — физическая сила).

Ф. Пол «Торговцы космосом» и В. Виндж, «Конец радуг». Мотивы втягивания других в свои представления о настоящем и справедливости также присутствуют в «прогрессорском цикле» братьев Стругацких («Трудно быть богом», «Парень из преисподней»).

2. MODERN-КОСМОС — пространство, ориентированное на современное, актуальное существование. Наиболее активная группа людей сегодняшнего дня, активные преобразователи окружающего мира будут получать технологии ускорения жизни, расширять доступ к разнообразным системам и способам отношений. Это пространство модных трендов, сверхпотребления инноваций и жизни в ритме обновления новостной ленты. По Бердяеву, этика modern-космоса есть преимущественно этика спасения — этика, основанная на системе отношений истинно–ложно, вышедшая за пределы добра и зла. Свобода понимается как возможность выбора и зачастую рассматривается в контексте справедливости.

Для разных поколений фантастики примеры будут разные. В качестве этапных произведений: И. Ефремов «Туманность Андромеды», С. Лем «Возвращение со звезд». В современной фантастике — И. Бэнкс с циклом «Культура», Дж. Макдевит «Омега», «Эхо» и «Одиссея». Представление об этике future-космоса можно найти в романах Д. Симмонса «Гиперион» и «Падение Гипериона».

3. FUTURE-КОСМОС — пространство, ориентированное на будущее (ближайшее, среднее, дальнее), наполненное трансцендентными смыслами и образами, самотранслируемыми мечтами, идеями и ценностями. Люди, живущие завтрашним днем (к таким часто относят творческих личностей, первооткрывателей, авантюристов и искателей приключений), получат право и возможность достаточного ментально-технологического насыщения для развития новой экономики — экономики уникальностей, творчества и глобального управления. По Бердяеву этику future-космоса можно определить как этику творчества — этику, основанную на системе отношений красиво–безобразно. Подобная система фактически предполагает индивидуальный подход к проблеме этики. Свобода понимается как личная сила воли в реализации творческих убеждений человека.

Мейнстриму фантастики свойственно ожидание космоса как квинтэссенции будущего. Поэтому retro- и modern-космос с точки зрения фантастики это, скорее, давно отработанные реальности. Однако в каждой социальной системе рано или поздно появляются элементы и прошлого, и настоящего, и будущего. Писатель-фантаст У. Гибсон однажды заметил, что «будущее уже наступило. Просто оно еще неравномерно распределено». Современные земные прототипы космических городов одновременно включают в себя все описанные варианты организации пространств и этических систем, действующих одномоментно и параллельно. В далеком будущем космические поселения обретут новые измерения и перестанут быть просто репликами земных индустриальных городов. В условном положительном сценарии люди из каждой категории могут жить в разных мирах на одной станции, ежедневно встречаясь и взаимодействуя, может быть, даже не осознавая этого и не мешая друг другу. А вот при негативном сценарии звездные войны разразятся не только за право обладания космическими территориями и технологическим приоритетом, но за смыслы и ценности, принципы управления и организации космического творчества.

Может быть, когда человек сделает шаг к краю космической бездны, мы уже будем наверняка знать ответы на многие вопросы. Сейчас же, вдохновляемые творческой жаждой, мы рисуем эскизы будущего на пороге вечности. Во многом космическая этика — это этика наших надежд. И наших страхов.

Юлия Зонис
Игорь Авильченко

Удильщик

…Прибой отхлынул, унося кости, пробки, песок, пену и одного маленького, но расторопного краба. Люська запрыгала, завизжала, моча босые ноги. Сашка подбежал к ней, схватил за руки, закружил. Потом начали брызгаться. Вода, весенне-майская, еще холодная, кусала за лодыжки. На волнах блестело солнце — тысячей перламутровых ракушек, тысячей рыбьих чешуек. И горизонт распахивался широкий: бреди, плыви — не хочу. Одним словом, море. Это было давно. Сто лет назад. А может, и больше.

1. Здесь

Планета называлась Энглер[1]. Наверное, первооткрывателей чем-то привлек этот бледный огонек в космосе, слабая красная звезда, и единственный шарик, вращающийся вокруг нее,— атмосфера плотнее земной, радиус меньше, притяжение, напротив, больше. Плотный, тяжелый шарик. Не пинг-понговый, а как минимум бильярдный или, скорей, свинцовый — цветом своих слоистых облаков, пористыми скалами, вечными туманами.

— Людмила Анатольевна, мы изучаем туман,— говорил Игнатьев, протирая стекла старомодных очков.— Он неживой. Не смотрите на него так. Ненавидеть его бесполезно.

— «Изучаем». Скажите еще — «думаем туман»,— улыбалась Людмила, но улыбка выходила болезненной.

Цитаты младшие коллеги не узнавали. У них и игры такой не водилось — перебрасываться цитатами, как мячиками для пинг-понга. Ни у них, ни у их родителей не было книжного детства.

За окнами модуля-лаборатории тянулась, клубилась, вздымалась сплошная пелена — ни черта не видно.

— Это генетическое,— хмыкал Аркадий Вейне.— Все, пережившие Прилив, боятся туманов. А вы, Игнаша, просто молодой еще.

[1] Angler — удильщик *(англ.)*.

— Генетическое — это как раз у меня бы было. Если вы, Аркаша, не сторонник теории псевдогенного импринтинга. Кстати, меня зовут Федор Павлович и мне тридцать два.

— А мне пятьдесят четыре. А вам, Людочка? Впрочем, что ж это я — у дам возраст не спрашивают.

Это он кокетничал — ведь знал же, что всем, пережившим Прилив, за сотню.

Людмила прикрывала глаза, прижимала пальцами веки — где-то там, под сухой, истончившейся кожей, билась беспокойная жилка. Вейне, геолог, иногда забавлял ее своим нарочитым заигрыванием, но сейчас смеяться не хотелось. Все, пережившие Прилив… Сто лет назад его называли просто Туманом.

— Это не тема для шуток,— глухо, не открывая глаз, произносила она.— Мы знаем, что туман опасен. У него та же спектрографическая подпись…

— И до сих пор никто в нем не пропал,— раздраженно откликался Игнатьев.— Никого он не съел. Обычные соединения углерода и азота, а в основном водяные пары. Это совпадение.

— Будь это совпадением,— глубокомысленно басил Вейне,— мы бы не торчали здесь. Да, Людочка? Вот вы бы наверняка оставались на орбите, да и нам хватило бы зондов. Но у начальства, как всегда, свои виды…

— Водяные пары,— резко перебивала геолога Людмила.— На планете нет жидкой воды и нету льда, только замороженный углекислый газ в ледниковых шапках. Откуда в атмосфере водяные пары, Игнатьев?

Федор Игнатьев, химик экспедиции, пожимал плечами. Если говорить строго, в атмосфере паров воды почти и не было — в основном та же углекислота, азот и метан с примесью сернистого газа. Водяные пары были в тумане. Откуда приходил туман, оставалось загадкой. Так же как и сто лет назад на Земле— он просто был. И эти, не пережившие День Прилива, а только слышавшие от отцов-дедов, читавшие

в учебках, смотревшие в чувствилках,— что они могли знать? «Туман, поднявшийся на высоту около двадцати метров над поверхностью… временные аномалии… девяносто процентов населения, особенно жители стран третьего мира, где высотное строительство не получило широкого распространения… так и не были обнаружены». Слова. Скупые, пустые слова, шелушащиеся, как отмершая кожа.

— …Мне тогда еще не исполнилось и семи, и не должна бы помнить уже, но помню: мама осталась на лестничной площадке со мной, а отец побежал вниз, за Сашкой. Помню, как сизые клубы поднимались по лестнице, пролет за пролетом, и мама кричала, а потом начала отступать — выше, выше, к квартире Шумилиных, они на шестом жили…— Людмила Анатольевна, о чем вы?

Поднятые брови. Непонимающий взгляд. Сколько она уже говорит?

Вейне брал Игнатьева под локоть и деликатно уводил в «курилку». Никакая это была, конечно, не курилка, но старые названия живучи, липнут, как влага к стеклам, как осенний лист к подошве ботинка, как старость — к молодости. Оставшись в одиночестве, Людмила закрывала глаза и думала туман.

2. Там

— А говорят, Северная Долина на юг откочевала, да,— сказал дед Михалыч, усаживаясь на край и доставая кисет с кисляком.— Вот так отвязалась и откочевала.

Кисляк он сначала размял пальцами, а потом швырнул в рот и, блаженно скривившись, принялся жевать. С губ потянулась ниточка зеленой слюны. Все бывшие курильщики жевали кисляк. Сигареты кончились еще в первые месяцы, а табак на крышах отчего-то не рос — может, солнца ему не хватало. Потом кто-то внизу подцепил траву, щавель-нещавель, туманная поросль… ну и завели привычку.

Сашок длинно сплюнул через зуб и заболтал ногами, вполглаза следя за удочками. Кисляка хотелось и ему, до чертиков. Попросить бы у деда Михалыча, который и не дед вовсе, мужик лет тридцати, хотя седой как лунь — ну после ходок в туман все такие, не огурцами. Но нельзя. У Михалыча кисляк дорогой, крышевой. Одна земля чего стоит. Это вам не помидоры с гидропоникой, да и помидоры, по-честному, дорогие, как жизнь. Так отец говорит: «Дорогие, как жизнь». Хотя жизнь в Елдашевских Высотах сейчас не особо дорогая. Плюнуть и растереть — вот какая жизнь.

— И что, попадается чего? — спросил Михалыч, поудобней устраиваясь на краю балкона.

Когда-то здесь были перила, но перила за ненадобностью выломали, и получилась аккуратная полукруглая площадка. Одно время с нее Прыгуны сигать любили. Некоторые даже возвращались потом, хотя соседи их чурались. В Северной Долине так вообще палками забивали и скидывали в туман. Палками — это чтобы не руками и не ногами, чтобы кожи не коснулось. Потом Прыгуны, как и Ходоки, научились прыгать с веревкой, и соседи к ним нормально относиться стали. Какая разница-то вообще, спускаешься ты в полиэтиленовом плаще-дождевике с дурацкой маской в туман или прыгаешь? Главное — веревка. Уходят те, кто отвязываются. Не только люди. Даже дома. Вон Северная Долина от проводов на крыше отвязалась и тю-тю. За лучшей жизнью пошли, или так, шутканул кто-то, или огородник пьяный провода ночью топором порубил. Мало ли.

— Попадается, — буркнул Сашок. — Штуку вчера выловил, круглую, вроде ежа. Тянул, тянул, вытянул — сдулась. Отнес бабке Маре. Она говорит, хорошая штука, рыба фугу. В ней яд есть, если правильно выварить, от ревматизма помогает. Я фугу ей оставил, пусть мазь для батьки готовит.

— А батька твой че? Все хворает?

— Прихварывает,— важно ответил Сашок.— С ногами, сами знаете, у него непорядок.

Батька был ходоком, как Михалыч, только ходил уж больно много. Нажил вот боль в суставах, и рожа шелушилась вся. И вообще, соседи знали и Михалыч знал — батька у Сашки чутка тронутый. Многие тогда тронулись, когда туман наполз.

… Сашка мелкий был, лет семи, но помнил — они с Люськой по площадке машинки катали. У них там было что-то вроде клуба, мать так и говорила: «Клуб». Соседи из квартир выходили покурить, бабы языками чесали, мужики пиво тянули, все по-взрослому, а мелюзга, как они с Люськой, играла. Одна машинка, КамАЗ такой здоровый, с ребристыми пластиковыми колесами, вниз усвистала. Мамка заругалась. Ну он и рванул за машиной, потому что внизу, на четвертом, жил противный Леха со своим братцем Ленчиком. У них потом свое имущество выцарапывать — легче ежа проглотить. Короче, побежал. А внизу уже не видно ничего. Белое все и серое, душное, ползет по ступеням. Вроде тумана. Сначала Сашок подумал, что Леха с Ленькой опять мусоропровод подожгли. А потом какие-то крики раздались и страшно стало. Ни машинки, ничего. Попробовал вверх бежать, споткнулся, задницей ступеньки до следующей площадки пересчитал. Тут набежало что-то большое, шумное, за шиворот схватило, оказалось — папка. И сверху так тоненько, пронзительно, зззззззззззз… Папка наверх тащит, а верха и нет, все нет и нет. Потом только рассеялось. Вернее, уползло вниз, до четвертого этажа. И с тех пор там стоит, бело-серым плотным одеялом скрывает землю, и деревья, и горки, и качели во дворе, и трехэтажки старого района. Только во время приливов, бывает, до шестого-седьмого доходит. Ну на то маячки. Хорошо, что у них девятиэтажка вообще, корабль.

…А мамы и Люськи не было. Никого с верхних этажей не было, пусто. Исчезли. Как будто сто лет прошло — в пустых

квартирах пыль лежит толстым слоем и солнце бьет сквозь запыленные окна. Тут батяня и тронулся. Не в тумане. Тумана он как раз не боялся. Сто раз туда ходил, Люську с мамкой искал. Ну и заодно приносил всякие вещи. Землю для верхних садов таскал, воду в бутылках, одежду, консервы. Консервы ничего, не портились — хотя, конечно, вскрываешь иногда банку, на ней «Бычки в томате» написано, а из нее рой бабочек вылетает. Серых таких, туманного, мышиного окраса — в общем, всякое бывало. А батька команду ходоков собрал потом, ведущим у них был, потому что ни черта не боялся. Он ведь первый догадался с веревкой ходить. Вот так.

Некоторые, говорят, остались жить в тумане. Самому Сашке не попадались, а Вась-Вась из сто тридцать второй таких пару раз на лесу вытаскивал. Они и тянулись к высокому жилью, и боялись, как рыба боится схватить верткую красивую блесну, но тянется к ней. Вась-Вась, протирая свой складной ножик, шутил потом:

— Представляешь, Сашок: плывет там такой и видит — леска светлая сверху торчит, типа луч света. Он за нее хватается, думает, сейчас к боженьке в рай попаду. Насаживается на крючок, вверх взлетает и слышит: «Папа, пап, гляди, какую я поймал большую рыбу!»

— Это в чем у тебя ножик? — хмуро спрашивал в ответ Сашок.

— Это-то? Это я крюк ему из губы вырезал. Да врут все люди. Не жрем мы их с батей. Не жрем!

Ну да. Конечно. Люди часто врут.

3. Здесь

У старости есть свои преимущества. Например, старик может спорить с мертвецами и никого это не должно удивлять. А если удивляет, гуляйте лесом, как выражался отец.

Людмила в последнее время часто спорила — с матерью, с командиром звена, Арсением Юрьичем, но больше всего с Леонардом. Светило астрофизики Леонард. Основатель Зоны Экспансии Леонард. Рыжебровый, с выпуклым лбом, с большими залысинами, крепкий, костистый, всего три месяца не дотянувший до собственной сотни. Ее Леонард.

Он любил теоретизировать. Он был астрофизиком, мужем, первопроходцем, так и не стал отцом — но на самом деле больше всего он был великим теоретиком.

Когда на Экбе, на Пандите, на Маленькой Венере, по всей Зоне Экспансии, засекли единичные «выплески» тумана, у Леонарда случился настоящий праздник.

Заломив домиком рыжие брови, словно удивляясь ее бестолковости, муж говорил: «Милли, а ты попробуй допустить, что тут действует обратная логика. Не на всех терраморфных планетах присутствует туман — нет, навигаторы находят путь лишь к тем планетам, где он есть».

Дальше следовали долгие рассуждения о триангуляции в пространстве Римана, в которых Людмила ни черта не понимала, хотя сама была навигатором. И все же она спорила с ним в редкие свои отлучки с Лунной базы — спорила, протирая бокалы и стаканы полотенцем, как делала еще мать, хотя в свое время ругала мать именно за эту старомодность. Спорила, не замечая, как похожи крупные, некрасивые кисти ее рук на материнские и что, как мать, она комкает в горсти вафельное полотенце.

«Ты пытаешься объяснить необъяснимое. Я слышала все это уже сто раз — про то, что туман — это особая коммуникационная среда, и про то, что он изменяет пространственно-временной континуум...»

Тут вспоминались стрелки отцовских часов, забытых на полочке в ванной. Тогда, в День Прилива, часы остановились. А те, что в компьютере, наоборот, натикали пять

лишних месяцев. Все хронометры на планете Земля в тот день посходили с ума.

«… и что это вообще инструмент другой, более развитой цивилизации. А что? Может, это не планеты терраморфные — может, туман изменяет их, подгоняя под наши нужды…»

«Чтобы подтвердить эту твою гипотезу, надо найти хотя бы одну неземлеподобную планету, на которой присутствует туман. До, так сказать, подгонки», — улыбался Леонард, скаля крупные лошадиные зубы.

Ну вот, получается, почти нашли.

Будь у нее в запасе еще сотня-другая лет, она смогла бы проверить свою теорию и показать мужу язык. И он, наверное, порадовался бы за смекалку жены оттуда, где сейчас пребывал.

Людмила стояла, упираясь лбом в холодное стекло, и скучала по Леонарду. Странно — на Земле она куда больше тосковала по Сашке, папе и маме. Почему-то эти, умершие и пропавшие много лет назад, казались теперь ближе, словно и она подошла к некоему таинственному пределу, за которым уже нет возраста и неважно исчисление часов и дней.

Да будь у нее в запасе еще сотня-другая лет… У начальства, конечно, имелись свои виды на Энглер, только Вейне и Игнатьеву не обязательно было знать об этих видах. Иначе картина вселенной, устоявшаяся за последние десятки лет, вновь могла поплыть и разбиться, как отражение в луже, куда случайно вступили ботинком.

Всем, пережившим Прилив, было за сотню. Всем навигаторам было за сотню. Но обычные люди не знали об этом. Особенно об этом ни к чему было знать переселенцам, пионерам, жителям новых миров в Зоне Экспансии. Им совершенно не стоило думать о том, что со смертью последнего навигатора все ниточки, ведущие к метрополии, будут отрезаны. Форпосты человечества, «запасные аэродромы», как сказали бы в людмилином детстве, — но форпосты и аэродромы, без-

надежно затерянные в глубинах космоса. Как ни старались генетики, биофизики и нейробиологи, уникальное свойство навигации воспроизвести не удалось. Им обладали лишь дети, пережившие Прилив. И то всего сотая доля процента.

«Идентичные, а иногда и неидентичные близнецы,— говорил Леонард.— Если один пропал в тумане, а второй выжил, только такие пары. Насчет идентичных я еще могу предположить, Михаэль Штубе со своими идеями о квантовой спутанности проводил любопытные эксперименты, но почему неидентичные? Фактически это ведь генетически различные организмы. Вот как вы, просто брат и сестра. Странно, очень странно. Но...»

Людмиле хотелось заткнуть уши, убежать в другую комнату, а то и на другую планету... потому что это означало, что где-то там, в черноте, в струях тумана, в нитях, переплетающихся под ее веками, когда она надевала шлем и отключалась от внешнего мира,— в этом сплетении странных волокон, струн и зияющих прорех Сашка по-прежнему звал ее.

...Нет, конечно, не были они идентичными близнецами. Они даже дружили не очень. Часто дрались — из-за игрушек, из-за того, на кого папка посмотрел. Разве что на море, единственный раз, когда выехали всей семьей... Сначала долгое, душное, жаркое путешествие в поезде, где пахло луком, вином, колбасой и человеческими газами, и Люська забилась на верхнюю полку, а Сашка, наоборот, носился по всему вагону, утомляя попутчиков. Но потом за окном, и за вокзалом, и за спуском из парка распахнулось широченное, серебряное, и все ссоры были забыты. Их смыла соленая вода. Их сожгло солнце, высмуглившее плечи до почти цыганской черноты. И в самой-самой глубине, под органопластиком шлема и под веками, проводя корабль сквозь немыслимые переплетения и складки космической геометрии, Людмила иногда воображала себя рыбой. Рыбой на тонкой блестящей лесе, рыбой,

которую тянут-потянут, вытянуть не могут,— а потом все же водяная пленка прорывается, и солнце чужого мира ослепительно бьет в закрытые глаза.

4. Там

Сашка знал, какой у отца бзик. В сущности, простой и понятный. Папка думал, что мама не выдержала, стоя там, на площадке, когда у ног колыхалась серая мгла. Отдала Люську соседке, а может, как была, с дочкой, кинулась в туман искать их с папой. Это, конечно, вряд ли — куда же делась соседка, и верхние жильцы, и все остальные? Но папка верил. Поэтому и не пускал Сашку в ходоки, а оставлял страховщиком с веревкой, а в свободные дни заставлял удить. Когда еще ноги ходили, сам удил.

Сашок видел, как однажды вечером, в сумерках, папка прокрался на балкон с Люськиной куклой в руках. Пластмассовая дешевая кукла с глупыми красными бантами в патлах. Папка ее на леску прицепил вместо блесны и кинул. Сашку стало нехорошо. И даже не потому, что отец явно мозгой поехал. Из старших почти все были слегка кукнутые, тот же дед Михалыч внизу, говорили, иногда срывается, бегает в тумане, своих кличет — едва его за трос успевают вытащить. Нет, страшно было другое. А вдруг поймает? Такое, что лежит потом на диване, глядя пустыми глазами в потолок, а утром взрывается, забрызгивая стены бурым, клейким. Или такое, которое расплывается синевато-зеленой слизью. Или такое, которое заползает ночью через рот в легкие и душит, душит, пока сам не станешь туманной тварью. Вот так. И этого страха Сашка стыдился больше всего остального, и мучился несказанно, и ночами ему снилась Люська. Как она бегает в тумане, зовет, и в руках у нее — пластмассовая кукла с глупыми красными бантами.

…А на море они в конце концов чуть не утонули. Оба были мелкие, щуплые. Начался прилив, и Люськина светлая, но по-

темневшая от воды голова скрылась из виду. Сашку захолонуло ужасом. Начал нырять, сам наглотался соли, уже из носу лилось. Папка забежал в море по грудь, вытащил, конечно, обоих. Как потом выяснилось, Люська тоже ныряла, пытаясь найти его, Сашку. Вот так.

5. Здесь

— Вулканическая активность тут была титаническая, уж простите за каламбур,— приговаривал Вейне, разглядывая снимки с зонда.— Практически все, что мы видим,— магматические породы. Пемза, а глубже обсидиан, а под ним базальт. Но в основном кремнеземы. Вот молодой коллега подтвердил бы.

Игнатьева в модуле не было, а то непременно бы фыркнул и скорчил недовольную гримасу. Федору не нравилось, когда Вейне подчеркивал его молодость, хотя геологу он, и правда, годился в сыновья. А Людмиле, пожалуй, и в правнуки.

У Людмилы с Леонардом не было сыновей. Только общая работа, да и та — успешная ли? Наверное, успешная. Леонард то и дело ездил на конференции, представлял доклады. У него было много учеников. Пять «форпостов человечества» вне Солнечной системы — чем не успех? Ее с Леонардом дети. Детища. Лучше бы — настоящие мальчишки и девчонки родились. Пацана она назвала бы Сашкой. А второго в честь отца — Толиком.

Сквозь герметичное окно станции-модуля Людмила смотрела на скудный пейзаж снаружи. Скалы из пемзы, серые, желтые и желто-серые, казались мордами зверей и горных великанов. Ветер нес по небу куцые облака — конденсат углекислого газа — с розовыми прожилками. Туман отступил сегодня, и красный шарик солнца наливался над горизонтом поздним осенним яблочком.

Да, эту планету можно было назвать терраморфной разве что с очень большой натяжкой. Температура до минус

ста на поверхности, три десятых процента кислорода в атмосфере, бешеные ветра, скалы и полярные шапки из углекислоты. Людмила прижала ладонь к холодному стеклу. Ей уже почти хотелось, чтобы пришел туман и скрыл угрюмую картину чужого мира. Туман она знала с детства. Опасный, ненавистный и все-таки — тоже свой. Какая-то нить, связь с Землей.

— Что-то Игнаша задерживается,— проворчал Вейне.

Еще одна дурацкая привычка геолога — он звал Федора Игнатьева Игнашей, себя — Аркашей, а Людмилу наверняка называл бы Людашей или даже Любашей, если бы она позволила.

— А куда он улетел? — встрепенулась Людмила.

Игнатьев взял скутер сегодня утром, еще до рассвета. Короткий световой день планеты, особенно в приполярной зоне, к долгим прогулкам не располагал. Надо было среагировать раньше, но время двигалось в последние годы как-то рывками — то его много, застыло студнем, а то, смотришь, уже вечер.

— Да я тут нарыл любопытную полость,— отозвался геолог.— Может быть, может быть…

Вейне прикусил толстую нижнюю губу и застучал пальцами по столу, затем развернул голограмм-схему местности к югу от станции.

— Вот тут. Прозвучка показала интересные результаты. Большая пещера, заполненная, судя по всему, жидкостью. А Игнаша у нас все воду ищет, не изуверился еще.

Игнашу, то есть Игнатьева, можно было понять — если уж они торчали на этой богом забытой планетке, хотелось доказать ее пригодность для Экспансии. Ну и, конечно, узнать, откуда взялся туман. Особенно — откуда взялся туман. Если бы удалось выяснить его происхождение… О, Леонард бы не постеснялся набрать сто пар близнецов и загнать их в сырую мглу, лишь бы воспроизвести результаты того давнего, нечаянного

эксперимента, который устроила над Землей сама вселенная… Или кто-то другой? Исследовательская группа Леонарда уже пыталась сделать это на Пандите, да вот незадача — не сумели достаточно быстро собрать близнецов, и туман схлынул, оставив на камнях влажный след. Людмила тогда чуть не развелась с мужем. Но кто старое помянет…

— Вы пытались с ним связаться?

— Трижды. Не отвечает. Но тревожного сигнала не было.

Она взглянула на часы и, быстро накинув куртку, двинулась к шлюзу.

— Людми-ила Анатольевна! — проныл из-за спины Вейне.— Что вы, в самом деле. Игнатьев взрослый мальчик. Еще двенадцати часов не прошло. А связь тут барахлит, вы же сами знаете — сильные электромагнитные помехи…

— Я за вас отвечаю,— коротко откликнулась навигатор.

И это была правда. Но правда была и в том, что ей смертельно осточертели эти кремово-белые стены. «Навигатора надо беречь». Первое правило «внешних» полетов, выверенная политика космофлота — только эти ребята не задумывались о том, какие люди шли в навигаторы. В их с мужем бездетности был виноват не Леонард. Она, Людмила,— ей вечно не сиделось на Земле, словно и в самом деле что-то манило из космоса, звали туманные голоса. Ей было некогда. Даже сейчас, на старости лет, не могла побороть эту неусидчивость.

Вейне закряхтел, нехотя свернул голограмму и потащился к шлюзу за ней. Он тоже читал инструкции.

6. Там

Вась-Вась щедро поделился кисляком, а это непременно означало, что ему что-то нужно. Был он противный, длинный, морщинистый не по годам и гунявый — ну рыбоед рыбоедом. Оба сидели на краю крыши, грелись на солнышке.

За спиной трудились огородники. Тыквы уже начали зреть, светили сквозь листья желтым боком. У Вась-Вася нет-нет глаз и косил — наверняка думал, как бы тыковку подтибрить. Но основная задумка его была не в этом.

— Ну давай,— сказал Сашок, сплевывая зеленым через губу.— Колись. Че нужно?

Вась-Вась заерзал на краю, словно на ежа уселся.

— Ты вот что. Димыча знаешь?

Сашка кивнул. «Дикий ходок». Всегда один таскался, хотя, конечно, и со страховкой. Брат его страховал.

— Так это. Он аптеку тут неподалеку нашел. Аптека на Четвертой Трамвайной, круглосуточная. Еще не разоренная.

— Ну…

Эта была, конечно, самая наглая ложь. Аптеки ходоки еще в первые месяцы обчистили, от слабительных до тестов на беременность — все разобрали.

— Откуда там аптека вообще? — хмыкнул Сашка.— Отродясь на Трамвайной аптек не было. Детсад был, школа была. А аптек — не было. Так что не свисти.

Вась-Вась скуксился и снова заерзал.

— Так это, пришла она. Бродячка. Про Северную Долину слышал, как они отвязались и ушли? А эта, наоборот, к нам. Я вот что думаю — хорошо бы туда сходить…

Голову набок свернул и искательно так в лицо Сашку вытаращился, гнида рыбоядная.

— А че Димыч? Сам, что ли, не мог?

— Так ты ж знаешь, брат у него спрыгнул. С крыши сверзился и куку, к летунам. Видели, как он пролетал у второго корпуса. А Димыч без брата не ходок. И потом, он говорит, спужался сильно в тот раз. Как внутрь зашел, на крышу села большая рыба и давай давить — давит, давит, аж перепонки трещат. Думал, задавит. Быстро убежал, только вот пузырек захватил…

Вась-Вась вытянул из кармана и затрещал пузырьком. На пузырьке надпись, «Антигриппин». Потом вытряхнул на грязную ладонь пару таблеток, настоящих вроде.

— Я тебя, слышь, подстрахую. А ты бы и для отца лекарство какое добыл.

У Сашка внутри аж все заныло. Бабка Мара говорила, были такие, сильные лекарства от ног — «Валькарен» или что-то вроде, переспросить надо… Сашок тут же себя одернул — это что? Получается, Вась-Вась, рыбоед чертов, его уже и уговорил?

Папка запрещал звать туманных тварей «рыбами». Может, они люди. Или коты. Или инопланетяне. А начнешь звать все подряд рыбами, так и до Вась-Вася с его батяней докатиться недолго, будешь их жрать и про крючок из губы рассказывать…

Рыбоед уже вытащил из кармана грязную бумажку, на ней начерчена ручкой грубая схема.

— Димыч мне тут набросал. Вот так идти и так. Видишь, недалеко, метров пятьсот. Шнура у меня хватит.

— А че Михалычу не предложишь?

Вась-Вась серьезно удивился, даже глазищи рыжие, в жилках, вытаращил.

— Ты чего, тупой? Он все себе и своим ребятам заберет, а мне что — спрей от насморка? А так мы добычу поделим. Димычу, конечно, тоже отстегнуть придется — но он с тобой не пойдет, что наберешь, не увидит. Разберемся между собой.

Сашок ненавидел себя, просто вот ненавидел, еще больше, чем Вась-Вася, но уже знал — пойдет.

7. Здесь

Стариковские мысли — не воспоминания, а именно стариковские, как ворчание давешних бабок на лавочке у дома,— посещали ее в самые неподходящие минуты. Вот как теперь. Она гнала краулер по неровной поверхности, машину иногда резко болтало и заносило, и мысли приходили глупые: о том,

что истончившиеся хрупкие кости могут и не выдержать такой тряски; о том, как из-за постоянно давящей тяжести пухнут ноги и руки и уже с трудом лезут в перчатки скафандра; как некрасиво вздуваются под кожей синие вены… А потом вдруг ударило резко — туман! Что, если Игнатьев попал в туман? Это объяснило бы и отсутствие связи — ведь пытались же они в День Прилива дозвониться до своих, но мобильники не работали. Да и потом, уже на экзопланетах, отмечали, как серая мгла глушит связь. И еще эти шутки со временем. Если Игнатьев вышел из скутера, запаса кислорода ему хватит часов на пятнадцать. С запасными баллонами — еще на пять. И все. А кто знает, как идет время в тумане? На Пандите пробовали измерять, но что-то ничего у них не получилось… Распухшие руки в перчатках чуть дрогнули на штурвале, машину опять занесло, и тут на мониторе вспыхнула красная точка. Скутер, конечно. Всего в десяти километрах к югу, там, где Вейне нашел пещеру. Судя по сигналу, скутер стоял на поверхности.

— Попробуйте еще раз связаться с Игнатьевым,— сквозь зубы попросила Людмила.

Вейне кивнул и переключился на внешнюю связь, но, судя по всему, сигнал опять не прошел.

— Думаю, он внизу, под землей. Пещера довольно глубокая.

— И сколько он там, по-вашему?

Вейне пожал плечами — насколько позволял ремень безопасности.

Глупый вопрос. Оставалось надеяться, что скутер Игнатьев оставил у спуска в пещеру. Если придется долго искать вход… об этом Людмила предпочла не думать и еще прибавила скорость. Серый пейзаж за боковыми окнами наливался чернотой. Экран, заменявший лобовое стекло, работал и в инфракрасной области, ему темнота была нипочем,— но за правым плечом остро и безжалостно вспыхивали звезды. Бледные

днем, в свете тусклого здешнего солнца, ночью они горели куда ярче, чем на Земле.

Людмила любила звезды. Пускай рисунок созвездий менялся, но все равно звезды оставались чем-то постоянным, на фоне чего проходила короткая и в целом бессмысленная человеческая жизнь. Красивый задник. Слишком красивый для такой скучной пьесы.

Впереди замаячил низкий горный массив, и там, у почти вертикальной скальной стены, красным пунктиром проступило крылатое пятно — очертания скутера.

— Приехали,— сказал Вейне, большой любитель констатировать очевидное.

8. Там

А веревка в тумане и правда светилась. И даже, кажется, пульсировала тихонько, как наполненная кровью жила. Светлой кровью, кровью солнца… тьфу. Будешь так думать, тоже поедешь, как раз на крючок к Вась-Васю попадешь. Хотя нет. Вась-Васю сейчас не до ловли. Он же Сашку страхует.

Вот по-честному — страшно было спускаться в туман. Сразу вспомнилось, как остался один на площадке, и только треск пластиковых колес по ступенькам… И дышать тяжело, как в парной, куда, бывало, папка брал его в детстве. Но потом развиднелось. Как будто сумерки, только что-то маячит у лица, муть какая-то, и не смахнешь. Под ногами проступила лестница. Второй этаж. Ободранные дверные косяки — двери-то давно унесли для всяких хозяйственных нужд. По этим квартирам смысла ходить не было, их подчистую разграбили еще в первые месяцы. Сашок провел рукой по стене, где была когда-то надпись «Жека плюс Ма». Машка? Маришка? Не мама же? Помнится, гадали, когда мелкие были. Сейчас надпись съел туман. Под пальцами ощущалась лишь сырость, скользко шелестел рукав дождевика. Сашка взял папин. Папка

все равно не выходил уже давно. Дремал, откинув на подушку сухую голову, выпятив кадык и обметанный седой щетиной подбородок. Ничего. Если аптека правда там, ничего. Еще поправится. Еще вместе в туман ходить будут.

Входная дверь отворилась туго. Сашка споткнулся о порожек — отвык, и чуть не сверзился с двух ступенек крыльца. Веревка дернула, натянулась. Она по-прежнему светилась, рассеивая хмарь. И пускай ее держал в руках противный Вась-Вась, Сашок все же обернулся и украдкой погладил шнур. Под пальцами текло живое тепло.

Вась-Вась сказал так: «Выйдешь из-под арки, ну ты помнишь, направо, и дуй до перекрестка, не сворачивая. По сторонам не пырься. Вверх не смотри — рыбу насмотришь или летуна, а они в тумане дикие бывают. И, главное, не слушай особо. Там хрумстит, и бурчит, и возится всякое, и вода как будто течет. И особо дуду не слушай».

«Да что я, маленький?» — сердито отбрехивался Сашок.

Он не верил в Дудочника, хотя пацаны помладше любили девчонок такими сказками пугать. Мол, услышишь звук, будто кто-то дудит в тумане, тонко так, жалобно,— пойдешь и сгинешь. А другие, наоборот, говорили: «Беги за ним, Дудочник из тумана выведет». Сашок не верил ни тем ни другим. Михалыч ничего про Дудочника не рассказывал, а ему-то подтуманье как не знать! Ну и смысл идти? Допустим, даже и выведет — и куда ты такой один, без папки, без друзей, даже вот без Лехи с Ленькой, противных братцев? И что там?

Размышляя так, Сашка пошел наискосок, через детскую площадку с песочницей, чтобы поскорей добраться до арки. У песочницы его чуть удар не хватил — почудилось, что сидит там девчонка в синей детской панамке, ну вылитая Люська. Остановился, дышать перестал. Люська обернула к нему белое безглазое личико, махнула совочком и растаяла. Туманный морок. Ни рыба, ни нижний житель — просто видение. У всех, говорят, бывает. Пальцы в старых кедах поджались. Сашок, вопреки наставлениям Вась-Вася, все же поднял голову. Кажется, только тут, стоя рядом с песочницей, впервые осознал, что сам — без папки, без Михалыча! — полез вниз.

Наверху ни черта было не видать — ни рыб, ни людей, только волглое, серое. А потом увидел — от соседнего дома тянутся вниз светлые нити. Удильщики. Рыбачки, как он. Надо было обойти эти нити осторожней — Михалыч говорил, в тумане крючки иногда оживали и сами норовили впиться куда больнее. А может, очередные ходячьи байки.

Сашок встряхнулся и поспешил под арку. Отворил сердито скрипнувшую калитку, вышел на улицу. Тускло блестели во мгле трамвайные пути. Пахло почему-то весной и цветущими каштанами и немного тиной от Стерляжьего пруда. Отродясь там никаких стерлядей не водилось, одни красноперки и всеядные, вечно голодные утки. Когда они с Люськой были

маленькими, мама водила их туда кормить уток. Известно было — сколько булки ни захвати, а тем все мало. Люська уток любила, кликала их «утя-утя», а Сашке очень хотелось поддать утям под толстый зад. Но мамка, конечно, не разрешала.

Сунув руки в карманы дождевика, он развернулся направо. В тумане торчали какие-то длинные темные тени — то ли деревья, то ли столбы, то ли ноги гигантских слонов. Наверху вздыхало, шелестело — может, ветер? Мокро капало. Когда Сашка прошел три дома, тиной запахло сильнее. Перекрестка почему-то все не было. Шнур тревожно подергивался, словно хотел оттащить назад. И тонко, печально откуда-то спереди — от пруда, что ли? — завела свою песню дудка. Идти туда не хотелось. Совсем. Сашок остановился, думая, не повернуть ли назад. Он уже основательно продрог и мелко трясся, зуб на зуб не попадал, хотя шел всего минут семь. Взял в руки веревку, подергал — и вдруг из глубины тумана дохнуло что-то, как будто в грудь толкнуло, и зззззззззззззззззззззз…

— Прилив! — выкрикнул Сашок вслух и тут же захлебнулся нахлынувшим плотным облаком.

Ухватившись за веревку, он кинулся назад, уже не разбирая дороги, спотыкаясь на трещинах асфальта и налетая на деревья-столбы с колючей неживой корой. Вась-Вась страховал его с пятого. Но если прилив, он ведь бросит, непременно бросит… Веревка дрогнула и упала под ноги Сашку тонкой змеей. И тут же начала меркнуть.

9. Здесь

Пока спускались вдоль страховочного троса, который провесил Игнатьев, у Людмилы раза три прихватывало сердце. Она старалась не показать, двигалась быстро, резко отталкиваясь от скальной стены. Спуск был почти вертикальный, но удобный — есть куда ногу поставить, передохнуть. Налобный фонарь освещал длинную горловину пещеры, метров

восемьдесят-сто, наверное. Вейне страховал Людмилу, карабины держали надежно, и опасаться было нечего — только отчего так болело сердце?

Потом Вейне спустился сам и отстегнул карабин. Только тут Людмила огляделась. Вглубь пещеры вела широкая естественная арка. Мокро блестел черный базальт.

— Отключите фонарь,— сказал по интеркому Вейне.

Она сначала не поняла.

— Что?

— Людмила, отключите фонарь.

Она отключила, и лишь через несколько секунд дошло — оттуда, изнутри, лился тусклый серый свет.

— Оставь надежду всяк сюда входящий,— мрачно пошутил Вейне и, смотав трос, двинулся под арку.

Оказывается, он тоже читал книжки. Людмила улыбнулась, несмотря на пульсирующую в грудине боль, и пошла следом за геологом.

Игнатьева они нашли у воды. То есть, может, это была и не вода. Подземное озеро раскинулось до предела видимости, за которым клубился один туман. Поверхность озера была неровная, с какими-то вязкими, медлительными волночками, похожими на кочки. Между кочек тоже свивались струи тумана. Берег, засыпанный крупной черной галькой, резко уходил вправо, а прямо перед ними вдавался в озеро острым мысом, и на этом мысу на корточках сидел Игнатьев. На секунду Людмиле представилось, что химик уже умер — он такой же мертвый, как эти камни, как неприятные тягучие волны. У самого берега, похоже, шла какая-то химическая реакция, вскипали крупные пузыри — такие она видела в детстве, когда мальчишки бросали в воду карбид. Еще секунду спустя Людмила поняла, что неправильно. На Игнатьеве не было шлема.

Услышав их шаги, химик обернулся. Ко лбу его прилипли темные пряди. Вейне включил переговорник и рявкнул:

— Игнатьев, где ваш шлем? Вы что, спятили?

Химик покачал головой и ткнул пальцем в один из индикаторов скафандра. Уровень кислорода. Шкала налилась зеленью — процент кислорода в атмосфере, пригодный для дыхания. Людмила быстро вывела данные на ретикулярный экран — девятнадцать процентов, ого! И температура около пятнадцати Цельсия…

— Тут образуется перекись, — хрипло крикнул Игнатьев. — И выделяется кислород, тут, у берега. Там, дальше…

Он махнул рукой.

— Я запустил зонд. Коллоидный раствор поликремниевых кислот. Водный раствор. Там вода. Много воды.

— Вот вам ваше терраформирование, Людмила Анатольевна, — тихо сказал Вейне по интеркому, но шлем снимать не стал.

Снова перейдя на громкую связь, он прокричал:

— Отлично, Игнатьев. Просто отлично. Вы молодец. Вы нашли воду. А теперь герметизируйтесь хорошенько и пойдемте-ка домой…

Людмила подумала, что таким тоном говорят с неразумными детьми. Логично — Вейне решил, что Игнатьев наглотался углекислоты и бог весть чего еще, что есть в здешнем воздухе…

Химик, все так же горбясь и сидя на корточках, вновь развернулся к другому берегу озера. Людмила замирающими шагами двинулась к нему. Она тоже начала понимать. Начала видеть.

— Лет пять назад я посмотрел один старый фильм. Восстановленная пленка, даже в чувствилку побоялись переносить, — негромко сказал Игнатьев, когда Людмила подошла.

В наушниках его голос звучал как-то неестественно, механически. Или это из-за помех, вызванных разлитым в воздухе электричеством? Скафандр начал чуть искрить, хотя и был

сделан из антистатического углепластика. И что-то такое зудело в ушах, тонко, на грани слышимости — зззззззззз…

— Там было про планету с разумным океаном. Он творил странные вещи, создавал фантомы. Я хорошо запомнил один — туман, клубы тумана над водой, а внизу островок, и на нем дом, и старик у дома…

Игнатьев указал рукой, но Людмиле уже и не требовалось — она видела сама. За кочковатой поверхностью коллоидного моря вздымались над туманом темные силуэты башен, высоток или гигантских колонн, переплетенных светящимися, пульсирующими нитями, и в этих башнях мелькали живые светляки…

— Что это, Игнатьев?

— Инопланетный город? — он пожал плечами. — Или энергостанция другой цивилизации? Я не знаю… Зонды его не видят. Они возвращаются, и на снимках только тот край пещеры…

Людмила уже не слушала его — потому что повеяло ветром (когда она успела снять шлем?), — и ветер нес запах цветущих каштанов и тины. Большое туманное облако у самой воды, там, на том берегу, сдвинулось в сторону, открывая длинные мостки и беседку с утиным домиком. Стерляжий пруд, в котором отродясь не водилось никаких стерлядей. На мостках стоял мальчик-подросток. Стоял, сжимая в руке большой моток веревки, и отчаянно, пристально смотрел в туман, и даже с такого расстояния Людмила — нет, Люська — узнала его, хотя прошли уже годы. Сколько? Лет пять прошло…

Людмила сама не заметила, как сделала шаг вперед, и нога ступила в воду, запузырившуюся у лодыжек. Еще шаг. Еще.

10. Где-то

Лучше бы Дудочник. Сашок бы много отдал сейчас за его дудку, гундосо ноющую вдали, или хоть за чириканье глупой птицы воробья, или за кряканье уток. Но уток в утином

домике не было. Вообще ничего, тишина, гладкая, серая вода, гладкий, как срез масла, туман. Сашка сам не понял, как очутился на мостках — наверное, шел по запаху тины, это было единственное, что осталось не гладким, не тусклым, не серым в сплошной туманной стене. И, пока шел по скрипучим доскам, даже обрадовался — хоть какой-то звук. Теперь он стоял у самого края причала, где когда-то причаливали катамараны с веселыми парочками. Доски были заляпаны утиным пометом. Волны где-то внизу бились об обросшие тиной столбы, хотя откуда на пруду волны?

Сашок уныло взглянул на моток троса в руках. Второй конец был помят, изжеван и даже обслюнявлен, словно его грызла какая-то тварь — хотя сложно была представить, какие зубищи могут за пару секунд перекусить металлизированный страховочный шнур. Без веревки к жилью выходили только счастливчики. Вроде папки. Или Михалыча. И то — проблуждав в тумане несколько дней.

...Он пытался, честно пытался. Казалось — пройди сотню шагов, упрешься в калитку под аркой, оттуда через двор и до парадной. Или войди в другой дом, в любой дом — все жилые корпуса района связаны проводами, мостиками, канатами, перекинутыми с крышы на крышу, даже настоящими подвесными мостами — ведь ходить из дома в дом надо, не спускаться же в туман всякий раз? Эти мосты и канаты и держали их вместе, здания и людей, а теперь Сашок оторвался и плыл один в туманном море, как негодный буек. Они нашли раз такой с Люськой — большой шар, опутанный рыбацкой сетью и водорослями. Люська еще завизжала, представив, что там чья-то голова...

Сашок переступил с ноги на ногу и взглянул на тот берег. Ничего. Серая стена. Ждать конца прилива? А когда он кончится? Прилив начинается с тревожного звона в ушах, с писка маячков на лестницах, а кончается всегда внезапно — было

и схлынуло. Присев на корточки, Сашка опустил руку и кончиками пальцев дотянулся до воды. Просто чтобы что-то сделать. Вода оказалась не по-летнему холодной и какой-то липкой, словно в нее вылили жир от тушенки.

Когда Сашка поднял голову, он увидел Люську. Люська была такая же, только почему-то с короткими седыми волосами, обрамлявшими лицо, и в тяжелом неловком скафандре. Люська шла по воде к нему.

— Сгинь! — одними губами прошептал Сашок.

Но призрак не сгинул, как раньше в песочнице. Мальчик вскочил на ноги и уставился на привидение во все глаза. Нет, кажется, это был не призрак — потому что с каждым шагом Люська погружалась в воду. Сашка завертел головой, почему-то ожидая, что сейчас появится папка. Появится и спасет, как тогда, на море. Но папки не было на пустых мостках. Значит, спасать эту новую, взрослую или старую, Люську придется ему. Больше некому. Он снова посмотрел на моток веревки — вот и пригодилась, хорошо, что не бросил,— быстро обмотал ею столб беседки, завязал двойным узлом и, держа свободный конец в руке, с шумом спрыгнул в черную ледяную воду.

Веревка светилась. Сашок бегал к ней и проверял раз двадцать, пока Вейне наверху приспосабливал запасной скафандр под детский размер. Когда их — Людмилу и задыхающегося, вопящего что-то мальчишку — вытащили на руках Игнатьев с Вейне, веревка сияла, словно неоновый шнур. И сейчас было видно, как она тянется над подземным озером — яркой стрелой, живой светоносной жилой,— тянется, не теряясь в тумане, к беседке и мосткам.

— Как ты?

— А как ты?

— А сколько времени?

— А у вас?

— А как папа?

— А мамка?

Людмила — нет, все же Люська — прикрыла глаза и тихо, счастливо рассмеялась. Она все еще не верила, или верила не до конца — но Сашок божился, что веревка главное, что теперь тот, навсегда, казалось, потерянный в тумане мир и этот, холодный и звездный, — прочно связаны.

— Папка нас найдет. Пойдет с Михалычем и найдет, — прыгая вокруг Люськи, тараторил он.

Полуторной силы тяжести Сашок просто не замечал, гарцевал как конь. Эхо множило его подростковый ломкий басок.

— И Леху с Ленькой перетащим! Они, конечно, противные, но нечего им там сидеть. И остальных. Может, даже Вась-Вася. И знаешь…

Он уставил на сестру сияющие глаза.

— Я буду как ты — навигатором. Я ведь сюда прошел, значит, могу. Правда, могу?

— Правда, — ответила Люська.

И она знала, что это чистая правда.

ЗОНИС
Юлия Александровна
(род. в г. Рустави).
Училась на биофаке МГУ, стажировалась в Англии и Канаде. Призер сетевых литературных конкурсов. Первый рассказ опубликован в 2005 г. Затем последовали 7 романов и многочисленные рассказы и повести. В «Если» дебютировала в 2007 г. Лауреат нескольких премий по фантастике. Член Союза писателей С.-Петербурга с 2014 г.

АВИЛЬЧЕНКО
Игорь Владимирович
(род. в 1971 г., Ленинград).
С детства увлекался фантастикой и рисованием. Первая публикация, рассказ «Сыт (н) ый» (соавтор Ю. Зонис), состоялась в 2013 г. С тех пор опубликованы два соавторских рассказа и повесть. Иллюстрировал роман Ю. Зонис «Хозяин зеркал», сборник М. Гелприна «Миротворец 45-го калибра» и др. Лауреат премии «Интерпресскон-2014» в номинации «художник».

В 2038 году
ослепительный белый свет
опустился на центр Токио
и стер воспоминания
более чем у миллиона человек.
Причина трагического явления
не выяснена, и исцеления нет.
По приказу правительства
все жертвы были переселены
в подземный город.
Мало кто понимает, что колония людей,
утративших воспоминания,
становится основой
для создания новой цивилизации...

Издательство Terra Fantastica представляет
Самые фантастические истории в мире!

Когда легендарный король воров
Ишикава Гоэмон узнает,
что из императорского дворца
под усиленной охраной
будет вывезено некое сокровище –
древний артефакт «шкатулка
Лунной мелодии», – он не может
удержаться, чтобы не украсть его.
Захотеть-то легко, гораздо труднее
исполнить задуманное, а еще сложнее –
справиться с содержимым шкатулки!
Учитывая, что коробочка имеет
способность «выхватывать» людей
и предметы из будущего...

Алексей Молокин

Мурашки последней мировой

It is the evening of the day
I sit and watch the children play…

Rolling Stones

Жизнь длинная, но короткая…

* * *

Когда-то все знали, что они существуют, эти станции. Потом о них почти забыли. Обывателям вообще свойственно забывать, тем более о том, что летает где-то на высоте в тридцати шести тысячах километрах. Раз не увидишь, как голову не задирай, так чего там помнить. Болтается какое-то старье, да и ладно, авось не упадет. Тем более что на головы не каплет.

Но станции по-прежнему работали.

На низких орбитах, на средневысотных, на геосинхронных и геостационарных.

С низкими — с теми все понятно — там, на высотах до 2000 км, служит молодежь, экипажи платформ меняются раз в квартал, там современная автоматика и новейшие орбитальные перехватчики. По сути дела, там еще Земля.

А вот на геосинхронных и геостационарных — старики.

А еще выше геостационарных, всего-то на 200–300 км,— орбиты захоронения земного и космического старья.

Где старикам жить, как не около кладбища?

* * *

Когда-то давным-давно русскими была разработана система «Периметр», она же «Мертвая рука», способная нанести ответный удар даже после уничтожения страны. Об этом одно время много и зло писали разномастные журналисты,

бестолково и азартно спорили блоггеры, кинематографисты снимали апокалиптические ужастики, в общем, проблему, как водится, сначала затаскали до обыденности, а потом и вовсе закопали. Хотя, может быть, что как-то и решили.

Но, скорее всего, оставили все как есть.

Кто знает?

А вот о том, что кроме нее существовали и другие системы посмертного отмщения, такие, например, как «Бессмертник» или «Молот Тора», он же «Мьельнир»,— известно немногим. «Бессмертник» — это, разумеется, у русских, любят они присваивать цветочные имена всяким убойным штукам. Ну а «Мьельнир» — понятно у кого.

Да оно и хорошо, что немногим, а то для некстати просвещенного человечества такая информация запросто обернулась бы массовым психозом или чем-нибудь похуже, вроде «синдрома леммингов».

Хотя, может быть, и привыкли бы, как привыкли к регулярным предсказаниям конца света. Ждем, ждем, а он все никак не кончается! Врут, стало быть, астрологи.

Вот только боевыми системами занимались вовсе не астрологи, а вполне серьезные люди, и сделали эти люди свою работу хорошо. Даже слишком.

Дело в том, что обезвредить эти системы невозможно, по крайней мере до той поры, пока мировые державы, инициировавшие создание этих чудовищных космических каруселей, не научатся доверять друг другу.

Кончился один век — они так и не научились.

Переломился пополам следующий — о доверии уже никто даже и не заикался.

А запущенные на вытянутые гелиоцентрические орбиты ядерные самонаводящиеся боеголовки тем временем завершили оборот вокруг дальнего фокуса некомпланарного к солнечной эклиптике эллипса и пустились в обратный путь

по длинной дуге, на конце которой находилась планета под названием Земля.

Русские, американские, китайские, они двигались тусклым роем в глубинах пространства, безразличные и целеустремленные, не ведающие страстей и законов, кроме законов Кеплера да всемирного тяготения, недоступные человеческим средствам дальнего обнаружения, неизменные, как прошлое, и неотвратимые, как будущее.

Некоторые из них столкнулись с другими беспризорными космическими телами и сгинули навсегда, рассыпавшись безвредной для вселенной радиоактивной пылью, но остальные продолжали вершить свой долгий путь на родину.

И обезвредить их мог только радиосигнал, содержащий элементы кода, известные всем сторонам предполагаемого ядерного конфликта, что должно было свидетельствовать о наступившей наконец эпохе доверия между странами и народами Земли.

И тогда над Землей просто пройдет метеоритный дождь. Великолепный метеоритный дождь, привет из далекого прошлого. Салют наступившей эпохе доверия и всеобщего благоденствия.

Эпоха доверия так и не наступила. С благоденствием, увы, дело обстояло ничуть не лучше.

Да и многих государств, создавших и запустивших ракеты в глубокий космос, уже не существовало, а их кровавые ошметки чуть ли не насмерть грызлись между собой, так что какое уж там доверие и тем более благоденствие!

Запущенные в те эпические времена, когда компьютеры и телефоны были большими, зарплаты у чиновников маленькие, а ученым и космонавтам уделялось куда больше внимания в газетах и на телевидении, чем шлюхам, геям и политикам, эти споры отложенной смерти неумолимо возвращались к месту своего рождения.

Парадоксально, что люди, сотворившие их, совершенно искренне верили в человечество и самым серьезным образом желали мира во всем мире.

Они были наивны, эти люди, они так и не повзрослели по-настоящему, они прожили свои секретные жизни под фейнмановские барабаны и самодельные песенки про физиков. И еще — они были самоотверженны и гениальны.

В том-то вся и беда.

Немного позже, когда с треском раскололся миф о светлом будущем объединенного человечества, наследниками наивных гениев были разработаны и собраны на высоких орбитах эти огромные и несуразные с виду космические базы.

Для перехвата баллистических ракет они были бесполезны — слишком далеко, не успеть. Как центры связи тоже — с этим успешно справляются недорогие автоматические спутники.

Но они могли, пусть и с небольшой вероятностью, обнаружить летящих в пространстве вестников отложенной смерти и с еще меньшей вероятностью уничтожить или хотя бы проредить их ряды.

Все лучше, чем ничего.

Смерть человечества должна была прийти извне, и кому надо — тот об этом знал. А остальным скормили очередную сказочку об агрессивных пришельцах.

О том, что эти пришельцы — пришельцы из прошлого и современным людям приходятся дедами-прадедами, никто, разумеется, и слова не сказал.

Не потому что прошлое — свято, просто изменить его нельзя, по крайней мере в данном конкретном случае. Тут переписыванием учебников ничего не добьешься, так что пусть обыватель занимается своими проблемами.

А проблем у него и без того хватает, а нет — так сильные мира сего подкинут. Чтобы лишнего не думалось.

Предки оказались гениальными математиками, физиками и инженерами, но в политике и человеческой глупости они не смыслили ни черта.

Они были слишком хорошего мнения о нас, их потомках.

Простим им это.

Хотя бы потому, что нам больше ничего не остается.

***

У Земли были деньги, была информация и был страх. Поэтому станции построили, вывели на орбиты, разместили на них средства дальнего обнаружения, сотни автоматических мурашек-перехватчиков, и, конечно, обслуживающий персонал.

Для большинства жителей планеты они так и остались станциями обнаружения астероидов или кораблей агрессивных пришельцев извне, хотя сбить с курса мало-мальски приличный астероид, а уж тем более разнести его вдребезги, микроскопические по меркам космоса самонаводящиеся перехватчики в принципе не могли.

А вот перехватить древние боеголовки были вполне способны. По крайней мере, в это хотелось верить.

Прошло время. Обыватели убедились, что пришельцам на них плевать, астероиды благополучно пролетают мимо, пороптали немного насчет выброшенных в космос денежек, угомонились да и занялись земными делами.

Тем более что средства массовой информации на эту тему предпочитали помалкивать.

Про станции не забыли, но дела земные оказались таковы, что много лет до этих станций добраться было недосуг, да и денег свободных не было.

То кризис, то локальная война, то примадонна рожает, то флора озвереет, то фауну на извращения потянет. В общем,

много их, болячек, на благостном челе цивилизованного человечества, одна очередная виртуальная лихорадка чего стоит!

А что касается нецивилизованного — так ему до высокого космоса и вовсе дела нет, с голодухи бы не подохнуть — и ладно.

Не прошло и половины столетия, как персонал станций сократился. Кто-то вернулся на Землю, кто-то умер, кто-то попросту рехнулся, так и не сумев поладить с пустотой за бортом.

Наконец, на громадных платформах остались только дежурные, люди, которых дома никто не ждал. Или те, у которых на Земле оставались проблемы. Денежные или какие-нибудь другие.

Кстати, платили дежурным и в самом деле сравнительно неплохо.

Земные государства сливались и делились, словно амебы, намечавшееся некогда единство цивилизаций рухнуло, не успев состояться, потом кто-то пришел в разум, кто-то нет, и его пришлось вразумлять насильно. В общем, обычные человеческие дела, подножный корм для историков и политиков.

До космоса ли тут?

А дежурные так и остались на орбитах.

Платформы были рассчитаны на сотню человек каждая, продовольствие и вода имелись в избытке, кроме того, «замкнутый цикл», в общем — если бы там оставалось побольше народу, то, глядишь, вокруг Земли возникли бы этакие «космические деревни» с неумолимо дичающим населением.

Но там оставались только дежурные, которые по всем земным меркам должны были давным-давно умереть.

Они состарились, но не умерли. Великий Космос изменил их. Ведь на орбитах они провели не годы и даже не десятилетия, а почти век.

Так суша изменила первых существ, рискнувших выбраться на нее и остаться.

Так небо изменило пресмыкающихся, научившихся держаться в воздухе, превратив их в птиц.

А космос изменил людей.

Человек вышел на очередной виток эволюции, но человек космический оказался никому не нужным на Земле стариком. Человечество, занятое своими повседневными делами, его просто не заметило.

Старикам нельзя было на Землю, Земля убила бы их сразу.

Годы и годы они не могли уйти в глубокий космос, потому что двигатели ориентации были слабы, их импульса хватало лишь на то, чтобы немного скорректировать орбиту, не больше. Да и что старикам делать в Большом Космосе? А потом, когда двигатели стали и вовсе не нужны, все равно оставался долг. А старики привыкли платить долги.

Может быть, космические дикари из несостоявшихся орбитальных деревень были бы полезнее Земле, чем космические старики? Полезнее — вряд ли, а вот интереснее — возможно.

Им нашли дело, оправдывающее их существование в глазах обывателя, — отслеживать мусор на орбитах захоронения.

Должность смотрителей при околоземном кладбище.

Дело, в общем-то, понятное, но не особо нужное, потому что земная цивилизация, в который раз поднимаясь с четвереньек, краем глаза уже поглядывала в небо, но до того, чтобы навести в приземелье хоть какой-то порядок, было еще, ох, как далеко.

Чем занимаются старики?

Летними вечерами они собираются во дворе, чтобы поиграть в домино, немного выпить, побурчать о стариковских болячках, о хлебе и вине насущном, ну и еще, разумеется, о вечном. Потому что вспоминать прошлое бессмысленно, его уже нет, да и на будущее рассчитывать особенно не приходится.

А вот вечное — оно всегда с тобой, и чем дольше живешь — тем оно ближе. Его чувствуешь, хотя толком и не знаешь, что это такое.

Вот и они выбрали понемногу некомпланарность орбит своих обиталищ с помощью двигателей центра масс и раз в сутки, так сказать космическим вечерком, слетались в стаю, чтобы погонять очередную мурашку.

Что такое «мурашка»?

Мурашкой на орбитальном жаргоне называли космический перехватчик, маленькую ракетку, со всех сторон утыканную двигателями. Время ее жизни не больше нескольких минут, заряда она, как правило, не несет, зато разгоняется маршевым двигателем почти до сотни километров в секунду, маневрируя при этом во всех трех плоскостях. Предполагалось, что такая «мурашка» может попасть в возвращающуюся по эллиптической орбите боеголовку или даже в корабль злонамеренных пришельцев и уничтожить цель за счет собственной кинетической энергии.

Смешные они были, эти мурашки.

«Бешеные огурцы», с густой россыпью одноразовых импульсных корректирующих двигателей на боках, «снежинки», с растопыренными соплами ориентации, «бублики», с кольцевым разгонным блоком, в центре которого блестела оптика самонаведения, и торчащими вбок соплами двигателей привода центра масс.

Множество мурашек досталось старикам в наследство от их великой космической молодости, теперь они стремительно устаревали. Вот старики и развлекались как могли. Все равно с каждым рейсом орбитального автоматического грузовика на станцию доставлялись новые мурашки.

Москиты, растопырки, паучки, ромашки, бешеные табуретки, чумки…

А старые полагалось утилизировать, то есть сбросить на низкие орбиты, чтобы земная атмосфера сожгла и развеяла их.

Но это было бы скучно, а старикам — им ведь тоже нужно как-то развлекаться.

Каждый дежурный выпускал свою, любовно перепрограммированную мурашку, которая немедленно начинала охотиться за мурашками соседей или удирать от них со всех своих реактивных силенок.

Кому водить, а кому удирать, решал жребий.

Чьи мурашки улетали в открытый космос — тот и выигрывал.

Нарушение инструкции, конечно, только инспекторы сюда не очень-то торопились, да и поди-ка проверь, чем там занимаются эти орбитальные старперы?

Детские игры? Пожалуй! А чего вы хотите от стариков, пусть даже и космических?

Передачи с Земли их не интересовали, потому что они просто не могли оценить ни нынешнего земного юмора, ни, тем более, современного искусства.

Им вообще не было дела до земных новостей, они научились слушать космос. И понемногу начинали его понимать.

А кроме Космоса и Земли, ничего и не было.

Космос. Мурашки раз в сутки. И Земля, на которую они никогда не вернутся.

***

Низкое солнце залило жидкой медью окна соседней девятиэтажки, плеснуло расплавом по глазам, накрыло зеленой тенью линолеум на дощатом столе, мутно вспыхнуло в пластиковых одноразовых стаканчиках, живописно развешенных на ветвях старого вяза. Мазнуло рассеянным взглядом

по рассыпанным по столешнице костяшкам, выдохнуло последний свет и провалилось за высотки.

— Валентиныч, ты играешь? Нет? Тогда вон пусть Илюха садится. И Ринат. А ты махни маленько, не стесняйся, сейчас Клёст еще за одной сбегает. Сбегаешь, Клёст?

— Почему опять я?

— Потому что самый молодой. На вот… и колбаски возьми, да докторскую не бери, там одна соя, бери русскую.

— Та же соя, вид сбоку,— буркнул Клёст, удаляясь.

— Ну, у кого «баян»?[1] Заходи, люди ждут…

Любители лаун-тенниса, горных лыж, пляжного волейбола, бадминтона, большого футбола, шашек, шахмат и прочих благородных игр и игрищ, не морщитесь пренебрежительно, услышав стук костяшек во дворе вашего дома, не звоните в полицию, хотя там, за столиком в тени деревьев, конечно же и выпивают, не особо таясь! Да и расположен заветный столик неподалеку от детской площадки, на которой по утрам качают руки-ноги дворники-таджики, а вечером чинно прогуливаются жильцы с собачками, собаками и собачищами. Впрочем, дети там иногда тоже гуляют.

И все-таки спрячьте ваши коммуникаторы, смартфоны и планшеты!

Ибо за этим неказистым столом люди делают то, что большинство из нас делать давно разучились,— они общаются! Лицом к лицу, как когда-то их пращуры у костров, а не по глобальной сети, как нынче. Здесь за оскорбление просто дадут в морду, без злобы, по-дружески, но не поднимут хай на весь фейсбук и не потащат в суд. Здесь все проще и естественней. И пусть их разговор кажется вам

---

[1] «Баян» — дубль шесть. При игре в простое домино с него начинают игру. Но можно и с любого старшего дубля. И вообще, с любой костяшки, если дублей на руках нет.

невнятным, а заскорузлая лексика и вовсе не годится для светского раута, поверьте, они прекрасно понимают друг друга.

По степени душевности домино может сравниться разве что с зимней рыбалкой, но рыбалка — это все-таки дело хлопотное, так что будем считать, что она на втором месте. Да и холодно зимой-то, и снаряга нынче стоит недешево. В общем, ну ее, эту зимнюю рыбалку!

Возможно, вам кажется, что эти люди просто-напросто вылетели из нынешней сумасшедшей жизни. Ну что же, вы, скорее всего, правы, что с того? Они не станут рассказывать вам о своем прошлом, прошлое — свято, каким бы оно ни было, они и друг другу мало что рассказывают, но у каждого есть судьба, и судьба непростая, потому что простых судеб вообще не бывает. В большинстве своем они немолоды и уже в силу этого не слишком нужны нашему насильственно омоложенному миру.

Они грубовато-бережны друг с другом, и этим летним вечером Бог улыбается им щербатой улыбкой не то старика, не то младенца.

Может быть, когда придет ваше время, они примут вас в круг, хотя для этого нужно быть «своим». Не стать — именно быть.

***

Он очнулся. Двор и столик рассыпались золотистой пылью и пропали. Давнишнее лето дохнуло в затылок щекотно и нежно — и сгинуло. Только метнулся по гулким отсекам пустой космической станции дикарский, ликующий вопль: «Рыба!»

Наверное, он задремал, хотя вроде бы спать ему теперь было не нужно. Но все-таки задремал. Значит, что-то человеческое в нем еще оставалось.

Слабая людская память отмирала за ненадобностью, сменяясь новой, но самые корешки ее оказались живучими и отмирать никак не хотели.

Он все еще помнил земную жизнь, лето, столик в зарослях уже отцветшей черемухи, домино…

Женщин. Он помнил, что среди женщин встречались красивые.

Имен он не помнил. Они были неважны.

Но и эти воспоминания были какими-то неконкретными — доверчивая узкая ладонь в кармане плаща, запах утреннего кофе, затекшая рука, которую не хочется убирать, — все отрывочно и смутно, но все равно от этого становится теплее.

Хотя тепло, в прямом смысле, ему теперь не так уж и необходимо. Так же как и расчерченный координатной сеткой экран радара. Он теперь сам себе и радар, и сканер. И куда лучше, чем изготовленные там, внизу.

Надо ли помнить куколке о жизни гусениц? Впрочем, он помнил, что быть гусеницей прекрасно. Быть живой разумной гусеницей среди множества себе подобных, грызущих зеленый лист планеты под названием Земля.

Кем он теперь был? Крабом-отшельником в металлической скорлупе орбитальной станции? Космической куколкой? Но куколки не помнят. Или все-таки помнят?

Он потрогал пространство, сфокусировался на окрестностях, легко, без усилия качнул свою скорлупу, корректируя орбиту.

Станции сближались, старики собирались за незримым столом, совсем рядом, всего-то в 36 тысячах километрах над зелено-голубой детской площадкой, на которой так и не повзрослевшие дети уже несколько тысячелетий играли в свои жестокие и бессмысленные игры.

Наступало время мурашек.

Они окликали друг друга издалека, через пространство, им давно стали не нужны человеческие средства связи. Космос дал им новые голоса, новые глаза, новые уши — но эти глаза все еще видели по-человечески, эти уши слышали человеческие слова, эти глаза могли видеть человеческие лица.

Они все-таки еще оставались людьми.

— Привет, Валентиныч! Как твой артрит?

— Привет, Балмасыч, как девочки?

— Девочки хорошо, но далеко и без меня, а жаль!

— Привет, Франсуа, как ты, так и не слетал в свой Марсель?

— Привет!

— Привет Джуди, ты прекрасно выглядишь среди звезд!

— Привет, старые греховодники! Я теперь всегда хорошо выгляжу.

Станции медленно сближались, словно огромные улитки со сверкающими на солнце панцирями.

— Ну, у кого сегодня «баян»?

***

Мурашки выскользнули из пусковых колодцев на холодной тяге, стабилизировались, отошли от станций на безопасное расстояние и только тогда включили маршевые двигатели.

Две стайки хищных и глазастых серебряных мальков на мелководье космоса.

Два хрупких облачка в пустоте соприкоснулись краями и рассыпались бисером.

Искры салюта, никогда не долетающие до брусчатки праздничной площади.

Вот одна, самая бойкая, отчаянно вспыхивая импульсными двигателями, вырвалась из свалки и устремилась вовне, и тут же несколько других бросились на перехват, чтобы догнать и сгинуть в короткой вспышке.

Десять секунд… двадцать… тридцать…

— Так нечестно, ты своих прикрывал!

— А ты подталкивал, думаешь, я не видел?

— Петрович всегда жульничает!

— Все жульничают, а значит, не жульничает никто!

И все. Станции расходятся, описывая друг относительно друга гигантские горизонтальные восьмерки, знаки бесконечности, чтобы через двадцать четыре земных часа снова сблизиться.

— Похоже, следующей игры не будет,— вдруг сообщил кто-то.

— Почему? Как так? А отыграться? А традиция? — зашелестел космос.

— Потому что идет Рой.

— Рой?

— Мы все знали, что он когда-нибудь вернется.

— Да, теперь я его тоже вижу.

— И я…

— Уйдем, прикроемся планетой, что нам до нее, мы же уже не люди!

— Там наши дети. Внуки. Правнуки.

— Он далеко?

— Сутки полета.

— Уйдем. Там внизу о нас давным-давно забыли!

— Но мы-то помним, да и должок за нами…

— Долги надо отдавать!

— Отдадим долги и станем свободны!

— Или рассеемся в пустоте…

— Мы и так часть пустоты.

— Мы все еще люди!

— Вот это будет Игра!

***

Он снова задремал. Еще сутки до встречи с Роем, можно и подремать, спрятав сознание в рукотворную скорлупу, нестерпимо блестящую на солнце. Почему-то ему снились вполне человеческие сны, наверное, потому, что он все еще оставался человеком. Интересно, когда он сбросит скорлупу, ему все так же будет сниться земная жизнь? Или он все забудет? Хотя, скорее всего, они так и умрут людьми, потому что идет Рой — тысячи боеголовок, примитивных и безмозглых, рукотворное цунами, которое они попытаются остановить своими далеко не безграничными силами.

А ведь оставалось совсем немного. Еще чуть-чуть, и они все вырвались бы из своих опостылевших скорлуп, устремляя новые тела навстречу ласковому и Великому Космосу. Это неправда, что в пространстве нечем дышать, неправда, что излучения убивают все живое.

Пространство милостиво к жизни, просто на Земле этого не знают.

Жаль, что им, скорее всего, не успеть. Но по крайней мере, они умрут, зная, что у людей есть шанс, что человек не обязательно обречен на погибель в земной грязи, что рано или поздно воля или хотя бы случай выведут его в пространство.

Случай…

Вот он, наш случай.

За миллион километров от планеты появились первые боеголовки приближающегося Роя.

Станции, медленно разворачиваясь, выстраивались в гигантский, растянутый над экватором пояс, готовясь встретить атаку из прошлого. Кто-то еще не освоился со своими новыми возможностями и неуклюже, словно костылями, подрабатывал импульсными двигателями, кто-то уже занял свое место и время от времени слегка покачивал станцию, словно разминаясь перед боем.

Мурашки далеко не летают. Пять-шесть тысяч километров, от силы. Системы селекции целей и самонаведения, созданные наземниками, несовершенны, а управлять непосредственно на таких расстояниях космические старики еще не научились, так что бой будет ближним.

Первую волну они перехватили в сорока тысячах километрах от земной поверхности.

Удар пришелся на восточный край пояса, если понятие «восток» применимо к ближнему космосу.

Две крайние станции окутались выпущенными навстречу Рою мурашками, словно одуванчики под порывом ветра,— остальные пока не доставали.

Мелкие вспышки, словно треки в древней пузырьковой камере,— и все. Сто двадцать секунд — и боеголовки пересекут геоцентрическую орбиту. Но станции сработали штатно, и первая волна была уничтожена еще на подлете.

Но древние умели убивать, и если уж брались за что-то, то делали это на совесть и с учетом возможных препятствий. Чтоб им пусто было, наивным романтикам смерти!

Впрочем, им, наверное, и так пусто, на том-то свете.

В околоземном пространстве вспух ослепительно сияющий пузырь ядерного взрыва, испаривший остатки боеголовок первой волны Роя и несколько станций противокосмической обороны.

Теперь вторая волна могла ударить в незащищенный бок планеты, затормозиться в атмосфере, сориентироваться, выбрать цели и решить земные проблемы раз и навсегда.

И этические, и прочие заодно.

Но в пробитое взрывом окно уже вползали оставшиеся станции, на ходу выбрасывая сотни мурашек.

Джуди, Балмасыч, Фыра, Самик, Дон-Бидон…

И снова ядерная вспышка.

Там, далеко внизу, наверное, началась паника. Еще бы!

Перестали работать системы навигации, впервые за сотню с лишним лет замолчали индивидуальные модули связи и развлечений (когда-то, в пору его далекой молодости, они назывались планшетами и смартфонами, а как сейчас — он не знал, да и не все ли равно…).

Человечество с трудом подняло голову и посмотрело на брызжущее сполохами небо, потом закричало тысячью голосов и бросилось спасаться под землю.

***

Он уже не чувствовал товарищей. Их не было на орбитах, их не было в космосе, их не было нигде. Они погибли, так и не успев стать кем-то большим, чем люди.

Или все-таки успели?

Теперь он стался один, а на планету надвигалась следующая волна отложенной смерти.

Он выпустил оставшиеся мурашки, понимая, что их слишком мало, чтобы перехватить все цели.

И тогда он начал меняться, боясь только того, что не успеет.

Титановая оболочка станции лопнула, как кожура семени, пробитая ростком, как уродливая куколка, выпускающая иное, невиданное доселе существо, и разлетелась в стороны, превратившись в обычный космический мусор.

Волна боли прокатилась по освобожденному телу, и это была священная боль рождения.

Он развернул огромные сияющие крылья — жаль, что люди не могли видеть, какие у него теперь есть замечательные крылья!

Ему больше нечего было делать рядом с планетой, наступила пора проститься.

Какое дело птице до яичной скорлупы?

И тут, за долю микросекунды до того, как выпорхнуть из тесного околопланетного закутка в свободный космос, он вспомнил.

Старики всегда отдают долги.

Он вспомнил и прикрыл планету своими крыльями от смертельно опасной мелочи, которая рвалась к ней из пространства.

* * *

Был поздний вечер в опустевшем по случаю воздушной тревоги городе.

Во дворе за дощатым столиком сидели пожилые люди.

Тускло светились пластмассовые стаканчики с водкой.

— А ты чего спасаться не побежал? — спросил один.

— Да куда там, спасаться… Ежели вдарит, так разве спасешься, уж лучше здесь, на воле, чем под землей.

— И то правда,— согласился первый. Умирать, так хоть душевно, а не как крыса какая-нибудь. Тем более что вон и выпить осталось, и закусить… И не доиграли опять же.

— Надо же, северное сияние,— сказал третий, посмотрев на небо.— Да еще какое! Я, когда на северах служил, и то такого не видел!

— Ишь, как полыхает во все небо, просто жуть, и звезд-то нормальных не видно ни одной! Только падающие.

— Ионосфера,— важно сообщил четвертый и потянул костяшки из доминошной кучи.

— А на севере говорят, что когда такое вот сияние — значит, Великий Шаман уходит.

— А небо-то с чего корежит? Вона как, словно плетью хлещут!

— А это он бьется со злыми духами, которые не дают ему уйти.

Они помолчали, глядя в пылающее небо, рассеченное розовыми порезами падающих звезд, потом выпили не чокаясь и снова замолчали, разглядывая костяшки домино в ладонях.

— Ну, у кого «баян»? — громко спросил Ринат.

Все вздрогнули, потом неожиданно для себя радостно загалдели, словно что-то страшное могло случиться, но не случилось, сгинуло, пропало. Навсегда.

И тот, который поминал шамана, с победным треском впечатал в столешницу доминошную костяшку.

МОЛОКИН Алексей Валентинович

(род. в 1950 г., Павлово Горьковской обл.). Выпускник физфака Горьковского университета, лауреат фестиваля авторской песни «Москворечье-74». Много лет работал на предприятиях оборонной промышленности. С начала 90-х активно выступал как переводчик англоязычной НФ. Тогда же в местной печати появились его первые рассказы. Первый роман писателя — фантастическая сатира «Лабух» (2006). В 2009 г. появился второй НФ-роман «Злое железо». Затем изданы романы «Блюз «100 рентген» и «Припять — Москва. Тебя здесь не ждут, сталкер!». Четырежды публиковался на страницах «Если». Молокин — лауреат литературной премии «Признание». Сейчас живет в Москве, работает в КБ.

ЕСЛИ 02:

ГОРОДА БУДУЩЕГО

Современный мир — это мир городов. В городах создаются новые технологии, новые знания, новые социальные практики, новая культура. Будущее тоже создается в городах. Но сейчас города вследствие инертности и сверхсложности не успевают адаптироваться к стремительно меняющемуся миру. И происходит смена городов-лидеров. Глобальные города, создавшие новейшую экономику уникальностей, станут для нее слишком тесными, неудобными и могут потерять лидерство.

Города, вышедшие в лидеры глобального развития, должны будут создать новый тип горожанина, новые представления о здоровье и новые болезни, новую экологию, новый облик городской среды и новый пакет городских образов жизни. И здесь возникнет вопрос, какие города выйдут в лидеры развития к 2030 году? На кого делать ставку?

В НОВОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА ФАНТАСТИКИ И ФУТУРОЛОГИИ «ЕСЛИ»:

- Спектроскопия городов: как опознать великие города нового мира?
- Города и высокие технологии: кто кого подгоняет?
- Теория и практика городских утопий
- Город-университет: будущее образовательных пространств
- Эволюция городов за горизонтом 2030: взгляд из России
- Города в космосе: далекое ли будущее?

И конечно же, новые произведения ваших любимых писателей-фантастов!

ФАНТАСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

ЕСЛИ

ЕСЛИ вас интересует
Будущее

ЕСЛИ вы готовы
к Невероятному

ЕСЛИ вас не испугает
Немыслимое

«ЕСЛИ» —
это журнал для вас

12+

ЧИТАЙТЕ ВСЕ НОМЕРА НА ESLI.RU